

Историческое изображение
А. С. Пушкина

БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА

А. С. ПУШКИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
 ПРАВДА
1·9·8·1

Собрание сочинений
выходит под наблюдением
М. П. Е р е м и н а

Текст печатается по изданию: А. С. Пушкин.
Полное собрание сочинений в десяти томах.
Изд-во «Наука», Ленинград, 1977—1979.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1824 (*Михаѣловское*) — 1836

1824 (*Михайловское*)

ИЗ ПИСЬМА К ВУЛЬФУ

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

К ЯЗЫКОВУ

(*Михайловское, 1824*)

Издравле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;

Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденные леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит,
И наша тронца прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,

Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:

Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.

Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвьи трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлись по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,

Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесь Анакреона:
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты,
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;

Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стои лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображение:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум!
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,

Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излианья,
Как божеству, не нужно ей.

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет.
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца.

Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись.
Условимся.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный;
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзвывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый,—
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставляя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой пегец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен.
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою,—
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;

Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданиях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором,—
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней,
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины златной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

* * *

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

* * *

Ночной зефир,
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

* * *

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой

Луна туманная взошла...

Всё мрачную тоску на душу мне наводит.

Далеко, там, луна в сиянии восходит;

Там воздух напоен вечерней теплотой;

Там море движется роскошной пеленой

Под голубыми небесами...

Вот время: по горе теперь идет она

К берегам, потопленным шумящими волнами;

Там, под заветными скалами,

Теперь она сидит печальна и одна...

Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;

Никто ее колен в забвенье не целует;

Одна... ничьим устам она не предает

Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

.
.
.

Никто ее любви небесной не достоин.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;

.
Но если

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ ¹

ПОСВЯЩЕНО П. А. ОСИПОВОИ

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой ²:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.

В паренье дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых ³.

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье ⁴:
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды
И вертоград, и хоам, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На зсмяю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С тобою древле, о всеильный,
 Могучий состязаться мнил,
 Безумной гордостью обильный;
 Но ты, господь, его смирил.
 Ты рек: я миру жизнь дарую,
 Я смертью землю наказую,
 На всё поднята длань моя.
 Я также, рек он, жизнь дарую,
 И также смертью наказую:
 С тобою, боже, равен я.
 Но смолкла похвальба порока
 От слова гнева твоего:
 Подъемлю солнце я с востока;
 С заката подыми его!

V

Земля недвижна; неба своды,
 Творец, поддержи ты тобою,
 Да не падут на сушь и воды
 И не подавят нас собой⁵.

Зажег ты солнце во вселенной,
 Да светит небу и земле,
 Как лен, елеем напоенный;
 В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
 Он правит ветром; в знойный день
 На небо насылает тучи;
 Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
 Открыл сияющий Коран,
 Да притечем и мы ко свету,
 И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
 В бою с обрityми главами,
 С окровавленными мечами,
 Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный,
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут, господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал,
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных и поэтических подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

² В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

³ «Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

⁴ Из книги *Слепец*.

⁵ Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

* * *

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,

И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

ЧААДАЕВУ

С МОРСКОГО БЕРЕГА ТАВРИДЫ

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданием возгордилось.

Чедаев, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиление вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облакался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

* * *

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награды долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной—
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

На скользком поприще Тимковского наследник!
Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь —
Но извини меня: мне было невтерпеж.
Теперь, в моей глуши журналы раздирая

И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила, и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души, и смелостью ума.
Как изумилася поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова божественный, небесный,
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж Господа Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменяло
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
Но, подразнив тебя, я переменной сею
Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещение.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, Магницкого дьячок.
И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещенья.
Я с переменною несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,
Но, сам не зная как, ты, видно, устоял.
Итак, я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб, все законные преграды истребя,
Всё мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной Истине, но мирному Уму
И даже Глупости, невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного пера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

КЛЕОПАТРА

Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир,
Все, Клеопатру славя хором,
В ней признавая свой кумир,
Шумя, текли к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась — и долу
Поникла дивною главой.

И пышный пир как будто дремлет.
И в ожиданье всё молчит...
Но вновь она чело подъямлет
И с видом важным говорит:
«Внемлите мне: могу равенство
Меж вас и мной восстановить».

В моей любви для вас блаженство,
Блаженство можно вам купить:
Кто к торгу страстному приступит?
Свои я ночи продаю.
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

Она рекла. Толпа в молчанье.
И всех в волнении сердца.
Но Клеопатра в ожиданье
С холодной дерзостью лица:
«Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Иль вы теперь бежите прочь?
Вас было много; приступите,
Торгуйте радостную ночь».

И гордый взор она обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг — из рядов один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь, ясны очи,
Царица гордо восстает.
Свершилось: куплены три ночи...
И ложе смерти их зовет.

И снова гордый глас возвысила царица:
«Забыты мною, днесь венец и багряница!
Простой наемницей на ложе восхожу;
Неслыханно, тебе, Киприда, я служу,
И новый дар тебе ночей моих награда,
О боги грозные, внемлите ж, боги ада,
Подземных ужасов печальные цари!
Примите мой обет: до сладостной зари
Властителей моих последние желанья
И дивной негою и тайнами лобзанья,
Всей чашею любви послушно упою...
Но только сквозь завес во храмину мою
Блеснет Авроры луч — клянусь моей порфирой, —
Главы их упадут под утренней секирой!»

Благословенные священной рукой,
Из урны жребии выходят чередой,
И первый Аквила, клевет Помпея смелый,

Изрубленный в боях, в походах поседелый.
Презренья хладного не снес он от жены
И гордо выступил, суровый сын войны,
На вызов роковых последних наслаждений,
Как прежде выступал на славный клик сражений.

Критон за ним, Критон, изнеженный мудрец,
Воспитанный под небом Арголиды,
От самых первых дней поклонник и певец
И пламенных пиров и пламенной Киприды.
Последний имени векам не передал,
Никем не знаемый, ничем не знаменитый;
Чуть отороческий пух, темнея, покрывал
Его стыдливые ланиты.
Огонь любви в очах его пылал,
Во всех чертах любовь изображалась —
Он Клеопатрою, казалось, дышал,
И молча долго им царица любовалась.

* * *

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!

ГРАФУ ОЛИЗАРУ

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

И вы, бывало, пировали
Кремля позор и . . . плен,

И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье красных ваших жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит —
Перед улыбкою небесной
Земная ненависть молчит!
При сладких звуках вдохновенья,
При песнях лир...
И восстают благословенья,
На племена нисходит мир...

ИЗ ПИСЬМА К ПЛЕТНЕВУ

Ты издал дядю моего.
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его.
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

* * *

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.

* * *

Т — прав, когда так верно вас
Сравнил он с радугой живою:
Вы милы, как она, для глаз
И, как она, переменчивы душою;
И с розой сходны вы, блеснувшей весной:
Вы так же, как она, пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с вами.
Но более всего сравнение с ключом
Мне нравится — я рад ему сердечно:
Да, чисты вы, как он, и сердцем и умом,
И холодней его, конечно.
Сравненья прочие не столько хороши;
Поэт не виноват — сравненья неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью души,
К несчастью, бесподобны.

* * *

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дым парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,

И посрамлением Луны,
И мы . . . прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского Села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела —
С Делинъем — иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удушенная слава
С Екатериной умерла.

* * *

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других еще не заключил,—
Ходи к источнику близ могил
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит и исчезает —
Так жизни время убегает,
В гареме так исчезну я.

* * *

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.

* * *

Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах — бог обедов,
В своих садах — он бог садов.

* * *

Презрев и голос укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
Умолкни, сердца шепот сонный,
Привычки давной слабый глас,
Прости, предел неблагосклонный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои текли в тиши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивых души.
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.
В последний раз сожжем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта
.
. . . где-нибудь в волненье света
Мой глас вспомни иногда...

Умолкнет он под небом дальным
. сне,
Один печальным
Угаснет в чуждой стороне.
К моей могиле безымянной
.
Настанет час желанный,
И славянин

К САБУРОВУ

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молоствовым,
С моим Чедаевым читал,
Как, все заботы отклоня,
Провел меж ими год я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Своею смуглой.

МЛАДЕНЦУ

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

* * *

Лизе страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь — может быть,
Это новая Диана
Притаила нежну страсть —
И стыдливыми глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.

ИЗ ПИСЬМА К РОДЗЯНКЕ

Прости, украинский мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим — деревня; ты мой папа,
Благослови ж меня, певец!

ПОСЛАНИЕ к Л. ПУШКИНУ

Что же? будет ли вино?
Лайон, жду его давно.
Знаешь ли какого рода?
У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой
И под пробкой смоляной
Сен Пере бутылке длинной.
В лета красные мои,
В лета юности безумной,
Поэтический *Аи*
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви!
. . . . вспомнил о поэте
И напеченный бокал
Я тогда всему на свете,
Милый брат, предпочитал.

Ныне нет во мне пристрастья —
Без разбора за столом.
Друг разумный сладострастья,
Вина обхожу кругом.
Все люблю я понемногу —
Частодвигаю стакан,
Часто пью — но, слава богу,
Редко, редко лягу пьян.

* * *

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними вербная лоза
С иссохшей просвирой и свечкой
.
Горшок с на окне,
Две канареечки над печкой —

ОТРЫВКИ

* * *

Он улыбался равнодушно,
Когда советы матерей...

* * *

Как узник, Байроном воспетый,
Вздыхнул, оставя мрак тюрьмы.

* * *

Слаб и робок человек,
Слеп умом — и всё тревожит

* * *

Иван-Царевич по лесам
И по полям и по горам
За бурым волком раз гонялся.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
 Как долго медлил я, как долго не хотела
 Рука предать огню все радости мои!..
 Но полно, час настал: гори, письмо любви.
 Готов я; ничему душа моя не внемлет.
 Уж пламя жадное листы твои приемлет...
 Минуту!.. вспыхнули... пылают... легкий дым,
 Вясь, теряется с молением моим.
 Уж перстня верного утрата впечатленья,
 Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
 Свершилось! Темные свернулись листы;
 На легком пепле их заветные черты
 Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
 Отрада бедная в судьбе моей унылой,
 Останься век со мной на горестной груди...

* * *

Сказали раз царю, что наконец
 Мятежный вождь, Риэго, был удушен.
 «Я очень рад,— сказал усердный льстец,—
 От одного мерзавца мир избавлен».
 Все смолкнули, все потупили взор,
 Всех рассмешил проворный приговор.
 Риэго был пред Фердинандом грешен,
 Согласен я. Но он за то повешен.
 Пристойно ли, скажите, сгоряча
 Ругаться нам над жертвой ялача?

Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

* * *

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась Полярная звезда.
Бестужев, твой ковчег на берегу!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

ОДА

ЕГО СИЯТ. гр. Дм. Ив. ХВОСТОВУ

Султан ярится.¹ Кровь Эллады
И резвоскачет,² и кипит.
Открылись грекам древни клады,³
Трепещет в Стиксе лютый Пит.⁴

И се — летит продерзко судно
И мещет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный,⁵
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть.—
Никак! Ты с верною супругой⁶
Под бременем Судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единообразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый пиита,
В восторге новом воспою
Во след пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кушу,⁷
И да блюдут твой мирный сон⁸
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁴ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник свободы.

⁵ Горячка.

⁶ Графиня А. И. Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: «Заздравный кубок»).

⁷ Подражание его высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческа куши,
Взирая на суда бегущи.

⁸ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним предерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспослет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевс улыбается ему с небес, Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здравие его; Псиша, в образе Ипполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вах и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного пииты.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

— Как! жив еще Курилка журналист?

— Живехонек! всё так же сух и скучен,

И груб, и глуп, и завистью размучен,

Всё тискает в свой непотребный лист

И старый вздор и вздорную новинку.

— Фу! надоел Курилка журналист!

Как загасить вонючую лучинку?

Как уморить Курилку моего?

Дай мне совет.— Да... плюнуть на него.

КОЗЛОВУ

ПО ПОЛУЧЕНИИ ОТ НЕГО «ЧЕРНЕЦА»

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им:
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки.
Тебе он создал новый мир:
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира,
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя,—
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?

Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

EX UNGUE LEONEM ¹

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

П. А. ОСИПОВОЙ

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

¹ По когтям узнают льва (лат.).

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

* * *

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пусть же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. РАЕВСКОМУ

Ainsi, triste et captif, ma lyre, toutefois
S'éveillait...¹

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит неизвестная лира.
Пою. Мне внимлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет ¹.

Завтра казнь, привычный пир народу:
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!
«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ.

¹ Так, когда я был в печали и в заключении, лира моя всё же пробуждалась... (франц.).

Я зрел, как их могущи волны
 Всё ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибун предрек, восторга полный,
 Перерождение земли.
 Уже сиял твой мудрый гений,
 Уже в бессмертный Пантеон
 Святых изгнанников входили славны тени,
 От пелены предрассуждений
 Разоблачался ветхий трон;
 Оковы падали. Закон,
 На вольность опершись, провозгласил равенство,
 И мы воскликнули: *Блаженство!*
 О горе! о безумный сон!
 Где вольность и закон? Над нами
 Единый властвует топор.
 Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
 Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
 Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая, нет,— не виновна ты,
 В порывах буйной слепоты,
 В презренном бешенстве народа,
 Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
 Завешен пеленой кровавой;
 Но ты придешь опять со мщением и славой,—
 И вновь твои враги падут;
 Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
 Всё ищет вновь упиться им;
 Как будто Вакхом разъяренный,
 Он бродит, жаждою томим;
 Так — он найдет тебя. Под сению равенства
 В объятиях твоих он сладко отдохнет;
 Так буря мрачная минет!
 Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
 Я плахе обречен. Последние часы
 Влачу. Завтра казнь. Торжественной рукою
 Палач мою главу подымет за волосы
 Над равнодушною толпою.
 Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
 Не будет почивать в саду, где провождали
 Мы дни беспечные в науках и в пирах
 И место наших урн заране назначали.
 Но, други, если обо мне
 Священно вам воспоминанье,

Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленья:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни²,
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой незрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и Узница моя³,
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовью, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... И стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,

Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспаясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гнев;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала,—
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставляю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,

Ты слово, звук пустой...

О нет!

Умолкни, ропот малодушный!

Гордись и радуйся, поэт:

Ты не поник главой послушной

Перед позором наших лет;

Ты презрел мощного злодея;

Твой светоч, грозно пламенея,

Жестоким блеском озарил

Совет правителей бесславных⁴;

Твой бич настигнул их, казнил

Сих палачей самодержавных;

Твой стих свистал по их главам;

Ты звал на них, ты славил Немезиду;

Ты пел Маратовым жрецам

Кинжал и деву-эвмениду!

Когда святой старик от плахи отрывал

Венчанную главу рукой оцепенелой,

Ты смело им обоим руку дал,

И перед вами трепетал

Ареопаг остервенелый.

Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
 Моей главой играй теперь:
 Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
 Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
 Пей нашу кровь, живи, губя:
 Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
 И час придет... и он уж недалек:
 Падешь, тиран! Негодование
 Воспрянет наконец. Отечества рыданье
 Разбудит утомленный рок.
 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
 Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
 И всё покоилось. Лампады тихий свет
 Бледнел пред утренней зарею,
 И утро веяло в темницу. И поэт
 К решетке поднял важные взоры...
 Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
 Звучат ключи, замки, запоры.
 Зовут... Постой, постой; день только, день один:
 И казней нет, и всем свобода,
 И жив великий гражданин
 Среди великого народа⁵.
 Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
 Но дружба смертный путь поэта очарует⁶.
 Вот плаха. Он взмог. Он славу именует⁷...
 Плачь, муза, плачь!..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre

Anime le soir d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.

(V. *Les derniers vers d'André Chénier.*)

² У Авеля, у Фанни

Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I): один из друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

³ И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny)

⁴ Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre.— On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le

condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

⁵ Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

⁶ На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

⁷ На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.

К РОДЗЯНКЕ

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь мне об *ней* одной...
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украйны!

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной...
Поговорим опять об *ней*.

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей;
И счастлив, кто разделит с *ней*
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту,
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.

Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода!
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...

А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои:
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Если жизнь тебя обманет,
 Не печалься, не сердись!
 В день уныния смирись:
 День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
 Настоящее уныло:
 Всё мгновенно, всё пройдет;
 Что пройдет, то будет мило.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
 Раздайтесь, вакхальны припевы!
 Да здравствуют нежные девы
 И юные жены, любившие нас!
 Полнее стакан наливайте!
 На звонкое дно
 В густое вино
 Заветные кольца бросайте!
 Подыдем стаканы, содвинем их разом!
 Да здравствуют музы, да здравствует разум!
 Ты, солнце святое, гори!
 Как эта лампада бледнеет
 Пред ясным восходом зари,
 Так ложная мудрость мерцает и тлеет
 Пред солнцем бессмертным ума.
 Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Н. Н.

ПРИ ПОСЫЛКЕ ЕЙ «НЕВСКОГО АЛЬМАНАХА»

Примите «Невский альманах».
 Он мил и в прозе, и в стихах:
 Вы тут найдете *** ова,
 Вел *** , Х *** ова;

К ***, дальный ваш родня,
Украшил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и прах.
Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

САФО

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

* * *

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирали из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честню, и мертвым и живым,

К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пусть же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

СОВЕТ

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

ДВИЖЕНИЕ

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

* * *

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,

И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

БЕРЕГ МОРЯ. ФАУСТ И МЕФИСТОФЕЛЬ

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!

Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь

Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies¹ — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о, вот наука!..

¹ Пресыщение есть покой (лат.).

Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможную дань,
А был ли счастлив?

Фауст

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знанье жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

Мефистофель

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Фауст

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокий,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленья
(А доказали мы с тобой,
Что размышленья — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал!

Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслаждением,
С неодолимым отвращением:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключение...

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

* * *

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

* * *

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закапят ароматы.

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,

Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

* * *

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
И вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я...

ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу.
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

* * *

Хотя стишки на именины
Натали, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть,
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить.
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили *благодатью!*
Нет, нет, по мнению моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать) —
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

* * *

Что с тобой, скажи мне, братец.
Бледен ты, как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был ты у забора,
И, приняв тебя за вора,

Сторож гнался за тобой,
Иль смущен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

С ПОРТУГАЛЬСКОГО

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.

На постеле пуховой
Дева сонною рукой
Отирала сонны очи,
Удаляя грезы ночи.

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.

Лишь ее завиджу я,
Мнилось, легче вокруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.

Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку —
Я водил ее на речку.

На тенистые берега,
На зеленые луга;
Я поил ее, ледеял,
Перед ней цветы я сеял.

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, прекрасную встречая,
Пел, гитарою бряцая:

«Девы, радости моей,
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастья со мною?»

Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Тонкий стан и косы темны».

Так невал бывало ей,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.

Где ж красавица моя!
Одинокий плачу я —
Заменили песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

НАЧАЛО I ПЕСНИ «ДЕВСТВЕННОЦЫ»

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес;
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.

Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица —
Послушная, как агнец полевой;
Йоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

* * *

Твое соседство нам опасно,
Хоть мило, может быть, оно —
Так утверждаю не напрасно
И доказать не мудрено.
Твой дом, учтивая беседа
И шутки пополам
Напоминают живо нам
И впрямь Опасного соседа.

* * *

Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись Фертóm!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

* * *

Quand au front du convive, au beau sein de Délie
La rose éblouissante a terminé sa vie.

Soudain se détachant de sa tige natale
Comme un léger soupir sa douce âme s'exhale,
Aux rives Elysées ses mânes parfumés
Vont charmer du Lethé les bords inanimés.

* * *

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их легкая душа.

И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ

I

«Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?»
— Все хороши: на все призыванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья —
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. Что делать — я служу,

Живу, кряхчу под вечным игом.
Как нянька бедная, хожу
За вами — слушаю, гляжу.

II

— Вот Коцит, вот Ахерон,
Вот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, ну смелее,
Там нам будет веселее.—
— Где же мост? — Какой тут мост,
На вот — сядь ко мне на хвост.

— Кто идет? — Солдат.
— Это что? — Парад.
— Вот обер-капрал,
Унтер-генерал.

— Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
— Фауст, ха-ха-ха,
Посмотри — уха,
Погляди — цари.
О, вари, вари!..

III

— Так вот детей земных изгнание?
Какой перядок и молчанье!
Какой огромный сводов ряд,
Но где же грешников варят?
Всё тихо.— Там, гораздо дале.
— Где мы теперь? — В парадной зале.

— Сегодня бал у Сатаны —
На именины мы званы —
Смотри, как эти два бесенка
Усердно жарят поросенка,
А этот бес — как важен он,

Как чинно выметает вон
Опилки, серу, пыль и кости.
— Скажи мне, скоро ль будут гости?

— Что козырь? — Черви. — Мне ходить.
— Я бью. — Нельзя ли погодить?
— Беру. — Кругом нас обыграла.
— Эй, смерть! Ты, право, сплутовала.
— Молчи! ты глуп и молоденок.
Уж не тебе меня ловить.
Ведь мы играем не из денег,
А только б вечность проводить!

— Кто там? — Здорово, господа!
— Зачем пожаловал сюда?
— Привел я гостя. — Ах, создатель!..
— Вот доктор Фауст, наш приятель —
— Живой! — Он жив, да наш давно —
Сегодня ль, завтра ль — всё равно.

— Об этом думают двояко;
Обычай требовал, однако,
Соизволения моего.
Но, впрочем, это ничего.
Вы знаете, всегда я другу
Готова оказать услугу...
Я дамой... — Крой! — Я бью тузом...
— Позвольте, козырь. — Ну, пойдём...

* * *

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте семнадцать лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,

И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало смелей грозит и упрекает.
Что делать утешься и смиришь,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед — успехи пред тобою,
Я счастья тебе желаю всей душою,
. а опытов моих,
Мой дидактический, благоразумный стих.

* * *

Семейственной любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра! не спереди, а сзади.

VARIANTES EN L'HONNEUR DE M-LE NN¹

Почтения, любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.

* * *

Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-евнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.

«Мизрур, недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты.
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне всё сказали.
Я знаю — жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика».

¹ Вариант в честь м-ль НН (франц.)

* * *

Заступники кнута и плети,
О знаменитые князья,
За них жена моя и дети
Вам благодарны, как и я.
За вас молить я бога буду
И никогда не позабуду,
Когда по делу позовут
Меня на новую расправу,
За ваше здравие и славу
. . . . мой первый кнут.

* * *

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Течение месячных изданий.

* * *

На небесах печальная луна
Встречается с веселою зарею,
Одна горит, другая холодна.
Заря блестит невестой молодою,
Луна пред ней, как мертвая, бледна.
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.

Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый, — музы наши сестры,
Итак, ты всё же братец мой.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова посылает
Ко испражнению прежних дней.

* * *

Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель?» —
Царь расхохотался:
«Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:

«Вешают за морем

То есть разумею,—
Вдруг примолвил он,—
Вешают за шею,
Но жесток закон».

* * *

От многоречия отрекшись добровольно,
В собранье полным слов не вижу пользы я;
Для счастья души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

ИЗ ВОЛЬТЕРА

Короче дни, а ночи доле,
Настала скучная пора,
И солнце будто поневоде
Глядит на убранное поле.
Что делать в зимни вечера?
Пока не подавали кушать,
Хотите ли теперь послушать,
Мои почтенные друзья,
Рассказ про доброго Роберта,
Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег.
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденец.

В то время деньги

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши истинно повесить
И живота весьма лишить.

* * *

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дального,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшего
В тишине небес.

АННЕ Н. ВУЛЬФ

Увы! напрасно дева гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду быть,
Хоть сердце мне печаль расколет.

.
.

ОТРЫВКИ

* * *

Играй, прелестное дитя,
Летай за бабочкой летучей,
Поймай, поймай ее шутя
Над розой колючей,

Потом на волю отпуща.
Но не совету тебе
Играть с уснувшим змием —
Завидуя его судьбе
Готовы
Искусным пойманный перстом

* * *

Смеетесь вы, что девой бойкой
Пленен я, милой поломойкой.

* * *

Он вежлив был в иных прихожих,
Но дома скучен, сух и горд.

* * *

Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак
Мне радостней

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Да сохранит тебя твой добрый гений
Под бурями и в тишине

* * *

Как широко,
Как глубоко!
Нет, бога ради,

.

* * *

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.

Его таинственная сила
.
Слова святые начертила
На нем безвестная рука.

1826

К БАРАТЫНСКОМУ

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

К ЗИНЕ

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO»

CANTO XXIII

Ott. 100¹

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

¹ «Неистового Орланда». Песнь XXIII, октава 100 (итал.).

Луга палит полдневный зной,
 Пастух убогий спит у стада.
 Устал под латами герой —
 Его манит ручья прохлада.
 Здесь мыслит он найти покой.
 И здесь-то, здесь нашел несчастный
 Приют жестокий и ужасный.

Гуляя, он на деревьях
 Повсюду надписи встречает.
 Он с изумленьем в сих чертах
 Знакомый почерк замечает;
 Невольный страх его влечет,
 Он руку милой узнает...
 И в самом деле в жар полдневный
 Медор с китайскою царевной
 Из хаты пастыря сюда
 Сам-друг являлся иногда.

Орланд их имена читает,
 Соединенны вензелом;
 Их буква каждая гвоздем
 Герою сердце пробивает.
 Стараясь разум усыпить,
 Он сам с собою лицемерит,
 Не верить хочет он, хоть верит,
 Он силится вообразить,
 Что вензеля в сей роще дикой
 Начертаны все, может быть,
 Другой, не этой Анджеликой.

Но вскоре, витязь, молвил ты:
 «Однако ж эти мне черты
 Знакомы очень... разумею,
 Медор сей выдуман лишь ею,

Под этим прозвищем меня
Царевна славила, быть может».
Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105

Но чем он более хитрит,
Чтоб утушить свое мученье,
Тем пуше злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

106

Кривой, бродящей повиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анджеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркий, в тихий час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливцы написали.

107

Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной
Зрит надпись — в похвалу забав
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал;
Стихи, чувств нежных вдохновенье,
Он по-арабски написал,
И вот их точное значенье:

80

«Цветы, луга, ручей живой,
 Счастливый грот, прохладны тени,
 Приют любви, забав и лени,
 Где с Анжеликой молодой,
 С прелестной дочерью Галафрона,
 Любимой многими — порой
 Я знал утеху Купидона.
 Чем, бедный, вас я награжу?
 Столь часто вами охраненный,
 Одним лишь только услужу —
 Хвалою и просьбою смиренной.

Господ любовников молю,
 Дам, рыцарей и всевозможных
 Пришельцев, здешних иль дорожных,
 Которых в сторону сию
 Фортуна заведет случайно, —
 На воды, луг, на тень и лес
 Зовите благодать небес,
 Чтоб нимфы их любили тайно,
 Чтоб пастухи к ним никогда
 Не гнали жадные стада».

Граф точно так, как по-латыни,
 Знал по-арабски. Он не раз
 Спасался тем от злых проказ,
 Но от беды не спасся ныне.

Два, три раза, и пять, и шесть
 Он хочет надпись перечесть;
 Несчастный силится напрасно
 Сказать, что нет того, что есть.
 Он правду видит, видит ясно,
 И нестерпимая тоска,
 Как бы холодная рука,

Сжимает сердце в нем ужасно.
И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

* * *

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такую нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковой тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

К ВЯЗЕМСКОМУ

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славись лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный **век**
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

К ЯЗЫКОВУ

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоял свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельно́ю брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царица.

Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казачков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2

Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
Друга соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу.
Что во чистом поле,
На зеленом дубе,
На зеленом дубе,
Да в собачьей шубе».

Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода,
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

3

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

ПРИЗНАНИЕ

К АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВНЕ ОСИПОВОЙ

Я вас люблю — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!

Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,—
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку;
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:

Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней дозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и **внеми,**
Исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

К. А. ТИМАШЕВОЙ

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперницы *запретной* розы
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы.

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукий.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен...

ОТВЕТ Ф. Т.***

Нет, не черкешенка она,—
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней,—
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одна.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит;

И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

* * *

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает Библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло всё под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь.— Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоумением открывает —
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох.

Ты богоматерь, нет сомненья,
 Не та, которая красой
 Пленила только дух святой,
 Мила ты всем без исключенья;
 Не та, которая Христа
 Родила, не спросясь супруга.
 Есть бог другой земного круга —
 Ему послушна красота,
 Он бог Парни, Тибулла, Мура,
 Им мучусь, им утешен я.
 Он весь в тебя — ты мать Амура,
 Ты богородица моя.

ИЗ ПИСЬМА К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ

С тобой мне вновь считаться довелось,
 Певец любви то резвый, то унылый;
 Играешь ты на лире очень мило,
 Играешь ты довольно плохо в штос.
 Пятсот рублей, проигранных тобою.
 Наличные свидетели тому.
 Судьба моя сходна с твоей судьбою;
 Сейчас, мой друг, увидишь почему.

* * *

Едва уста красноречивы
 Тебя коснулись, и вмиг
 Его ума огонь игривый
 В тебя таинственно проник.

Кристалл, поэтом обновленный,
 Укрась мой мирный уголок,

Залог поэзии священной
И дружбы сладостный залог.
В тебе таится жар целебный.
.

* * *

Будь подобен полной чаше,
Молодых счастливый дом,—
Непонятно счастье ваше,
Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
Для рассудка моего —
Черт возьми! но, воля ваша,
Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

Стойте — тотчас угадаю
Горе сердца твоего.
Понимаю, понимаю! —
Не болтай же ничего.

Строгий суд и слово ваше
Ценим более всего.
Вы ль одни про счастье наше
Не сказали ничего!

Он мне ровесник, он так мил,
Всегда видала в нем я брата,
Он, как сестру, меня любил.
Скажите, чем я виновата.

Нет, Маша, ты не виновата.

И этой свадьбе не бывать.

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе

ИЗ ПИСЬМА К СОБОЛЕВСКОМУ

Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде
не найдешь. Потом
(На голос: «Жил да был петух индейский»)

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яишницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарашит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,

Как увидишь: посинели —
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая. —
В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,
У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

На каждой станции советую из коляски выбрасывать
пустую бутылку; таким образом, ты будешь иметь от
скуки какое-нибудь занятие.

ОТРЫВКИ

* * *

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на вые
К убийце гнусному явись.

* * *

И я бы мог, как шут на

* * *

На разность утренних одежд

* * *

Пока в нас сердце замирает

СТИХОТВОРЕНИЯ,
ТОЧНАЯ ДАТА КОТОРЫХ
НЕ УСТАНОВЛЕНА
1824—1826

* * *

Там на берегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел... и милой встречи ждал.

НА ТРАГЕДИЮ гр. ХВОСТОВА,
ИЗДАННУЮ С ПОРТРЕТОМ КОЛОСОВЫ

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

* * *

Нет ни в чем вам благодати;
С счастьем у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.

* * *

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!

Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы,—
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

НА АЛЕКСАНДРА I

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фронт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!

* * *

Что-то грезит Баратынский,
Что-то думает Плетнев?

А. С. Пушкин.
Портрет работы И. Л. Линева. 1837.

Пушкин в гостях у Пушкина в Михайловском.

Картина работы Н. Н. Ге. 1875.

1827

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

СОЛОВЕЙ И РОЗА

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь — нет ответа.

ЭПИГРАММА

(ИЗ АНТОЛОГИИ)

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

* * *

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза,
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

ЕК. Н. УШАКОВОЙ

Когда, бывало, в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изречение:
«Аминь, аминь, рассыпья!». В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений
(Бог ведает, куда девались они!).
Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль, и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые,

Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою
И сердца пылкого мечтою
«Аминь, аминь, рассыпья» говорю.

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ ЕИ ПОЭМЫ «ЦЫГАНЫ»

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

ЕК. Н. УШАКОВОЙ

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен.
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,—
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

ТРИ КЛЮЧА

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и плавец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

МОРДВИНОВУ

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и зеницы

И с шумной радостью взыграл и полетел
Во сретенье твоей денницы.

Мордвинов, не вотще Петров тебя любил,
Тобой гордился он и на берегах Коцита:
Ты лиру оправдал, ты век не изменил
Надеждам вещего пиита.

Как славно ты сдержал пророчество его!
Сияя доблестью, и славой, и наукой,
В советах недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой.

Так, в пенистый поток с вершины гор скатясь,
Стоит седой утес, вотще берега трепещут,
Вотще грохочет гром и волны, вокруг мутясь,
И увиваются и плещут.

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священи пред тобою.

АНГЕЛ

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон, мрачный и мятежный,
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости,— он рек,— тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

Какая ночь! Мороз трескучий,
 На небе ни единой тучи;
 Как шитый полог, синий свод
 Пестреет частыми звездами.
 В домах всё темно. У ворот
 Затворы с тяжкими замками.
 Везде покоится народ;
 Утих и шум, и крик торговый,
 Лишь только лает страж дворовый
 Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
 Забыв волнение боязни.
 А площадь в сумраке ночном
 Стоит, полна вчерашней казни,
 Мучений свежий след кругом:
 Где труп, разрубленный с размаха,
 Где столп, где вилы; там котлы,
 Остывшей полные смолы;
 Здесь опрокинутая плаха;
 Торчат железные зубцы,
 С костями груды пепла тлеют,
 На кольях, скорчась, мертвецы
 Оцепенелые чернеют...
 Недавно кровь со всех сторон
 Струею тощей снег багрила,
 И подымался томный стон,
 Но смерть уже, как поздний сон,
 Свою добычу захватила.
 Кто там? Чей конь во весь опор
 По грозной площади несется?
 Чей свист, чей громкий разговор
 Во мраке ночи раздается?
 Кто сей? — Кромешник удалой.
 Спешит, летит он на свиданье,
 В его груди кипит желанье,
 Он говорит: «Мой конь лихой,
 Мой верный конь! лети стрелой!
 Скорей, скорей!..» Но конь ретивый
 Вдруг размахнул плетеной гривой
 И стал. Во мгле между столпов
 На перекладине дубовой

Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчатся был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит, и фыркает, и рвется
Назад. «Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..» И конь усталый
В столбы под трупом проскакал.

.

КИПРЕНСКОМУ

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз,—
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит:
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ КАРАМЗИНОЙ

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.

Так посвящаю с умилением
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

* * *

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.

Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокий,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

ИЗ ALFIERI ¹

Сомненье, страх, порочную надежду
Уже в груди не в силах я хранить;
Неверная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!..
Но как же зреть его и не любить?
Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
Высокий ум, с наружностью прекрасной
Прекрасная душа... Зачем природа
И небеса таким тебя создали?..
Что говорю? Ах! так ли я успею
Из глубины сердечной милый образ
Искоренить? — О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я; но избегаю
Я встречи с ним; он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне. И он, как и другие,
Обманется и станет, как других,
Он убегать меня... Увы мне, бедной!
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы — преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе...
Что вижу? Карл! — Уйдем, мне изменить
И речь и взор — всё может: ах, уйдем.

¹ Альфиери (итал.).

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон,
Конечно, был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый.
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,

Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен или с горя
Стихи писать да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу,—
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердце высоких отпечаток.
Студент, однако ж, наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет;
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: «Нельзя ль, приятель,

Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдесским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей».
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас.

Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;

В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны..

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастью, похищение совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погребя в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай,
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Баратынский,
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца как собеседник
Он стоит головы живой.

Всем красны боярские конюшни:
 Чистотой, прислугой и конями;
 Всем довольны добрые кони:
 Кормом, стойлами и надзором.
 Сбруя блещет на стойках дубовых,
 В стойлах лоснятся борзые кони.
 Лишь одним конюшни непригожи —
 Домовой повадился в конюшни.
 По ночам ходит он в конюшни,
 Чистит, холит коней боярских,
 Заплетает гриву им в косички,
 Туго хвост завязывает в узел.
 Как не влюбит он вороного.
 На вечерней заре с водопою
 Обойду я боярские конюшни
 И зайду в стойло к вороному —
 Конь стоит исправен и смирен.
 А поутру отпрешь конюшню,
 Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
 С морды каплет кровавая пена.
 Во всю ночь домовый на нем ездил
 По горам, по лесам, по болотам,
 С полуночи до белого света —
 До заката месяца

Ах ты, старый конюх, неразумный,
 Разгадаешь ли, старый, загадку?
 Полюбил красну девку молодой конюх,
 Молодой конюх, разгульный парень —
 Он конюшню ночью отпирает,
 Потихонько вороного седлает,
 Полегонько выводит за ворота,
 На коня на борзого садится,
 К красной девке в гости скачет.

Блажен в златом кругу вельмож
 Пиит, внимаемый царями.

Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, гоняемый слугами,
Поодаль слушает певца.

* * *

В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера,
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонен на воле бродящим в извилах
Плющем, любовником скал и расселин. С камня на камень
Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляя,
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виется
Вдаль по роще густой, веселя ее сладким журчаньем.

19 ОКТЯБРЯ 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет

В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —

Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

В АЛЬБОМ ПАВЛУ ВЯЗЕМСКОМУ

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

* * *

Весна, весна, пора любви,
Как тяжело мне твое явление,
Какое томное волнение
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслаждение...
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томление.

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.

* * *

О ты, который сочетал
С глубоким чувством вкус толь верный,
И точный ум, и слог примерный,
О ты, который избежал
Сентиментальности манерной
И в самый легкий мадригал
Умел

* * *

Я знаю край: там на брега
Уединенно море плещет;
Там редко падают снега,
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно — етьень нагая
Над морем стелется одна.

* * *

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадают:

«Три девятки, туз червей
И король бубновый —
Спор, досада от речей
И притом обнови...

А по картам — ждать гостей
Надобно сегодня».
Вдруг стучатся у дверей;
Барышни и сводня
Встали, отодвинув стол,
Все толкнули
Шепчут: «Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку».

Что? Хороший человек...
Сводня с ним знакома,
Он с целый век,
Он у них, как дома.
В кухню барышни бегом
Кинулись прыжками,
Над лоханками кругом
Прыскаться духами.

Гостя сводня между тем
Ласково встречает,
Просит лечь его совсем.
Он же вопрошает:
«Что, как торг идет у вас?
Барышей довольны?»
Сводня за щеку взялась
И вздохнула больно:

«Хоть бывало худо мне,
Но такого горя
Не видала и во сне,
Хоть бежать за море.
Верите ль, с Петрова дня
Ровно до субботы
Все девицы у меня
Были без работы.

Четверых гостей, гляжу,
Бог мне посылает.

Я им вывожу,
Каждый выбирает.
Занимаются всю ночь,
Кончили, и что же?
Не платя, пошли все прочь,
Господи мой боже!»

Гость ей: «Право, мне вас жаль,
Здравствуй, друг Анета,
Что за шляпка! что за шаль;
Подойди, Жанета.
А, Луиза,— поцелуй,
Выбрать, так обидишь;
Так на всех ,
Только вас увидишь».

«Что же,— сводня говорит,—
Хочете ль Жанету?
В деле так у ней горит.
Иль возьмете эту?»
Сводне бедной гость в ответ:
«Нет, не беспокойтесь,
Мне охоты что-то нет,
Девушки, не бойтесь».

Он ушел — всё стихло вдруг,
Сводня приуныла,
Дремлют девушки вокруг,
Свечка
Сводня карты вновь берет,
Молча вновь гадает,
Но никто, никто нейдет —
Сводня засыпает.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, г капитан,
Как помнятся у нас в простонародье
Над нехристом победы россиян?

Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодеров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих
Да и твою, г капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатский штык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп

Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал да . . . ?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ?

* * *

Символы верности любя,
Она супруга почитает

.

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет! хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный;
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнанье жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье;
Освободил он мысль мою.
И я ль в сердечном умиленье
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный.
Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ

СОЧИНИТЕЛЮ «САТИРЫ НА ИГРОКОВ»

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дельно миру!
Ему полезен розги свист. —
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!
Дамон твой человек ужасный.
Забудь его опасный дом,
Где, впрочем, сознаюся в том,
Мой друг, ты вел себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Ариста нежно утешал,
Давал полезные советы
И ни рубля не проиграл.
Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,
Порой грешит и проповедник.
Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:

Некто мой сосед,
В томленьях благородной жажды,

Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать,
И до полднего сиянья
Читать моральные посланья,
И проигрыш его писать.

* * *

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Немен; на одном
Еще над древними стенами
Сияли башни и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые,
Символ германца, на другом
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотел всю область Палемона
И племя чуждого закона
К своей подошве привлечь.

С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пуком
Каленых стрел и с верным луком,
Литовцы юные, в толпах,
Со стороны одной бродили

И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже немец, за врагами
Недвижно следуя глазами,
Пищаль, с молитвой, заряжал.

Всяк переправу охранял:
Ток Немена гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

* * *

Kennst du das Land...
*With Meist.*¹

По клюкву, по клюкву,
По ягоду, по клюкву...

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной

¹ Ты знаешь ли тот край... «Вильгельм Мейстер» (нем.).

Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?

.
.

Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;
Ее приветствуют восторги.
Людмила северной красой,
Всё вместе — томной и живой,
Сынов Авзонии пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.

На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненье вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой,
Их две... и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчанье смотрит ли она
На образ нежный Форнарины
Или Мадонны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины...

Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитюю венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.
.

В. С. ФИЛИМОНОВУ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЭМЫ ЕГО
«ДУРАЦКИЙ КОЛПАК»

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

TO DAWE, ESQ¹

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалею, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.

¹ Господину Доу (англ.).

Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

* * *

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

И. В. СЛЁНИНУ

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться, впрочем, не хочу;
Но твой альбом другое дело,

Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямым поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом.

* * *

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы,
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

* * *

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.

Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

ЕЕ ГЛАЗА

(В ОТВЕТ НА СТИХИ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКОГО)

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

К ЯЗЫКОВУ

К тебе собирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Займодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь.
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денег и годов.

Прости, певец! играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,

«Зимняя дорога».

Рис. В. А. Серова. 1899.

Скамья Онегина в Тригорском.

В. К. Беляницкий-Бируля. Масло. 1930.

Святогорский монастырь.

Б. В. Щербаков. Масло. 1965.

Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

ПОРТРЕТ

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

НАПЕРСНИК

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

* * *

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову ревниво,
Признанья слушает твои.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

УТОПЛЕННИК

ПРОСТОНАРОДНАЯ СКАЗКА

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».

«Врите, врите, бесенята,—
Заворчал на них отец; —
Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река.

Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воеет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй,пусти, хозяин!» —
«Ну,какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!» —
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

Рифма, звучная подруга
 Вдохновенного досуга,
 Вдохновенного труда,
 Ты умолкла, онемела;
 Ах, ужель ты улетела,
 Изменила навсегда?

В прежни дни твой милый лепет
 Усмирал сердечный трепет —
 Усыплял мою печаль,
 Ты ласкалась, ты манила
 И от мира уводила
 В очарованную даль.

Ты, бывало, мне внимала,
 За мечтой моей бежала,
 Как послушная дитя;
 То, свободна и ревнива,
 Своенравна и ленива,
 С нею спорила шутя.

Я с тобой не расставался,
 Сколько раз повиновался
 Резвым прихотям твоим;
 Как любовник добродушный,
 Снисходительно послушный,
 Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
 В дни, как на небе толпилась
 Олимпийская семья,
 Ты бы с нею обитала,
 И божественно б сияла
 Родословная твоя.

Взяв божественную лиру,
 Так поведали бы миру
 Гезиод или Омир:
 Феб однажды у Адмета
 Близ тенистого Тайгета
 Стадо пас, угрюм и сир.

Он бродил во мраке леса,
И никто, страшась Зевеса,
Из богинь иль из богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

Помня первые свиданья,
Усладить его страданья
Мнемозина притекла.
И подруга Аполлона
В темной роще Геликона
Плод восторгов родила.

* * *

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка воронья,
Да хозяйка молодая».

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.

* * *

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид.
Свод небес зелено-бледный,

Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

19 ОКТЯБРЯ 1828

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

* * *

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснойбай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриџанские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,

Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

АНЧАР¹

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачную смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

¹ Древо яда. (Прим. А. С. Пушкина.)

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

ОТВЕТ КАТЕНИНУ

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строениях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦОВОЙ

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им, но и робею:
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветренный зоиц,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забутый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

ПОЭТ И ТОЛПА

Procul este, profani¹.

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а холодный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский,
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;

¹ Прочь, непосвященные (лат.).

Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы слушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.¹

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой:
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

¹ Таков я был когда-то, таков я и теперь (франц.).

ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ

В сияньи, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

* * *

Увы! Язык любви болтливый,
Язык и темный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.
Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,
Иль лицемерную хулу,
Иль клевету, иль заточенье,
И редко хладную хвалу.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но север забывать грешно,
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.

КИРДЖАЛИ

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаюсь трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

* * *

Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи;
Не усыпляй меня — иль после не буди.

АЛЬБОМНЫЕ СТИХИ А. П. КЕРН

*

Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он,
Я скажу тебе резон:
Невозможно!

*

Amour, exil¹ —
Какая гиль!

¹ Любовь, изгнание (франц.).

*

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевести,
И даже имени такого
Не смею громко произнести!

*

*Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...*
Я мыслю: «В день Ильи-пророка
Она была разведена!»

*

Вези, вези, не жалея,
Со мной ехать веселей.

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

* * *

Уродился я, бедный недоносок,
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

* * *

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей
Заместо красного яичка
Поднес ученого скворца.

Известно вам: такая птичка
Умней иного мудреца.
Скворец, надувшись величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

* * *

За *Netty* сердцем я летаю
В *Твери*, в *Москве* —
И *R* и *O* позабываю
Для *N* и *Ш*.

* * *

Как быстро в поле, вокруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз;
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день — и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно...

* * *

Лищинский околел — отечеству беда!
Князь Сергей жив еще — утешьтесь, господа.

* * *

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил из славы.

ОТРЫВКИ

* * *

Но ты забудь меня, мой друг,
Забудь меня, как забывают
Томительный печальный сон,
Когда поутру отлетают
И тень н

* * *

Но вы во мне почтили годы

* * *

Волнением жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердцем алчу отдохнуть.
Я близ тебя, мой друг бесценный,
Тебе принес

* * *

Проснулся я — последний сон
Исчез — улетает,
Но небосклон
Еще поживает

* * *

В рюмке светлой предо мною
Брызжет, пенится вино.

ЕЛ. Н. УШАКОВОЙ

В АЛЬБОМ

Вы избалованы природой;
 Она пристрастна к вам была,
 И наша вечная хвала
 Вам кажется докучной одой.
 Вы сами знаете давно,
 Что вас любить немудрено,
 Что нежным взором вы Армида,
 Что легким станом вы Сильфида,
 Что ваши алые уста,
 Как гармоническая роза...
 И наши рифмы, наша проза
 Пред вами шум и суета.
 Но красоты воспоминанье
 Нам сердце трогает тайком —
 И строк' небрежных начертанье
 Вношу смиренно в ваш альбом.
 Авось на память поневоле
 Придет вам тот, кто вас певал
 В те дни, как Пресненское поле
 Еще забор не заграждал.

Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ

Когда помилует нас бог,
 Когда не буду я повешен,
 То буду я у ваших ног,
 В тени украинских черешен.

Подъезжая под Ижоры,
 Я взглянул на небеса
 И вспомнил ваши взоры,
 Ваши синие глаза.
 Хоть я грустно очарован
 Вашей девственной красотой,
 Хоть вампиром именован
 Я в губернии Тверской,
 Но колен моих пред вами
 Преклонить я не посмел
 И влюбленными мольбами
 Вас тревожить не хотел.
 Упиваясь неприятно
 Хмелем светской суеты,
 Позабуду, вероятно,
 Ваши милые черты,
 Легкий стан, движений стройность,
 Осторожный разговор,
 Эту скромную спокойность,
 Хитрый смех и хитрый взор.
 Если ж нет... по прежнюю следу
 В ваши мирные края
 Через год опять заеду
 И влюблюсь до ноября.

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
 За мной вились толпой игристой,
 И месяц с правой стороны
 Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
 Душе влюбленной грустно было,
 И месяц с левой стороны
 Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
 Так предаемся мы, поэты;
 Так суеверные приметы
 Согласны с чувствами души.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

В Элизи Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудики сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом Письмовник снова хочет;
И, говорят, на днях они начнут,
Благословясь, сей преполозный труд,—
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел *** *****.

ЭПИГРАММА

Журналами обиженный жестоко,
Зонл Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, нам смех, зоилу нос.
Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: *Такой-то де старик,*
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол и подл: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовер
(*В своих статьях*) бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

* * *

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследне отцов,
И лошадей, и даже кучеров —
И с радостью на карту б, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

ЭПИГРАММА

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

* * *

(При посылке бронзового Сфинкса.)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

КАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,

Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'è*¹,
Галоп не прыгаешь в собрание...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

* * *

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал

¹ Но где (итал.).

И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу век
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
*Ave, Mater Dei*¹ кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

«*Lumen coelum, sancta Rosa!*»² —
Воскликнул в восторге он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё безмолвный, всё печальный,
Без причастья умер он.

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

¹ Радуйся, божия мать (лат.).

² «Свет небес, святая роза!» (лат.).

Но пречистая, конечно,
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

ИЗ ГАФИЗА

(Лагерь при Евфрате)

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит;
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

ОЛЕГОВ ЩИТ

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,

Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

* * *

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В получении оплеухи
Расписался мой дурак?

* * *

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуэли,
Ты разрублен на войне,
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

САПОЖНИК

(ПРИТЧА)

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?»...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах,
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон:
От Аракса и Эвфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разбанным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

* * *

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда

Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысю по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами,
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),—
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

ЭПИГРАММА

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
Пора, пора! сложи с себя венец:
Питомец твой молодой, цветущий, здоровый,
Тебя сменит, великий наш певец!

Се: внемлет мне маститый собеседник,
Свершается судьбины произвол,
Является молодой его наследник:
Свистов II вступает на престол!

ЭПИГРАММА

Мальчишка Фебу гимн поднес.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?» —
«Пятнадцать». — «Только-то? Эй, розгу!»
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

* * *

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,

В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

.

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам,

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
 И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
 Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
 Загородил,
И Терека могущий вал
 Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
 Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
 Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,
 И пылью вод
И шумной пеной орошал
 Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вёл
 Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
 Небес жилец.

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.
Крылов

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!

Зато какая сортировка!
Вот ** — божия коровка,
Вот**** — злой паук,
Вот и ** — российский жук,
Вот ** — черная мурашка,
Вот ** — мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамках
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпитафиях.

* * *

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права,—

Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на холодный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин.
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

* * *

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы имена.

Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

* * *

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Всем упоеньям бытия.
Однажды,— слушайте, друзья,—
Он по Керамику скитался,
И вдруг из рощи вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею между колонн
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда, как сон,
Его красавица сокрылась.

НА КАРТИНКИ
К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»
В «НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ»

1

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосьё Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задем:
Не плюй в колодец, милый мой.

2

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на изорвала
Конечно «Невский Альманах»

* * *

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И дале двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие.

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

При пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла,
На гробах Перикла,
На мраморных Афин.

* * *

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой.

* * *

Надеясь на мое презренье,
Седой зоил меня ругал,
И, потеряв уже терпенье,
Я эпиграммой отвечал.
Укушенный желаньем славы,
Теперь, надеясь на ответ,
Журнальный шут, холоп лукавый,
Ругать бы также стал.— О, нет!
Пусть он, как бес перед обедней,
Себе покоя не дает:
Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет.

* * *

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.

На походе, на войне
Сохранил я балалайку —
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.

Что таиться от друзей —
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

* * *

В журнал совсем не европейский,
Где чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.

* * *

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг? . . . я твой.

* * *

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.

Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,
На заре алой,
Серебрится снежный прах.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображал сей день счастливый,
Когда средь вас возник Лицей,
И слышал наших игр я снова шум игривый
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов,
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот; вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал,
А глухо между тем поток народной брани
Уж бесновался и роптал.
Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас волной
Шли тучи конные, брадатая пехота
И пушек медных светлый строй.

.
На юных ратников взирали,
Ловили брани дальний звук,
И детские лета и проклинали
И узы строгие наук.
И многих не пришло. При звуке песней новых
Почили славные в полях Бородина,
На кульмских высотах, в лесах Литвы суровых,
Вблизи Монмартра

* * *

Еще одной высокой, важной песни
Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
В разрушенном святилище твоём
Повешу я, да издает она,
Когда столбы его колеблет буря,
Печальный звук! Еще единый гимн —
Внемлите мне, пенаты, вам пою
Обетный гимн. Советники Зевеса,

Живете ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние, всему
Причина вы, по мненью мудрецов,
И следуют торжественно за вами
Великий Зевс с супругой белоглавой
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада,— вам хвала.
Примите гимн, таинственные силы!
Хоть долго был изгнанием удален
От ваших жертв и тихих возлияний,
Но вас любить не остывал я, боги.
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа — зане там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волненьем
Оставил я людское племя,
Дабы стеречь ваш огонь уединенный,
Беседуя с самим собою. Да,
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь,
В могуществе и немощах его,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства.
И нас они науке первой учат:
Чтить самого себя. О, нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

* * *

Меж горных стен несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, то там дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет —
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.

Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот обнажилось
Его кремнистое русло.

* * *

Страшно и скучно.
Здесь новоселье,
Путь и ночлег.
Тесно и душно.
В диком ущелье —
Тучи да снег.

Солнце не светит,
Небо чуть видно,
Как из тюрьмы.
Солнцу обидно.
Путник не встретит
Окроме тьмы

. ,

ОТРЫВКИ

* * *

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

* * *

Трудясь над образом прелестной Ушаковой

* * *

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

1830

ЦИКЛОП

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

ОТВЕТ

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул;
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву! в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

* * *

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

СОНЕТ

СОНЕТ

Scorn not the sonnet, critic.
*Wordsworth*¹.

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камоэнс облакал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

ЭПИГРАММА

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин,—
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

¹ Не презирай сонета, критик. *Вордсворт (англ.)*.

К ВЕЛЬМОЖЕ

(Москва)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распротясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена.
Резвилась, ветренным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То читатель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедовал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:

Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшись ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотину Версаль и Трианон
И мрачным ужасом сменные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились молодые поколения.

Жестоких опытов собирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

НОВОСЕЛЬЕ

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

Когда в объятия мои
 Твой стройный стан я заключаю
 И речи нежные любви
 Тебе с восторгом расточаю,
 Безмолвна, от стесненных рук
 Освобождая стан свой гибкий,
 Ты отвечаешь, милый друг,
 Мне недоверчивой улыбкой;
 Прилежно в памяти храня
 Измен печальные преданья,
 Ты без участия и вниманья
 Уныло слушаешь меня...
 Клянусь коварные старанья
 Преступной юности моей
 И встреч условных ожиданья
 В садах, в безмолвии ночей.
 Клянусь речей любовный шепот,
 Стихов таинственный напев,
 И ласки легковерных дев,
 И слезы их, и поздний ропот.

ПОЭТУ

СОНЕТ

Поэт! не дорожи любовью народной.
 Восторженных похвал пройдет минутный шум;
 Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
 Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
 Иди, куда влечет тебя свободный ум,
 Усовершенствуя плоды любимых дум,
 Не требуя награды за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
 Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
 Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
 И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
 И в детской резвости колеблет твой треножник.

МАДОННА

СОНЕТ

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино,— печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

ОТВЕТ АНОНИМУ

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим,—
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой,—
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагодарно кивает головой.

Постигнет ли певца незапное волнение,
Утрата скорбная, изгнание, заточение,—
«Тем лучше,— говорят любители искусств,—
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастье поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

ОТРОК

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

РИФМА

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

ПАЖ,
или
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

C'est l'âge de Chérubin...¹

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я зашипнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.

Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так тёмн,
Что жизни мне милей она.

Она строга, властолюбива.
Я сам дивлюсь ее уму —
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.

¹ Это возраст Керубино... (франц.)

Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; право —
Вот какова ее любовь!

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву...
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нет! ни за что не назову!

* * *

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.

Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь
оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? —

Куда же ты? — В Москву, чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.

— Постой, а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа,
Бывало, сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

* * *

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

ЭПИГРАММА

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

ЗАКЛИНАНИЕ

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы,—
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно: сюда, сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

* * *

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —

Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух:
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!

К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рушука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Склика я псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик.— Тогда султан
Был духом гнева обуян.

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашею судьбой.

Явились мы рано оба
На ипподром, а не на торг
Вблизи державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

Твой слог могучий и свободный
Какой-то дразнит пародист,
И стих, надеждами доходный,
Жует беззубый журналист.

Но ты, сын Феба беззаботный,
Своих возвышенных затей
Не предавал рукой расчетной
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас ругали,
Упреки те же слышим мы:
Мы любим слишком, да, в бокале
Топить разгульные умы.

Избаловало нас начало.
И в гордой лености своей
Заботились мы оба мало
Судьбой гуляющих детей.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,

Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

ГЕРОЙ

Что есть истина?

Д р у г

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священо,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

П о э т

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Д р у г

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?

Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля,— и молчит?

Поэт

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне,
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым;
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами,
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизньнюю своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой.

Друг

Мечты поэта,
Историк строгий гонит вас!

Увы! его раздался глас,—¹
И где ж очарованье света!

Поэт

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце... что же
Он будет без него? Тиран...

Друг

Утешься . . .

29 сентября 1830
Москва

* * *

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

¹ Mèmoires de Bourrienne. * (Прим. А. С. Пушкина).

* Воспоминания Бурьена — франц.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров.

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада.
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада:
Я предавал мечтам свой юный ум.
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум.
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной.
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный...

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал. Уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

* * *

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои владеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

ИЗ BARRY CORNWALL ¹

Here's a health to thee, Mary. ²

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

МЁДОК

(МЁДОК В УАЛЛАХ)

Попутный веет ветер.— Идет корабль —
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все,— идет, и пред кормой
Морская пена раздается.— Многим
Наполнилась грудь у всех плывцов.
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя взоры,
И в темных очерках ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс,— пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И господа благодарит, рыдая.

¹ Барри Корнуол (англ.).

² Твое здоровье, Мери (англ.).

Другой, в безмолвии творя молитву
Угоднику и деве пресвятой,
И милостынь и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
Когда найдет он всё благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далек,
Сам Мёдок погружен в воспоминанья
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветер
Звучит меж вервий, и корабль надежный
Бежит, шумя, меж волн.

Садится солнце.

* * *

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят.
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотой,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила;
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?» —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!

Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И, по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчаный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало нами дорожили;
Бывало . . . но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил.
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукий,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен.
И сходно купленный арап
Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем среди чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин,
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

ЦЫГАНЫ

С АНГЛИЙСКОГО

Над лесистыми брегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разлежены.

Здравствуй, счастливец племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след.
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

* * *

Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает,
Пугливо он подножный лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые луга,
Глядит на синий свод небесный

И на днепровские брега,
Венчанны чащею древесной.
Недвижим, строен он стоит
И чутким ухом шевелит...

Но дрогнул он — незапный звук
Его коснулся — боязливо
Он шею вытянул и вдруг
С вершины прынул

* * *

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти,
Те, те, те и те, те, те.

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы эти,
Те, те, те и те, те, те.

* * *

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

Когда порой воспоминанье
 Грызет мне сердце в тишине
 И отдаленное страданье
 Как тень опять бежит ко мне;
 Когда людей повсюду видя,
 В пустыню скрыться я хочу,
 Их слабый глас возненавидя,—
 Тогда забывшись я лечу
 Не в светлый край, где небо блещет
 Неизъяснимой синевой,
 Где море теплою волной
 На пожелтый мрамор плещет,
 И лавр и темный кипарис
 На воле пышно разрослись,
 Где пел Торквато величавый,
 Где и теперь во мгле ночной
 Далече звонкою скалой
 Повторены пловца октавы.

Стремлюсь привычною мечтою
 К студеным северным волнам.
 Меж белоглавой их толпою
 Открытый остров вижу там.
 Печальный остров — берег дикий
 Усеян зимнею брусникой,
 Увядшей тундрою покрыт
 И хладной пеною подмыт.
 Сюда порою приплывает
 Отважный северный рыбак,
 Здесь невод мокрый расстилает
 И свой разводит он очаг.
 Сюда погода волновая
 Заносит утлый мой челнок

.

ОТРЫВОК

Не розу пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
Не розу феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
Элизы моей...

* * *

Одни стихи ему читала,
И щеки рделися у ней,
И тихо грудь ее дышала:
«Приди, жених души моей,
Тебя зову на томной лире.
Но где найду мой идеал?
И кто поймет меня в сем мире?»
Но Анатоль не понимал.

ОТРЫВКИ

* * *

В пустыне
Пробился ключ,
Обложен камнями простыми.

* * *

Тому одно, одно мгновенье
Она цвела, свежа, пышна —
И вот уж вянет — и
. опалена
Иль жар твоей груди
Младую розу опалил —

* * *

. строгий свет
Смягчил свои предубежденья
Или простил мне заблужденья
Давно минувших темных лет.

* * *

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа — запад темно-красный,
Слева — бледная луна.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас.

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись: вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм — в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранчой
Невозмутимый, вечный сон...

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?
Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Аль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славяннов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прощенные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!..
Сбылось — и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена

В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сождем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли россы
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волинь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,

И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покориł вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едина,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельви́г милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,

Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?)
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за верность и за веру).
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На заднице твоей сияет тот же ключ.
Ура! хвала и честь поэту-камергеру.
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

ИЗ ЗАПИСКИ К А. О. РОССЕТ

От вас узнал я плен Варшавы.
.....
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

ОТРЫВКИ

* * *

Так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на удаль плясовую,
Под лад плечами шевели,
Да чешет голову седую.

* * *

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный.

I

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
 Бесенок, под себя поджав свое копыто,
 Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
 И лопал на огне печеный ростовщик.
 А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:
 Одно стяжание имел всегда в предмете,
 Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете».
 Тут грешник жареный протяжно возопил:
 «О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
 Сто на сто я терплю: процент неимоверный!» —
 Тут звучно лопнул он — я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный;
 Как будто тухлое разбилось яйцо,
 Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо,
 Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале,
 И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в подвале.

Тогда я демонов увидел черный рой,
 Подобный издали ватаге муравьиной —
 И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
 Гора стеклянная, как Арарат, остра —
 И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
 Пустили вниз его смердящими когтями;
 Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами,
 Тогда других чертей нетерпеливый рой
 За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
 И заголили их, и вниз пихнули с криком —
 И обе сидючи пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
 Стекло их резало, впивалось в тело им —
 А бесы прыгали в веселни великом.

Я издали глядел — смущением томим.

МАЛЬЧИКУ

(ИЗ КАТУЛЛА)

Minister vetuli, puer.¹

Пьяной горечью Фалерна
 Чашу мне наполни, мальчик!
 Так Постумия велела,
 Председательница оргий.
 Вы же, воды, прочь теките
 И струей, вину враждебной,
 Строгих постников поите:
 Чистый нам любезен Бахус.

¹ Мальчик, фалернского (лат.).

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный,
И правды пламень благородный,
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

В АЛЬБОМ

кнж. А. Д. АБАМЕЛЕК

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

ГНЕДИЧУ

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаяся лучей.

В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана.

КРАСАВИЦА

(В АЛЬБОМ Г****)

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье,—
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься неволью,
Благоговя богомольно
Перед святыней красоты.

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
 Волнениям любви безумно предаваться;
 Спокойствие мое я строго берегу
 И сердцу не даю пылать и забываться;
 Нет, полно мне любить; но почему ж порой
 Не погружуся я в минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдет передо мной
 Младое, чистое, небесное создание,
 Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
 Любуясь девою в печальном сладострастье,
 Глазами следовать за ней и в тишине
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцем ей желать все блага жизни сей,
 Веселый мир души, беспечные досуги,
 Всё — даже счастье того, кто избран ей,
 Кто милой деве даст название супруги.

В АЛЬБОМ

Гонимый рока самовластьем
 От пышной далеко Москвы,
 Я буду вспоминать с участием
 То место, где цветете вы.
 Столичный шум меня тревожит;
 Всегда в нем грустно я живу,
 И ваша память только может
 Одна напомнить мне Москву.

В АЛЬБОМ

Долго сих листов заветных
 Не касался я пером;
 Виноват, в столе моем
 Уж давно без строк приветных
 Залежался твой альбом.

В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад,—
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.

* * *

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

* * *

Я ехал в дальные края;
Не шумных жаждал я,
Искал не злата, не честей
В пыли средь копий и мечей.

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
 Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
 Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
 Запах веселый вина разливая далече; сосуды
 Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
 Мед и сыр молодой: всё готово; весь убран цветами
 Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
 Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
 Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой
 душою

Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы
 приступим:

Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
 В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
 Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

(Из Ксенофана Колофонского)

2

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя
 хоров
 Старец, ослепший от лет, некогда Скірпал родил
 И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
 Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
 Славил и Ватала он, молодого красавца: прохожий!
 Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!

(Из Афеня)

* * *

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетней.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж излиянья
Благодатному Морфею.

* * *

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.

ВИНО

(ИОН ХИОССКИЙ)

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
Гордость внушающий нам шумный заступник любви!

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!»

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,

Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валяются сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобровой*,
Одним, одним не хороши...»
— А чем же? Расскажи, служивый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды.
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря).

И слышу: кумушка моя
С печи тихохопько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! всё в печку поскакало.

Кой черт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
— Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! — Но я, не струсая:

— Домой? да! черта с два! почем
Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь.—
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись.— Вот сел я на коня,
Ищу уздечки,— нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус.
Да глуп, а мы видали виды».

* * *

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать, так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить, так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогами да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам не досужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват, начну первой.
Сказка будет за тобой.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета;
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха:
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж, видно, убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?»
— «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?»
— «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, кликнул, чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. я ж ее!»

Болдино.

Акварель П. Ф. Осипова. 1935.

Петропавловская крепость. Вид с Дворцовой набережной.

Пушкин на прогулке.

Рис. В. А. Серова. 1899.

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Всё пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье,
Воевода всё купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно,—
Бедный хлопец прошептал: —
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».—

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!

Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потихе;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

* * *

Когда б не смутное влечение
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...

ОСЕНЬ

(ОТРЫВОК)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает,
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
 Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
 Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
 Суровую зимой я более доволен,
 Люблю ее снега; в присутствии луны
 Как легкий бег саней с подругой быстр и волен.
 Когда под сободем, согрета и свежа,
 Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
 Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
 А зимних праздников блестящие тревоги?..
 Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
 Ведь это наконец и жителю берлоги,
 Медведю, надоест. Нельзя же целый век
 Кататься нам в санях с Армидами младыми
 Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
 Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
 Ты, все душевные способности губя,
 Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи
 Лишь как бы напоить да освежить себя —
 Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи;
 И, проводив ее блинами и вином,
 Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
 Но мне она мила, читатель дорогой,
 Красною тихою, блистающей смиренно.
 Так нелюбимое дитя в семье родной
 К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
 Из годовых времен я рад лишь ей одной,
 В ней много доброго; любовник не тщеславный,
 Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
 Как, вероятно, вам чахоточная дева
 Порою нравится. На смерть осуждена,
 Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
 Улыбка на устах увянувших видна;
 Могильной пропасти она не слышит зева;
 Играет на лице еще багровый цвет.
 Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! Очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса —
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса,
 В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И редкий солнца луч, и первые морозы,
 И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
 Здоровью моему полезен русский холод;
 К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
 Чредой слетает сон, чредой находит голод;
 Легко и радостно играет в сердце кровь,
 Желания кипят — я снова счастлив, молод,
 Я снова жизни полн — таков мой организм
 (Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
 Махая гривой, он всадника несет,
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промерзлый дол и трескается лед.
 Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
 То тлеет медленно — а я пред ним читаю
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге.
 Минута — и стихи свободно потекут.
 Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
 Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
 Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
 Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?

* * *

Не дай мне бог сойти с ума.
 Нет, легче посох и сума;
 Нет, легче труд и глад.
 Не то, чтоб разумом моим
 Я дорожил; не то, чтоб с ним
 Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
 На воле, как бы резво я
 Пустился в темный лес!
 Я пел бы в пламенном бреду,
 Я забывался бы в чаду
 Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

* * *

Царей потомок, Меценат,
Мой покровитель стародавний!
Иные колесницу мчат
В ристалище под пылью славной
И, заповеданной оградой
Касаясь жгучим колесом,
Победной ждут себе награды
И мнят быть равны с божеством.
Другие на свою главу
Собирают титла знамениты,
Непостоянные квириты
Им предают молву.

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят
Подбоченясь на лошадках
В коленкорových перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок —

.
.

А прозрачные ветрильцы,
Будто бабочкины крыльцы,
А веревки

Французских рифмачей суровый судия,
О классик Депрео, к тебе взываю я:
Хотя, постигнутый неумолимым роком,
В своем отечестве престал ты быть пророком,
Хоть дерзких умников простерлася рука
На лавры твоего густого парика;
Хотя, растрепанный новейшей вольной школой,
К ней в гневе обратил ты свой затылок голый,—
Но я молю тебя, поклонник верный твой,
Будь мне вожагаем. Дерзаю за тобой
Занять кафедру ту, с которой в прежни лета
Ты слишком превознес достоинства сонета,

Но где торжествовал твой здравый приговор
Минувших лет глупцам, вранью тогдашних пор.
Новейшие вралы вралей старинных стоят —
И слишком уж меня их бредни беспокоят.
Ужели всё молчать да слушать? О беда!..
Нет, всё им выскажу однажды навсегда.

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараєте бумагу,
Тисненыю предавать труды свои спеша,
Постойте — наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем
Иль необдуманном одним поползновеньем,
И чешется у вас рука по пустякам,
Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завести
И снискивать в труде себе барыш и честь,
Чем объявления совать во все журналы,
Вельможе пошлые кропая мадригалы,
Над меньшей собратьёй в поту лица острясь,
Иль выше мнения отважно вознесясь,
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать — на будущие враки...

* * *

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.

Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

.

* * *

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком станица боевая,
Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей
Качаясь плавает, как лебедь молодая.

Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась,
Широкая волна плеснула в острова

.

* * *

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то, люди —
Ой, люшеньки-люли.
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет,
Голубой ширинкой машет,
Заливается-поет:
«Я плясунья, я певица,
Ворожить я мастерица».

МЕРА ЗА МЕРУ

Д у к

Вам объяснять правления начала
Излишним было б для меня трудом.
Не нужно вам ничьих советов. Знаньем
Превыше сами вы всего. Мне только
Во всем на вас осталось положиться.
Народный дух, законы, ход правленья
Постигли вы верней, чем кто б то ни был.
Вот вам наказ: желательно б нам было,
Чтоб от него не отшатнулись вы.
Позвать к нам Анджело.

Каков он будет

По мненью вашему на нашем месте?
Вы знаете, что нами он назначен
Нас заменить в отсуствии, что мы
И милостью и страхом облекли
Наместника всей нашей власти, что же
Об нем вы мните?

Е с к а л

Если в целой Вене
Сей почести достоин кто-нибудь,
Так это Анджело.

Д у к

Вот он идет.

А н д ж е л о

Послушен вашей милостивой воле,
Спешу принять я ваши приказанья.

Д у к

Анджело, жизнь твоя являет
То, что с тобою совершится впредь.

ОТРЫВКИ

* * *

В славной в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил-был дяк с своей дячихой.
Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал —
Сына им он даровал.

* * *

Толпа глухая,
Крылатой новизны любовница слепая,
Надменных баловней меняет каждый день,
И катятся стуча с ступени на ступень
Кумиры их, вчера увенчанные ею.

* * *

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
 Летят за днями дни, и каждый час уносит
 Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
 Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем.
 На свете счастья нет, но есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мне доля —
 Давно, усталый раб, замыслил я побег
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

* * *

Он между нами жил
 Средь племени ему чужого; злобы
 В душе своей к нам не питал, и мы
 Его любили. Мирный, благосклонный,
 Он посещал беседы наши. С ним
 Делились мы и чистыми мечтами
 И песнями (он вдохновен был свыше
 И свысока взирал на жизнь). Нередко
 Он говорил о временах грядущих.
 Когда народы, распри позабыв,
 В великую семью соединятся.
 Мы жадно слушали поэта. Он
 Ушел на запад — и благословеньем
 Его мы проводили. Но теперь
 Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
 Стихи свои, в угоду черни буйной,

Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром.
И возврати ему

* * *

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.

Надолго ли?.. а кажется прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений.

* * *

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Толпами, стар и млад, под воспаленным прахом,
Под каменным дождем бежит из града вон.

* * *

Стою печален на кладбище.
Гляжу кругом — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
. изредка стучит.
Одна равнина справа, слева.
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Немые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies, dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*.¹ Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен; С. А. Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris. 18 janvier 1835

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos

¹ Гузла, или Сборник иллирийских стихотворений, собранный в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцоговине (франц.).

questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nonpareille» comme dit Rabelais nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passais l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures, quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Banialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé: De'costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins un mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant, à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la balla-

de de Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Scto se bieli и gorje zelenoi °

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde Bosco

Nodier a traduit bosco par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

1

ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ¹

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозитя
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воеет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воеет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь Божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку² ему достягает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги *богумилы*.³
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он наголо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный *фалангой*.⁴

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивую:
«Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-христиан беглербеем». ⁵
И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул
И сказал: «Дать кафтан Радивую!»⁶
Не бархатный кафтан, не парчовый,

А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного».
Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы.
И до самых костей ободрали
И одели кожей Радивоя.

Громко мученик господу взмолился:
«Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Всё внезапно утихло, померкло,—
Всё исчезло — будто не бывало.

И король ошупью в потемках
Кое-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба⁷,
И пошли бусурмане на приступ.

2

ЯНКО МАРНАВИЧ

Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья,
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались⁸
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселое было пируванье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побрались.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он, тоскуя, бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
«Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?»
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: «На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно».
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
«Посмотри, что ты видишь в окошко?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою».
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
«Отвори-ка, женка, ты окошко»:

Посмотри, что там еще видно?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому».
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.

3

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ⁹

Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надели свои шапки
И сказали: «Возьмите нас с собою: ¹⁰
Мы хотим воевать бусурманов».
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: «Милости просим!»
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать. ¹¹
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки; ¹²
Но лишь только заржали их кони
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям».
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли
С острия по самой рукояти.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар ¹³ с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: «Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.

Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от селихтара».
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивою,
Но и тут нас пало девятнадцать.
Закричал Георгий Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;
Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из погибели вымчит».
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

ФЕОДОР И ЕЛЕНА

.
.

Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
Подделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду-лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: «Ступай на кладбище,
Отыщи под камнями жабу
И в горшке сюда принеси мне».

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под камнями жабу¹⁴
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нареши такой поганой твари!).

Они жабу всю потом искололи,
И ее — ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
«Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок».
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодежи,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе всё шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выйти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится.
Поминутно сестрице повторяет:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый год проходит, и — Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
«Где ж Елена?» — наконец он молвил.
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой, — и видит,
На постеле сидит его Елена.
«Встань, Елена», — говорит Феодор.
Она встала, — он взглянул сурово.

«Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди».

Но Феодор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
«Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея».

Распорол он мертвое тело.
Что ж! — на место милого дитяти
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: «Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди».

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:

«Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили».
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Феодор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

5

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ¹⁵

Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот дамаг пришел ко мне лукавый:

«Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменя.

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротись в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гусях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь».

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас, бывало, кого встречу,
Слышу: «Здравствуй, Дмитрий Алексеич!»
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

ГАЙДУК ХРИЗИЧ

В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый гайдук Хризич.¹⁶
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выйти,
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,

В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь бог! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очи отирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую мать,
Будто волк на спящую козу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
«Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодную смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих». ¹⁷
Хризич встал и промолвил: «Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда».
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен;
Головы враги у них отсекли
И на копья свои насадили,—
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.

7

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

ИАКИНФА МАГЛАНОВИЧА¹⁸

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдетесь как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров,— и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет,— узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

8

МАРКО ЯКУБОВИЧ

У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради бога.

Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
«Это что под горою там видно?»
Отвечает Марко Якубович:
«То кладбище наше родовое».
Говорит незнакомый прохожий:
«Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго».
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
«Три дня,— молвил,— ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
«Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле».
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Всё лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит,—
Посмотрел на ребенка и молвил:
«Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака¹⁹, поверь мне».

Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят,— труп румяный и свежий,—
Ногти выросли, как вороны когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,—
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильною землею ²⁰
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий».

Вдруг собака громко завывала,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.

Был он ростом, как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марка;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик малый,—
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ

«Черногорцы? что такое? —
Бонапарте спросил.—
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил;

Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты,—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем,—
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом.

.
.

Идут тесно под скалами.
Вдруг смятение!.. Глядят:

У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули,— упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам.— «Это что? —
Удивясь, они сказали,—
Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10

СОЛОВЕЙ

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —

Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

11

ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
«Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи».
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово».
Старый Петро не слушает, грозитя:
«Вот ужо, разбойник, тебе будет!»
Сын ему вперед забегает,
Старику кланяется в ноги.

Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.
«Воротись, ради господ бога:
Не введи ты меня в искушенья!»
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
«Что, Георгий, куда делся Петро?»
Отвечает Георгий сурово:
«За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге». ²¹
Догадалась она, завопила:
«Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!»
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12

ВОЕВОДА МИЛОШ

Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать бусурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали,—
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?

«К морю».

Картина работы И. Е. Репина и И. К. Айвазовского. 1887.

В. А. Нащокина.

Портрет работы неизв. худ. 1840-е годы.

Или вы уж не сербы,—цыганы?
Или вы не мужчины,—старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Велийское ущелье,—
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13

ВУРДАЛАК

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит,—
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; — шагнуть не может.
«Боже! — думает бедняк,—
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем».

Что же? вместо вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

14

СЕСТРА И БРАТЯ²²

Два дубочка выросли рядом,
Между ними тонковерхая елка.
Не два дуба рядом выросли,

Жили вместе два брата родные.
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
«Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братьям?»
Отвечает Радулова любя:
«По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость».
Вот пошла Павлиха к водопою,
Да зарезала коня вороного
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи, бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи, бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И в ту пору брат сестре поверил.

Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож ukrала у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченный».
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченный.
Из ножен вынул его Павел,—
Нож злаченный весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
«Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?»
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части».
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха всё хворает,—
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,

Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
«Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюся».
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья».
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих коней
И пусти их по чистому полю».
Своей любви послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих коней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

15

ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ ²³

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любовью идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,

260

Да жемчужное тройное ожерелье;
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча
И поехал своею дорогой.
Как одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье надвое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеною воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка,—
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?»
Отвечает ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей».

Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,
Обнял дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвил:
«Где, скажи, твоя мать Елица?»
Я слышал, что она потонула».
Отвечает ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба».
Водянице молвил королевич:
«Так иди же к водяной царице
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом».
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: «Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
«Люба ты моя, млада Елица,
Видь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня по-прежнему сладко,
По-прежнему полюблю тебя крепко».
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
«Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.

Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, с молодой женою?»
Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит».

16

КОНЬ

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удиц?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальний,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красне и в холе.
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

263

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

² *Щиколотка*, по московскому наречию *щиколка*.

³ Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.

⁴ *Фаланга*, палочные удары по пяткам.

⁵ Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.

⁶ *Кафтан*, обыкновенный подарок султанов.

⁷ Анахронизм.

⁸ Трогательный обычай *братования*, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами.

⁹ Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.

¹⁰ Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для влахов.

¹¹ Жи́нды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. — Мериме.

¹² *Банялука*, прежняя столица Боснийского пашалыка.

¹³ *Селихтар*, меченосец.

¹⁴ Все народы почитали жабу ядовитым животным.

¹⁵ Мицкевич перевел и украсил эту песню.

¹⁶ *Гайдук*, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.

¹⁷ Западные славяне верят существованию *упырей* (vampire). См. песню о *Марке Якубовиче*.

¹⁸ Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусяре Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он ко-

гда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'aie vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *L'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart¹. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine, qui l'avait rebaptisé, l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade, qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation².

¹ Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

² J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitants des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme; fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les moeurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisait d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des heyduques¹.

Il vécut longtemps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les pandours². Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfants. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent, qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfants s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses

¹ Espèce de bandits.

² Soldats de la police.

anciens amis les hoyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas ***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'oeil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dinâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux, une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure pre-

наит une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à ex-
primer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours
chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jus-
qu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui;
mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de
pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans
ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter éga-
lement ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que
les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec
toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses en-
fan's et petits-enfants me sautèrent au cou et quand je le quittai, son
fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs
jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récom-
pense.

¹⁹ Вурдалаки, вудкодлаки, упыри — мертвецы, выходящие из
своих могил и сосущие кровь живых людей.

²⁰ Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из
его могилы.

²¹ По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик
мой умер; возьмите его с дороги».

²² Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских
песен Вука Стефановича.

²³ Песня о Яныше королевиче в подлиннике очень длинна и
разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то
не всю.

* * *

Что белеется на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Был бы снег — он уж бы растаял,
Были б лебеди — они б улетели.
То не снег и не лебеди белы,
А шатер Аги Асан-аги.
Он лежит в нем, весь люто изранен.
Посетили его сестра и мать,
Его любя не могла, застыдилась.
Как ему от боли стало легче,
Приказал он своей верной любе:

«Не ищи меня в моем белом доме,
В белом доме, ни во всем моем роде».
Как услышала мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна.
Она слышит: на двор едут кони;
Побежала Асан-агиница,
Хочет броситься, бедная, в окошко,
За ней вопят две милые дочки:
«Воротися, милая мать наша,
Приехал не муж Асан-ага,
А приехал брат твой Пинторович».
Воротилась Асан-агиница,
И повисла она брату на шею —
«Братец милый, что за посрамленье!
Меня гонят от пятерых деток».

* * *

Менко Вуич грамоту пишет
Георгию, своему побратиму:
«Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча,
Ярый враг извести тебя хочет,
Недруг хитрый, Милош Обренович.
Он в Хотин подослал потаенно
Янка младшего с Пэвлом...

—

Осердился Георгий Петрович,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови —

1835

(ИЗ АНАКРЕОНА)

ОТРЫВОК

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

ОДА LVI

(ИЗ АНАКРЕОНА)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

ОДА LVII

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот,— а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,

И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой . . .

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда останавлиюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье,—
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец.
И власть, и замысел, обдуманый глубоко,—
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти,—
Вотще! —

.
.

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его приял.
В божественной крови яд быстрый побежал.
Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воег;
Стопами тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древеса; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев:
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

РОДРИК

I

На Испанию родную
Призвал мавра Юлиан.
Граф за личную обиду
Мстить решился королю.

Дочь его Родрик похитил,
Обесчестил древний род;
Вот за что отчизну предал
Раздраженный Юлиан.

Мавры хлынули потоком
На испанские брега.
Царство готфов миновалось,
И с престола пал Родрик.

Готфы пали не бесславно:
Храбро билися они,
Долго мавры сомневались,
Одолеет кто кого.

Восемь дней сражение длилось;
Спор решен был наконец.
Был на поле битвы пойман
Конь любимый короля.

Шлем и меч его тяжелый
Были найдены в пыли.
Короля почли убитым,
И никто не пожалел.

Но Родрик в живых остался,
Бился он все восемь дней —
Он сперва хотел победы,
Там уж смерти лишь алкал.

И кругом свистали стрелы,
Не касаяся его,
Мимо дротики летали,
Шлема меч не рассекал.

Напоследок, утомившись,
Соскочил с коня Родрик,
Меч с запекшеюся кровью
От ладони отклеил,

Бросил об зeмь шлем пернатый
И блестящую броню.
И, спасенный мраком ночи,
С поля битвы он ушел.

II

От полей кровавой битвы
Удаляется Родрик;
Короля опередила
Весть о гибели его.

Стариков и бедных женщин
На распутьях видит он;
Все толпой бегут от мавров
К укрепленным городам.

Все, рыдая, молят бога
О спасенье христиан,
Все Родрика проклинают;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконец на берег моря
В третий день приходит он,
Видит темную пещеру
На пустынном берегу.

В той пещере он находит
Крест и заступ — а в углу
Труп отшельника и яму,
Им изрытую давно.

Тленье трупу не коснулось,
Он лежит, окостенев,
Ожидая погребенья
И молитвы христиан.

И с мольбою об усопшем
Схоронил его король,
И в пещере поселился
Над могилою его.

Он питаться стал плодами
И водою ключевой;
И себе могилу вырыл,
Как предшественник его.

Короля в уединенье
Стал лукавый искушать,
И виденьями ночными
Краткий сон его мутить.

Он проснется с содроганьем,
Полон страха и стыда;
Упоение соблазна
Сокрушает дух его.

Хочет он молиться богу
И не может. Бес ему
Шепчет в уши звуки битвы
Или страстные слова.

Он в унынии проводит
Дни и ночи, недвижим,
Устремив глаза на море,
Помяная старину.

III

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед всевышним
Заступился в небесах.

В сновиденье благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одеян
И сияньем окружен.

И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,
И вещал ему угодник:
«Встань — и миру вновь явись.

Ты венец утратил царский,
Но господь руке твоей
Даст победу над врагами,
А душе твоей покой».

Пробудясь, господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,
В путь отправился король.

* * *

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умачал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно бросаю щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся, как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов,
Давайте чаши. Не жалея
Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

СТРАННИК

I

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбью великой
И тяжким бременем подавлен и согбен.
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! —
Сказал я,— ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:

Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Доучны и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как раб, замысливший отчаянный побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».

«Коль жребий твой таков,—

Он возразил,— и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»

И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?» —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

* * *

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,

Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно синяя стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собою
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилиу крылья
Ворочая при ветре...

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь молодая роща разрослась,
Зеленая семья, кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь

От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

* * *

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали!
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА

ПОДРАЖАНИЕ ЛАТИНСКОМУ

Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
 Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;

Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине падкой,
Бледнея и тряся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Неввою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мионится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;

Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

* * *

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что есть чем сесть.

* * *

К кастрату раз пришел скрипач,
Он был бедняк, а тот богач.
«Смотри,— сказал певец . . . ,—
Мои алмазы, изумруды —
Я их от скуки разбирал.
А! кстати, брат,— он продолжал,—
Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу».
В ответ бедняга равнодушно:
— Я? я себе чешу.

* * *

В мои осенние досуги,
В те дни, как люблю мне писать,
Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Роман не конча перервать,
Отдав уже его в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.

Вы говорите: «Слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен — понемногу
Иди вперед; не будь ленив.
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью —
Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,

Чердак, и келью, и харем
И с нашей публики меж тем
Бери умеренную плату,
За книжку по пяти рублей —
Налог не тягостный, ей-ей».

* * *

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?..
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться.
Но нечего об этом толковать.
Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем погиб
Я с участью моей.

* * *

Если ехать вам случится
От **** на *,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов,—
От большой дороги справа,
Между полем и селом,
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.

Летом, в час, как за холмами
Утопает солнца шар,
Дом облит его лучами,
Окна блещут как пожар,
И, ездой скучая, мимо
. развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.

Когда владыка ассирийский
 Народы казнию казнил,
 И Олоферн весь край азийский
 Его деснице покорил,—
 Высок смиреньем терпеливым
 И крепок верой в бога сил,
 Перед сатрапом горделивым
 Израил выи не склонил;
 Во все пределы Иудеи
 Проникнул трепет. Иереи
 Одели вретищем алтарь;
 Народ завыл, объятый страхом,
 Главу покрыв золой и прахом,
 И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
 И зрит: их узкие врата
 Замком замкнуты непокорным;
 Стеной, как поясом узорным,
 Препоясáлась высота.

И, над тесниной торжествуя,
 Как муж на страже, в тишине
 Стоит, белеясь, Ветилуя
 В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный —
 И гнев в нем душу помрачил...
 И свой совет разноплеменный
 Он — любопытный — спросил:
 «Кто сей народ? и что их сила,
 И кто им вождь, и отчего
 Сердца их дерзость воспалила,
 И их надежда на кого?..»
 И встал тогда сынов Аммона
 Военачальник Ахиор
 И рек — и Олоферн со трона
 Склонил к нему и слух и взор.

* * *

На это скажут мне с улыбкою неверной:
— Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите — вам слава не нужна,
Смешной и суетной вам кажется она:
Зачем же пишете? — Я? для себя. — За что же
Печатаете вы? — Для денег. — Ах, мой боже!
Как стыдно! — Почему ж?

* * *

— Не видала ль, девица,
Коня моего?
— Я видала, видала
Коня твоего.
— Куда, красна девица,
Мой конь побежал?
— Твой конь пробежал
На Дунай реку.

Бежа твой конь
Тебя проклинал,
Тебя проклинал
.....

ОТРЫВКИ

* * *

То было вскоре после боя,
Как счастье бросило героя,
И рать побитая кругом
Лежала
. Полтава
Перебежали Власть и Слава
Как их поклонник, род людской.

* * *

Как редко плату получает
Великий добрый человек
..... :
..... в кой-то век
За все заботы и досады
(И то дивиться всякий рад!)
Берет достойные награды
Или достоин сих наград.

* * *

Развратник радуясь клеветет,
Соблазн по городу гремит,
А он, хохоча, рукоплещет

^ * *

Не вижу я твоих очей,
И сладострастных и суровых...

Тут Аполлон — идеал, там Ниобея — печаль...
Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров —
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет:
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева
Стояли, бледные, две слабые жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? —
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? —
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ)

Как с древа сорвался предатель ученик,
Дьявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей
смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной!..

Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Приняли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И Сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

* * *

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.¹
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребность мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...

¹ Hamlet. (Прим. А. С. Пушкина.).

* * *

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

* * *

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолей,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут,—
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,

В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колебаясь и шумя...

* * *

Exegi monumentum.¹

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

¹ Я воздвиг памятник (лат.).

Была пора: наш праздник молодой
 Сиял, шумел и розами венчался,
 И с песнями бокалов звон мешался,
 И тесною сидели мы толпой.
 Тогда, душой беспечные невежды,
 Мы жили все и легче и смелей,
 Мы пили все за здравие надежды
 И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
 С приходом лет, как мы, перебесился,
 Он присмирел, утих, остепенился,
 Стал глуше звон его заздравных чаш;
 Меж нами речь не так игриво льется,
 Просторнее, грустнее мы сидим,
 И реже смех средь песен раздается,
 И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
 Мы празднуем Лицея день заветный.
 Прошли года чредою незаметной,
 И как они переменили нас!
 Недаром — нет! — промчалась четверть века!
 Не сетуйте: таков судьбы закон;
 Вращается весь мир вокруг человека,—
 Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
 Когда наш круг судьбы соединили,
 Чему, чему свидетели мы были!
 Игралища таинственной игры,
 Метались смущенные народы;
 И высились и падали цари;
 И кровь людей то славы, то свободы,
 То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник Лицей,
 Как царь для нас открыл чертог царицын.
 И мы пришли. И встретил нас Куницын
 Приветствием меж царственных гостей.

Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их

* * *

1

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешитя быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискбол! Он достоин, клянуса,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
 Бодро опёрся, другой поднял меткую кость.
 Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ
любопытный,
 Врозь расступись; не мешай русской удáлой игре.

* * *

От меня вечер Леила
 Равнодушно уходила.
 Я сказал: «Постой, куда?»
 А она мне возразила:
 «Голова твоя седа».
 Я насмешнице нескромной
 Отвечал: «Всему пора!
 То, что было мускус темный,
 Стало нынче камфора».
 Но Леила неудачным
 Посмеялася речам
 И сказала: «Знаешь сам:
 Сладок мускус новобрачным,
 Камфора годна гробам».

* * *

От западных морей до самых врат восточных
 Не многие умы от благ прямых и прочных
 Зло могут отличить... рассудок редко нам
 Внушает

«Пошли мне долгу жизнь и многие года!»

Завеса вот о чем и всюду и всегда
Привыкли вы молить — но сколькими бедами
Исполнен долгий век! Во-первых, как рубцами,
Лицо морщинами покроется — оно
. превращено.

* * *

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов английских, любовник муз латинских,
Ты к мощной древности опять меня манишь,
Ты снова мне велишь.
Простясь с мечтой и бедным идеалом,
Я приготовился бороться с Ювеналом,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
Стихами перевести я было дал обет.
Но, развернув его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья...
Стихи бесстыдные приапами торчат,
В них звуки странною гармонией трещат,
Картины латинского разврата
.

* * *

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
«Сеньор, послушайте меня:
Пускаться в путь теперь не время,
В горах опасно, ночь близка,
Другая вента далека.
Останьтесь здесь: готов вам ужин;
В камине разложен огонь;
Постеля есть — покой вам нужен,
А к стойлу тянется ваш конь».
— «Мне путешествие привычно
И днем и ночью — был бы путь,—
Тот отвечает.— Неприлично
Бояться мне чего-нибудь;

Я дворянин,— ни чёрт, ни воры
Не могут удержать меня,
Когда спешу на службу я».
И дон Альфонс коню дал шпоры
И едет рысью. Перед ним
Одна идет дорога в горы
Ущельем тесным и глухим.
Вот выезжает он в долину;
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь...
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят. Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.
То были трупы двух гитанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных и там
Оставленных в пример ворам.
Дождями небо их мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.
И шла молва в простом народе,
Что, обрываясь по ночам,
Они до утра на свободе
Гуляли, мстя своим врагам.

Альфонсов конь всхрапел и боксом
Прошел их мимо, и потом
Понесся резко, легким скоком,
С своим бесстрашным седоком.

* * *

Забыв и рощу и сеободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

СТИХОТВОРЕНИЯ,
ТОЧНАЯ ДАТА КОТОРЫХ
НЕ УСТАНОВЛЕНА
1827 — 1836

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ

Куда ты холоден и сух!
Как слог твой чопорен и бледеж!
Как в изобретеньях ты беден!
Как утомляешь ты мой слух!
Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе.
Ты их морозишь налегке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе
Или на Красном кабачке?

ЗОЛОТО И БУЛАТ

«Всё мое»,— сказала золото;
«Всё мое»,— сказал булат.
«Всё куплю»,— сказала золото;
«Всё возьму»,— сказал булат.

* * *

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой,
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.

Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким...

* * *

Твои догадки — сущий вздор,
Моих стихов ты не проникнул,
Я знаю, ты картежный вор,
Но от вина ужель отвыкнул?

* * *

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

* * *

Зачем я ею очарован?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнью моей.

Она глядит на вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Свою мне ножку подала!

* * *

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем.
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняся на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

* * *

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый свет увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И Польша буйством опьянела,
И смертная борьба началась,
При клике «Польска не згинела!» —

Когда же Дибич
 Пестро парижский пустомеля
Ревел на кафедре
 Ты пил здоровье Лелевеля.

Ты руки потирал от наших неудач,
 С лукавым смехом слушал вести,
Когда бежали вскачь
 И гибло знамя нашей чести.

. Варшавы бунт
 в дыме.

Поникнул ты главой и горько возрыдал
 Как жид о Иерусалиме.

* * *

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых снов воображенья,
Для чувств всего.

ОТРЫВКИ

* * *

Друг сердечный мне наемни говорил:
По тебе я, красна девица, изныл,
На жену свою взглянуть я не хочу —
А я всё-таки

* * *

Конечно, презирать не трудно
Отдельно каждого глупца,

Сердиться так же безрассудно
И на отдельного страмца.

Но что чудно —
Всех вместе презирать и трудно —

Их эпиграммы площадные,
Из Бьеврианы занятые

* * *

Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.

* * *

Ночь тиха, в небесном поле
Светит Веспер золотой.
Старый дож плавает в гондоле
С догарессой молодой.
Воздух полн дыханьем лавра.
Дремлют флаги бучентавра.
Море темное молчит.

.

* * *

Сей белокаменный фонтан,
Стихов узором испещренный,
Сооружен и изваян
.
Железный ковшик
.
. цепью прицепленный
Кто б ни был ты: пастух,
Рыбак иль странник утомленный,
Приди и пей.

* * *

Еще в ребячестве бессмысленно лукавом
Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зеркалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой

* * *

Когда так нежно, так сердечно,
Так радостно я встретил вас,
Вы удивились, конечно,
Досадой хладно воруясь.

Вечор в счастливом усыпленье
Мое живое сновиденье
Ваш милый образ озарил.

С тех пор я слезами
Мечту прелестную зову.
Во сне я осчастливлен вами
И благодарен наяву.

PROLOGUE ¹

Я посетил твою могилу — но там тесно; les
morts m'en distraient ² — теперь иду на поклонение
в Царское Село и в Баболово.
Царское Село! (Gray) les jeux du Lycée, nos
leçons... Delvig et Kuchelbecker, la poésie³ —
Баболово.

¹ Пролог (франц.).

² мертвые меня отвлекают (франц.).

³ (Грей) лицейские игры, наши уроки... Дельвиг и Кюхельбекер, поэзия (франц.).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Равновесие

О мирный селянин! в твоём жилище нет
Ни злата, ни серебра; но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2

Удел гения

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растение.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3

Верное предсказание

«Пройдет ли мой недуг?» — лев у осла спросил.
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был» —
Два раза два — четыре.

4

Справедливость пословицы

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую, — что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

5

Мстительность

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

6

Непоколебимость

«Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон, — в народе бунт! повсюду шум и клики!»
«Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну!»
Опасность не страшна для мощного владыки.

7

Сила и слабость

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;

От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

8

Лебедь и гусь

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.—
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

9

Мартышка

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

10

Общая судьба

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

11

Безвредная ссора

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

12

Закон природы

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка — мила:
Всяк следует своей природе.

В. А. ПУШКИНУ

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
Буянов в старину, а нынешний Храбров,

Меж проповедников Парнаса — Прокопович!

Пленительный толмач и граций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы печемся здесь о сочном винограде
И соком лоз его пьем здравие твое.

* * *

Надо помянуть, непременно помянуть надо:

Трех Матрен
Да Луку с Петром;

Помянуть надо и тех, которые, например:

Бывшего поэта Панцербитера,
Нашего прихода честного пресвитера.

Купца Риттера,

Резанова, славного русского кондитера,
Всех православных христиан города Санкт-Петербурга,
Да покойника Юпитера.

Надо помянуть, непременно надо:

Московского поэта Вельяшева,
Его превосходительство генерала Ивашева,
И двоюродного братца нашего и вашего.
Нашего Вальтера Скотта Масальского,
Дона Мигуэля, короля португальского,
И господина городничего города Мосальского.

Надо помянуть, помянуть надо, непременно надо:

Покойной Беседы члена Кикина,
Российского дворянина Боборыкина

И известного в Банке члена Аникина,

Надобно помянуть и тех, которые, например, между
прочими:

Раба божия Петрищева,
Известного автора Радищева,
Русского лексикографа Татищева,
Сенатора с жилою на лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,

Пушкина, не Мусина, не Онегинского, а Бобрщева,
Ярославского актера Канищева,

Нашего славного поэта шурина Павлищева,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голеннищева
И, ради Христа, всякого доброго нищего.

Надо еще помянуть, непременно надо:

Бывшего французского короля Дисвитского,
Бывшего варшавского коменданта Левицкого

И полковника Хвитского,
Американца Монрое,

Виконта Дарленкура и его Ипсибос
И всех спасшихся от потопа при Ное,
Музыкального Бетговена,
И таможенного Овена,
Александра Михайловича Гедеонова,
Всех членов старшего и младшего дома Бурбонова,
И супруга Берийского неизвестного, оного,
Камер-юнкера Загряжского,
Уездного заседателя города Ряжского,
И отцов наших, державшихся вина фряжского,
Славного лирика Ломоносова,
Московского статистика Андросова
И Петра Андресвича, князя Вяземского курносого,
Оленина Стереотипа
И Вигеля, Филиппова сына Филиппа,
Бывшего камергера Приклонского,

Господина Шафонского,
Карманный грош князя Григория Волконского
И уж Александра Македонского,
Этого не обойдешь, не объедешь, надо
Помянуть... покойника Винценгероде.
Саксонского министра Люцереде,
Графиню вице-канцлершу Нессельроде,
Покойного скрипача Роде,
Хвостова в анакреонтическом роде,
Уж как ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего приятеля Велегорского
(Что не любит вина горского),
А по-нашему Велеурского,
Покойного пресвитера Самбургского,
Дершау, полицмейстера с.-петербургского,
Почтмейстера города Василисурского;
Надо помянуть — парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланского, что губернатором в Костроме,
Доктора Шулера, умершего в чуме,
И полковника Бартоломе.
Повара али историографа Миллера,
Немецкого поэта Шиллера
И Пинети, славного ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебе) Арндта,
Да англичанина Warnta,
Известного механика Мокдуано,
Москетти, московского сопрано
И всех тех, которые напиваются рано,
Натуралиста Кювье

И суконных фабрикантов города Лувье,
Французского языка учителя Жили,
Отставного английского министра Пиля,
И живописца-аматера Киля.

Надобно помянуть:

Жуковского балладника

И Марса, питерского помадника.

Надо помянуть:

Господ: Чулкова,

Носкова,

Башмакова,

Сапожкова

Да при них и генерала Пяткина

И князя Ростовского-Касаткина.

* * *

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь
Иль в Булгарина наступишь.

КАНОН В ЧЕСТЬ М. И. ГЛИНКИ

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

В честь толь славных новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан.

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ

РАЗГОВОР ФОТИЯ С гр. ОРЛОВОЙ

«Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой». —
Но что ж ты делаешь со мной?
«Я тело в душу превращаю».

Гр. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

НА ФОТИЯ

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых.

* * *

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду,
Разлюбил он, греховодник,
.....

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья,
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?

* * *

Расходились по поганскому граду,
Разломали темную темницу.

Кнж. С. А. УРУСОВОЙ

Не веровал я троице доньне:
Мне бог тройной казался всё мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

1

ПЕСНЯ О СЫНЕ СЕНЬКИ РАЗИНА

В городе-то было во Астрахане,
Появился детина, незнамый человек.
Он щеголем по городу похаживает,
Черный бархатный кафтан на размашечку надет,
Черна шляпа пуховая на его русых кудрях,
Свой персидский кушачок во правой руке несет.
Он боярам государевым не кланяется,
К астраханскому воеводе под суд нейдет.
Как увидел молодца воевода со крыльца,
Закричал он, воевода, громким голосом своим:
«Ой, есть ли у меня слуги верны молодцы?»
Вы сходите, приведите удалого молодца».
Как поймали молодца во цареве-кабаке,
Приводили удалого к воеводе на двор;
А уж стал воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, детина, незнамый человек,
Чьего рода, чьего племени, чей отеческий сын?»
Иль из нашего города, из Астрахани?
Иль со Дону казак иль казацкий сын?»
— Я не с вашего городу, не с Астрахани,
Я не с Дону казак, не казацкий сын.
Я со Камы со реки, Сеньки Разина сынок.
Взялся батюшка у вас завтра в гости побывать,
Ты умеи его принять, умеи подчивати.
Рассердился воевода на удалого молодца,
Закричал тут воевода громким голосом своим:
«Что есть ли у меня слуги верны молодцы?»
Вы возьмите, отведите удалого молодца.
Посадите удалого в белу-каменну тюрьму».

2

Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке,
Вдоль по Каме по реке легка лодочка идет,
Во лодочке гребцов ровно двести молодцов.
Посреди лодки хозяин Сенька Разин атаман.

Закричал тут хозяин громким голосом своим:
«А мы счерпнемте воды из Камы со реки».
Мы исчерпнули воды из Камы со реки,
Припечалился хозяин Сенька Разин атаман:
«Знать-то знать, что мой сыночек во неволюшке сидит,
Во неволюшке сидит в белокаменной тюрьме».
— Не печалься, наш хозяин, Сенька Разин атаман:
Белокаменну тюрьму по кирпичу разберем,
Твоего милого сына из неволи уведем,
Астраханского воеводу под суд возьмем.

3

Во славном городе во Киве,
У славного царя у Владимира,
Жила была молода вдова.
У вдовушки было девять сынов,
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, *пелегали*¹—
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали,
По край моря, за Морьянина.
Они прижили малого детища.
Она год живет и другой живет,
На третий год стосковалася.
Стала она Морьянина в гости звать:
«Пойдем, Морьянин-свет,
Ты к теще, а я к матушке,
Ты к шурьям, а я к милым братьям».
Они день идут и другой идут,
На третий день становилися.
Нарубили² огонечек малёшенек,
Пустили дымочек тонёшенек.
Напали воры, разбойники,
Они Морьянина зарезали,
Морьянинка в воду бросили,
Морьянинку во полон взяли.
Как все-то разбойнички стали пить и есть,
Один-то разбойничек ни пьет, ни ест,
Ни пьет, ни ест, богу молится.
Все разбойнички спать легли,
Один-то разбойничек ни спит, ни лежит.
Господу богу молится.
И стал он у Морьянинки расспрашивать:
«Ты скажи, скажи Морьянинка,
С какого ты села-города?
И которого отца-матери?»
Стала ему Морьянинка рассказывать:
«У славного царя у Владимира
Жила была молода вдова;

¹ Лелеяли. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Развели. (Прим. А. С. Пушкина.)

У вдовушки было девять сынов —
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали,
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали,
По край моря за Морьянина».
— Вставайте, братцы родимые!
Не Морьянина мы зарезали,
Не Морьянинка в воду бросили,
Не Морьянинку во полон взяли:
Мы зарезали зятя любезного,
В воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полон. —
Вставали братцы родимые,
Просили у сестры прощеньица:
«Отчего ты нам не сказалася,
Что ты нам родна сестра?»
Пошли братцы к родной матушке,
Становились на коленки все
И просили у нее прощеньица:
«Прости нас, родная матушка,
Не зная зарезали зятя любезного,
В воду бросили племянника.
Родну сестру взяли во полон».

4

Как за церковь, за немецкою,
Добрый молодец богу молится:
Как не дай боже хорошу жену, —
Хорошу жену в честный пир зовут,
Меня молодца не *примолвили*¹.
Мою жену — в новы саночки,
Меня молодца — на запяточки.
Мою жену — на широкий двор,
Меня молодца — за вороточки.

5

Друг мой милый, красно солнышко мое,
Сокол ясный, сизокрылый мой орел,
Уж неделю не видалась я с тобой,
Ровно семь дней как спозналась с горем я.
Мне не взмились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и мячи,
Не по нраву, не по мысли мне пришли.
Я скиталась по темным лесам,
В темном леске кинаречки поют,
Мне, девчонке, грусть-назолу придают.
Ты не пой, кинаречка, в саду,
Не давай тоски сердечку моему.

¹ Пригласили. (Прим. А. С. Пушкина.)

Во лесах во дремучих
 Тут брала девка ягоды,
 Брамши-то, она в лесу заблудилася,
 Заблудимши, она приаукнулася:
 «Ты, ау, ау, мой любезный друг,
 Мой любезный друг, жизнь душа моя».
 — Уж я рад бы тебе откликнулся,
 За мной ходят трое сторожей:
 Первый сторож — родной батюшка,
 Второй сторож — мила матушка,
 А третий сторож — молода жена.

Не беленька березанька к земле клонится,
 Не камыш трава во чистом поле расшаталася, —
 Зашатался, загулялся добрый молодец,
 В одной тоненькой кармазиновой черкешучке.
 У черкешучки рукавички назад закинута,
 Камчатные его полочки назад загнуты,
 За плечьми несет ружьецо знать турецкое,
 Во правой руке он присошечек карновенький,
 Он присошечком, добрый молодец, подпирается,
 Горючьими слезми разудаленький заливаётся.
 Вдруг несчастье над молодцом случилось,
 Поднималася с гор *погорушка* всё *хурта вьюга*.
 Всё хурта подымалася с гор, погорушка полуденная,
 Собивала-то она добра молодца со дороженьки,
 Прибивала-то она молодца ко городу,
 Ко тому же то ко городу ко незнакомому.

Один-то был у отца у матери единый сын,
 И того-то берут разудаленького в службу царскую,
 По указу его берут, разудаленького, государеву.
 Он со вечера стал, разудаленький, коня седлать,
 Ко полуночи стал, разудаленький, с двора съезжать,
 Отец-то и мать его, разудаленького, провожать пошли,
 Провожали его, разудаленького, весь и род племя.
 Позади-то его идет горюшенька молода жена;
 Молоду жену, белую лебедушку, уговаривает:
 «Воротись ты, жена, воротись, душа, лебедушка белая,
 Впереди-то у нас всё огни горят, огни неугасимые».
 — Разудаленький добрый молодец, меня не обманывай,
 Горит у тебя, молодца, ретиво сердце.

Как у нас было на улице,
У нас на широкой,

Красны девки разыгрались,
Молодушки расплясались.

Одна девка лучше всех,
На ней лента шире всех.

Девка парню говорила
И всю правду объявила:

«Послушай-ка, мой милбй,
Сердце-радость дорогой,

Мой батюшка не лихой,
Тебе будет не чужой».

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В КОПИЯХ В СОБРАНИИ ПЕСЕН П. В. КИРЕЕВСКОГО

А. ПЕСНИ СВАДЕБНЫЕ

1

— Береза белая!
Береза кудрявая!
Куда ты клонишься?
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюсь,
Куда ветер повет.
— Княгиня-душенька!
Куда ты лядишься?
— Туда я лажуся,
Куда батюшко отдает
С родимой матушкой.

2

Дни за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестинной. Брат ее или ближний родственник носит его по улице. Это называют: *красу носить*. Между тем поют:

Трубчистая коса
Вдоль по улице шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За нею гонялася,
За косу хваталася:
«Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?»
— Я тогда буду твоя,
Как в божью церковь вступаю.
Золотой венец приму!

3

Невесту ведут в баню, в девичник, накануне свадьбы:

Затопись, баненька,
Раскались, каменка!
Расплачься, княгиня душа.
По своей сторонуще,
По родимой матушке,
По родимому батюшке, и проч.

4

В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая:

Как-то мне будет в чужие люди идти?
Что как будет назвать свёкра батюшкой?
А как будет назвать свекровь матушкой?
(т. е. стыдно)
Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшко!
Али я тебе, молодёшенька, принаскучила? и пр.

Из бани пришед, девушки чешут ей голову, оденут, посадят за стол. — Жених присажает со своими холостыми товарищами. Они друг друга дарят.

В день свадьбы девушки с пеньем одевают ее; потом сажают одну за стол перед блюдом, куда все кладут деньги, за что она молча кланяется. Потом отец ее и мать выводят ее посередь комнаты и начинают благословлять, после чего идет невеста, крестясь, садится, чтоб ехать к венцу. Все девушки за нею; также крестятся.

5

Собрала невеста подружек,
Посадила подружек высоко,
А сама села выше всех,
Наклонила головушку ниже всех,
Думает думушку крепче всех:

«Что долго нет Ивана?
Мне посла послать — некого,
Мне самой идтить — некогда,
Я хотя пойду, — не дойду;
Я хотя дойду, — не найду;
Я хотя найду его, —
Позвать к себе не смею».

6

Поется, если жених приехал издалеча:

Как при вечере, вечере,
При последнем часу́ времечке,
При княгинином девичнике
Вылетал же млад ясён сокол;
Он садился на окошечко
На серебряну решеточку.
На шелкову занавесочку.
Как увидела да узрела
Свет княгинина матушка:
«Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты ясного сокола,
Ясного сокола залетного.
Доброго молодца заезжего!
Свет Ивана Александровича!»
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломилися,
Белы руки опустилися,
Красота с лица сменилася.

7

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролегла тут дороженька;
Пробегал тут добрый конь;
За конем бежит добрый молодец,
У ворот стоит красна девица.
Как возговорит добрый молодец:
«Перейми коня, красна девица!»
— Мне нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены. —
Возговорит добрый молодец:
«Не приманывай, красна девица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены:
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горячьми слезами!»

Про жениха, как взойдет к невесте:

Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош!
 Черг у него, не хоробшество!
 Сам шестом,
 Голова пестом,
 Уши ножницами,
 Руки грабельками,
 Ноги вилочками,
 Глаза дырочками.
 Соловьины-то глаза
 По верхам глядят;
 По верхам глядят,
 Они каши хотят.
 Вчера каша сварена,
 Вчера съедена была.
 Шея-то синя,
 Будто в петле была!
 Нос-от синь, —
 Это свахин сын!

9

Ты, невеста, перед кем стоишь?
 Перед кем стоишь, на кого глядишь?
 Он тебе чуж чуженок,
 У него поросячий душок!
 Он с курами клевал,
 С поросятами едал!

10

Как в долу-то берёзынька белёхонька стоит.
 А наша невеста белее ес,
 Белее ее снегу белого лицо.
 Шла наша невеста с высокого терема,
 Несла она золоту чару вина;
 Она чару расшибла, вино всё пролила,
 Всё гляючи на Ивана своего,
 На Ивана своего, на кудёрушки его:
 «Видать ли мне, кудёрушки, вас у себя?
 На правой на ручушке на золотом перстенке!»

11

О горе, горе!
 То невестино!
 О горе, горе!
 Ты невестушка,
 О горе, горе!
 Ты ластушка!

О горе, горе!
Оглянись-ко ты назад,
О горе, горе!
Что подружек-то стоят!
О горе, горе!
Что подружки говорят,
О горе, горе!
Что наказывают,
О горе, горе!
Что приказывают:
О горе, горе!
«Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
Ты с кроватушки долой!
О горе, горе!»
— Вы, лебедушки,
О горе, горе!
Вы подруженьки!
О горе, горе!
Мне нельзя спихнуть!
О горе, горе!
В головах-то у него
О горе, горе!
Плетка шелковая;
О горе, горе!
Она об осьми хвостов,
О горе, горе!
Она больно бьет,
О горе, горе!
Приговаривает:
О горе, горе!
«Не зови-ко худяком,
О горе, горе!
Зови добрым молодцом!»

12

Мы все песенки перепели,
У нас горлушки пересохли!
Мы князьева пива не пивали,
У княгини дары увидали.
У княгини дары миткаліны,
А князево пиво облива,
На собаку льешь, облезет.

13

В сыром бору на клену
Висит колыбель на шелку;
В колыбели лежит Иванушко,
Перед ним стоят бояры:
«Вскачните колыбель высоко!

Столь высоко, выше клену стоячего,
Ниже облака ходячего,
Чтобы видно было тестев двор,
Чтобы видно было тещин терём!»
В терему гуляет княгиня,
По имени зовут ее Катерина;
Каленые орешки считает,
Шитою ширинкою махает:
«Ты сюды, сюды, Иван князь!
Как здесь твое суженое,
Здесь твое ряженое:
Здесь твоя княгиня,
По имени Катерина».

14

Поется на девичнике жениху:

Висит колыбель на шелку,
В колыбельке лежит князь молодой:
«Вскачните колыбель высоко,
Вы столь высоко — выше клену,
Чтоб был виден тестев двор,
Тестев двор, тещин терём».
В этом терему ходит гуляет,
Ходит гуляет княгиня душа,
Шелковым платком помахивает:
«Ты сюда, сюда, молодой князь!
Здесь твоя суженая, твоя ряженая!»

15

Поется на девичнике.

Сватушка гость, богатый, тороватый;
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублем ворота запирает,
Он полтиной ворота отпирает.
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

16

На девичнике свата корят:

Все песни перепели,
Горлушки пересохли!
А сватушка рыжий
По берегу рыщет.
Хочет удавиться,
Хочет утопиться,

От красных девок,
От белых лебёдок.
Дари, дари девок!
Дари лебёдок!
Не станешь дарити —
Мы пуще корити!
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежка шевелится.
Красным девушкам норовится.

17

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку прѣлили,
Всю капусту полили.
Верее молилися:
«Верее, верейшка!
Укажи дороженьку
По невесту схати!»
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам норовятся,
А копейка ребром становится,
Она к девушкам норовится!

18

А у свата сводника
Лихорадка с болестью,
Она с черной нѣмочью
На печи под шубою,
На дворе нагишкою!
По морозу босиком,
По кроле нагишом!
Ему чирый в голову,
А другой в бороду,
Третий в рѹчушку,
Четвертый в ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шуты польскали,
По кучам таскали,
Братом называли:
«Ты сватушко, братец!
Дари, дари девок,
Дари, дари красных!
Станешь дарити —
Не станут корити».

Эту песню поют девушки, гуляя по улице, вода под руки покровенную невесту:

Уже вечер на дворе вечерется.
 Уж красное солнышко за лес котится,
 Что частые-то звездочки высыпаются,
 У меня ли, молодёшеньки некрасованой,
 С моими ластушки, сестрицы, милыми подружки.
 Я пойду ли спрошусь у родимой матушки:
 «Ты, сударыня, родимая матушка!
 Не гулять у тебя прошуся, не красоватися,
 Я развеять свою кручинушку великую.
 Я пойду ль, молодёшенька, во чисто поле,
 Я ударюсь, молодёшенька, о сырú землю;
 А мы вскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
 Ты раздайся ли, мать сыра земля!
 Ах, ты встань, ты встань, родной батюшко!¹
 Ты приди ко мне, горюше молодёшеньке,
 На мою ли на смиренную на беседушку!
 Снарядить-то меня, горюшу, есть кому.
 А благословить-то меня некому.
 Мы взойдем-ка ли, сестрицы, в новые сени,
 Мы воскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
 Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
 Неужли ж я, молодёшенька, тяжелёшенька?
 С моим ластушкам, сестрицам, милым подружкам?
 Тяжела моя великая кручинушка.
 Государыня, родимая матушка!
 Отвори-тка высок терём!
 Не зноби меня, горюшу молодёшеньку!
 Я и так, молодёшенька, назяблася.
 Я сяду, молодёшенька, под окошечком.
 Не летит ли мой кормилец батюшко?
 Мы пойдемте-тка, сестрицы, вдоль по улице.
 Вы кладите-тка следочки частёхонько,
 Уливайте следочки горючьми слезмй.
 Опослэ пойдет родимая матушка:
 Не княгиня тут гуляла, не боярыня,
 Тут ходила, тут гуляла чадо милое!»

20

Поется сироте:

— Ты река ли моя реченька,
 Ты река ли моя быстрая!
 Течешь, речка, не кольхнешься,

¹ Если невеста не сирота, то, разумеется, выпускаются стихи, обращенные к покойному отцу, или заменяются другими, импровизированными. (Прим. А. С. Пушкина.)

На крутой берег не взольешься,
Желтым песком не возмúтишься!
— Отчего же мне возмутиться?
Ни дождя нету, ни вихорю.
— Ах ты, умная девица,
(Такая-то)
Что сидишь ты, не улы́бнешься?
Говоришь речи, не усмéхнешься?
— Что чему же мне смеяться?
На что глядя, радоваться?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собралися,
Одного-то гостя нет как нет;
Уж как нет гостя милого,
Моего батюшки родимого: ¹
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому,
Что снарядит меня родная мать,
Благословит меня чужой отец.

21

Много, много у сырá дубá
Много ветвей и пáветвей,
Только нету у сырá дубá
Золотые вершиночки:
Много, много у княгини души,
Много роду, много племени,
Только нету у княгини души
Нету ее родной матушки:
Благословить есть кому,
Снарядить некому ².

22

Между гор по кáменью
Серебром ручей бежит.
По тому по рúчейку
Ходила гуляла княгиня душа;
Искала княгиня душа
Самоцветна камушка;
Нашла, нашла камушек,
Нашла самоцветненький;
Разломилa камушек
Его нá три граночки:

¹ Если же молодая круглая сирота, то поется:

Уж как нет гостей милых:
Моего батюшки родимого,
Моей матушки родимой. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Благословляет обыкновенно отец, снаряжает мать. (Прим. А. С. Пушкина.)

Первую граночку
Ее родну батюшке,
Вторую граночку
Родной ее матушке,
А третью граночку
Ладу милому.

23

Не стыдно ли вам, бояры,
Перед нами, девками, стояти,
В руках шапочки держати?

24

Поется, когда едут за невестой к венцу:

Как у нашего князя
Невеселые кони стоят;
Они чуют путь-дороженьку
По невесту ехати:
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Уливайте¹ гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойтить бы, ни взъехати!»
— Не грози, княгиня душа!²
На крутую гору пеш взойду,
Добра коня в поводу сведу. —
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Запирайте вы воротички,
Что тремя замками немецкими!»
— Не печалься, княгиня душа!
Приведу я с собой слесаря:
Отопрет замки немецкие. —
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую!
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!»
— Не печалься, княгиня душа!
Привезу с собой свахоньку:
Расплетет она косу русую,
Увезем тебя с собой, душевьку!

¹ Или: «укатайте» — смотря по времени года. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Поется также:

Не печалься, княгиня душа!
Поведем мы коней в кузницу,
Подкуем коней подковами,
Подковами-то булатными. (Прим. А. С. Пушкина.)

Сват, сват молодой!
 Не бывать тебе у нас,
 Не едать киселя!
 Не бежать тебе лугом.
 Не тебе гужом!

Девушки поют, когда молодая возвратится из церкви:

Ягода с ягодой сокатилася!
 Ягода ягоде поклонилася!
 Ягода с ягодой слово молвила!
 Ягода от ягоды не вдали росла!

Когда молодые сидят за столом, приехав от венца, то девушки поют всем гостям; первого начинают величать попа.

У попа у батюшки
 Золота скуфеюшка;
 Низала скуфеюшку
 Его молода жена,
 (Такая-то)
 Слышишь ли, батюшка?
 Тебе песню поем,
 Тебе честь воздаем:
 Мы хотим с тебя даров,
 Даров великих —
 Две гривны золотом

А поп отвечает: «Нате, суки, возьмите в руки, не корите попа».

По́ меду, мёду по па́точному
 Плавала чарочка серебряная,
 Кто эту чарочку пёренял?
 Пёренял, пёренял князь государь,
 Подносил, подносил госпоже княжне.
 «Выкушай, выкушай, душа госпожа!
 Я тебе, княгиня, гро свой сон расскажу:
 Будто у нас середь ширóка двора
 Будто у нас расстиралась трава,
 По траве гуляет пáвынька,
 Пáвынька, пáвынька, княгиня душа».

Величают холостого:

Князек молоденький,
 Лебедёк наш беленький¹,
 Скажи, пожалуй, нам
 Про своего гостя нам!
 «У меня свет гость дорогой,
 (Такой-то)
 Во любви он позванный,
 Во чести посóженный,
 За дубовым столом,
 За браной скатертью,
 Не женатый Иванушка,
 Холостой Михайлович,
 Холостой, завистливый.
 Его глаз урочливый».
 Выйди, холостенький,
 Выдь к нам за завесу!²
 Выбери, холостенький,
 Кто тебе покажется!
 Слышишь ли, гость дорогой?
 Мы тебе песню поем,
 Тебе честь воздаем.
 Мы хотим с тебя даров,
 Даров великих —
 Две гривны золотом.

Им подают деньги в стакане пива, приговаривая:

30

Вот вам, красные девушки!
 Малое примите,
 На большом не судите.
 Денежки принимайте.
 Пол поровняйте (т. е. попляшите).

31

Поется вдове:

Княгиня душенька,
 Скажи, пожалуй, нам
 Про свою гóстейку!
 «У меня свет гóстейка
 Молодая вдовушка,
 Вдова молóдая,
 Вдова богомольная:
 Всем святым святителям
 Богу молилася
 О своих о детушках».

¹ Девушки обращаются к молодому. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Девушки сидят за занавесом, продернутым через всю избу. (Прим. А. С. Пушкина.)

Слышишь ли, вдовушка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих —
Две гривны золотом.

32

Величают гостью, как девушку, так и замужнюю:

Княгиня душенька!¹
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!
«У меня свет гостейка,
(Такая-то)
Во любви по́звана,
Во чести посóжена,
Хорошо снаряжена:
Сережки-яхонты,
Лицо разгорелось,
Монисты зóлоты
Шею огру́зили!»
Слышишь ли, гостейка.
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Мы хотим с тебя даров.
Даров великих —
Две гривны золотом.

Б. ПЕСНИ НЕОБРЯДОВЫЕ

1

Авдотья вдовина
По бережку ходила,
Правой рукой махала.
— А цвет моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебе не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиков не едаты! —
Злодей Ванька вор, победна голова,
Кличет Дуньку из ворот в огород.
Сорвет Дуньке лопушок
Под самый корешок;
Сошьет Дуньке сарафан
Китайчный голубой:

¹ Девушки обращаются к молодой. (Прим. А. С. Пушкина.)

Снурочек-ат — повиличная трава.
А ниточки — ковылок, ковылок.
А пуговки — репеёк, репеёк.
Где ни взялся таракан,
Проел Дуньке сарафан,
Над самую над дырой.
А дядюшка Митрофан,
Зашей Дуньке сарафан
Китаичный голубой!

2

Калина, малина!
На заднем порядке.
Под горою три солдати:
Одна Настька, другá Машка,
Как третья Наташка.
Повадилась Наташка
Во царев кабак ходить,
Зеленое вино пить,
Целовальника любить:
— Целовальник молодой,
Проводи меня домой
По улице мостовой,
По дорожке столбовой,
До кроватки тесовой,
До перинки пуховой! —
На перине дсвица
Лежит она, нежится;
Лицо разгорелось,
Чего захотелось?
«Не надо мне, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладких яблочков,
Ни медовых пряничков;
Приведи-ка, матушка,
Татарина с скрипкою,
Мордвина с вольнкою,
Холостого с дудками!»
На Болдинском на плоту
Мыла девица фату,
Она мыла, полоскала,
Фату в воду опускала,
Милый фаточку ловил,
Кафтан с шубою сронил;
Она губушки надула,
Пошла к старосте на думу
И к бурмистру на рассуду:
Как что староста-то скажет
И бурмистр-от что прикажет?
— Ты поставься-ка в поны! —
Как и что это за попок:
В сарафане без порток?!

Я вечер, вечер, добрый молодец,
 Вечер загулялся,
 Я со любушкой, со своей сударушкой
 Долго застоялся;
 Я тайного ласкова словечка
 От ней дожидался.
 Ничего-то моя сударушка
 Она мне не сказала,
 Только сказала моя сударушка
 Грубое словечко:
 «Ты отстань, отстань, добрый молодец,
 Отстань по охоте;
 Не отстанешь ты по охотушке,—
 Отстань по неволе».
 Тосковал-то я, добрый молодец,
 Ровно три годочка,
 Что никто, никто по добром молодце
 Никто не потужит:
 Что ни батюшка, ни матушка,
 Ни жена молодая;
 Что потужит ли, погорюет ли
 Красная девица,
 Что названая моя прежняя,
 Милая сестрица!

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
 Приневолители меня, малёшенька, женили;
 Молода была жена, я глупенек,
 Стал я молодцем, жена стала старенька.
 Полюбилась мне молоджа молодая,
 Исушила мое сердце ретивое.
 Как вѣчѣр меня молодка огорчила,
 Мне несносную насмешку насмеяла:
 — Отступися,— мне сказала,— отвяжися,
 У тебя своя жена, с ней и целуйся! —
 Во бору ли, во сыром ли стук, треск:
 Бурлачки сосну подрубливают,
 Подрубливают, поваливают;
 Из сыра бора по лугу волокут,
 По крутому бережку покатывают,
 Середь лодочки устанавливают,
 Тонкий парус навешивают,
 Уплывают вниз по Волге по реке.
 Вы постойте, добры молодцы, погодите,
 Вы с собой меня возьмите, посадите,
 Разлучите с опостылой со женою!

Ах ты, молодость, моя молодость,
 Не видал я тебя, когда ты прошла,
 Когда ты прошла, когда миновалася!
 Живучи с женой не с корыстною,
 Не продать мне жену, не променять ее
 Что ни братцу, ни товарищу.
 Я пойду ли сам крутым бережком,
 Я найму ль себе новых плотничков,
 Новых плотничков, корабельщиков.
 Я сострою нов тесов корабль
 О двенадцати тонких парусах,
 Тонких, белых полотняных.
 Я спущу ли корабль на сине море,
 Посажу ли жену, свою барыню,
 Отпущу ли жену в свою сторону;
 А я сам пойду на круту гору,
 Посмотрю ли я на сине море —
 А уж корабль бежит, как сокол летит,
 А жсна-то сидит, точно барыня.
 Уж я вскрикну ли громким голосом:
 «Воротись, жена, моя барыня,
 А мы будем жить лучше прежнего,
 А я буду любить лучше старого!»
 — Не обманывай ты, распостылый муж:
 Что не греть солнцу зимой против летнего,
 Не светить месяцу летом против зимнего,
 Не любить тебе меня пуще прежнего!

Уж как нонешние люди
 Они мóлоды, лукавы,
 С измалёнька вороваты;
 Не выдавши — много видят,
 Не слыхавши — много слышат.
 Как сказали про девицу
 Напраснóю небылицу:
 Будто я красна девица
 Во всю темну ночь не спáла,
 В зеленóm саду гуляла,
 Сладко вишенье щипала;
 Показалось девке мало —
 Виноградом добавляла.
 На белое блюдо клаала,
 В итальянский плат вязала,
 За ворота выходила,
 Извозчика нанимала,
 Извозчика молодого,
 Неженатого, холостого:
 «Вези меня поскорее,
 Чтобы люди не видали,

Соседушки не слышали,¹
Мому батюшке не сказали,²
Мой батюшка очень грозен,—
Посадил меня в темницу,
Ни дверей нет, ни окошек,
Одна труба, да малая.
Ах ты, батюшка родимый!
Проруби ты мне окошко
На правую на сторонку,
Куда милый гулять ходит,
Добра коня понть водит».

7

Долина-долинушка,
Раздолье широко!
На той на долинушке
Ничто не родилось:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилась
Рошица зеленая.
Из-за той ли рошицы
Заря занималась,
Заря занималась,
Солнце выкаталось.
Греет, греет солнушко
Зимой не по-летнему:
Любит, любит миленький,
Любит не по-прежнему.
Любил, всё обманывал,
Другу подговаривал:
«Поди, поди, девица,
За меня замуж,
За меня, за мóлодца,
За парня холóстого».
Нейду, нейду, девица,
Нейду, не подумаю.
Кого же мне, девице,
Полюбить будет?
Полюбить холóстого,—
Холост скоро женится;
Полюбить женатого,—
Жена-то рассердится.
Полюблю я, девушка,
Солдата гвардейского:

¹ Поется также: не спознали. (Прим. А. С. Пушкина.)

² В некоторых песенниках:

Отцу, матери не сказали,
Мой батюшка очень грозен,
Грозней того моя матушка:
Не велит мне на улицу ходить,
С холостыми речи говорить.

Очевидно, из другой песни. (Прим. А. С. Пушкина.)

Солдат в поход пойдет,
Девицу с собой возьмет.

8

На зоре-то было, на зорюшке,
На зоре-то было вечерней:
Высоко звезда восходила —
Выше лесу, выше темного,
Выше садику зеленого.
Как во городе во Алтыре
Случилось несчастье,
Как несчастье немалое:
Жена мужа потеряла,
Вострым ножиком зарезала;
Вынимала сердце с печенью.
На ноже сердце встrepехнулось,—
Она, шельма, рассмехнулась,
Рассмехнувшись, она ужаснулась,
Взяла его за черны́ кудри,
Ударила об сыру́ землю,
Во холодный ледник спрятала,
Дубовой доской она закрыла.
Золотым перстнем запечатала;
Сама пошла в нову́ горницу,
Закричала громким голосом:
«Ты талан ли мой, талан лихой,
Или участь моя горькая!
На роду ль мне так написано?»
Прилетели к ней два сокола,
Два Ивана, два Иваныча:
— Ты сноха наша, невестушка,
Где наш братец Иванушка? —
«Ваш братец-охотничек
Уехал в лес за охотою,—
За кунницами, за лисицами».
— Не обманывай нас, невестушка!
Вон шелков кушак на стене висит,
Перчаточки с шапочкой на полочке лежат.

9

Вдоль по улице по Шведской
В слободе было Немецкой,
Генерал-от немец ходит,
За собою девку водит.
Водил девку, водил немку,
Молодую иноземку.
Девка немцу говорила:
«Говори, радость, со мною.
Мы одни теперь с тобою.
Еще третий — высок терем.

Как поедшь, мой любезный,
Во царскую службу,
Заезжай, моя надѣжа,
В калинову рошу;
Ты сорви, мой друг, покушай
Горьку ягоду калину:
Какова горька калина —
Таково житье за старцем»¹.

10

Не летай, мой соловей,
Поздно вечером один!
Парень девушку любил,
Колечушком подарил:
Колечушко, сердечушко —
Твой золотный перстенок.
Далеко милой живет
Во матушке во Москве,
Во Покровской улице.
Как пошли наши ребята
В большú улицу гулять,
Красных девок забавлять;
Ах, все девки хороши,
Разлапушки пригожи!
Одна девка лучше всех:
В косе лента шире всех,
А другая голубая —
Идет славушка худая,
А третья со кистьюми,—
Бежит Дуня со вестьюми.
Как взял Дуню задор:
Подняла в губы подол,
Мимо окон, мимо стекол,
Мимо каменных палат
К целовальнику в кабак:
«Целовальник молодой,
Отпирай новый кабак,
Пущай малых ребят!»

11

Беседа моя, беседашка, беседа смирна!
Во той во беседашке девицы сидят,
Девицы сидят, речи говорят:²
«Лучина, лучинушка берёзовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишьь,

¹ Иногда прибавляется:
Каково житье за ровнем?
Какова сладка малина,
Таково житье за ровнем. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Первых трех стихов обыкновенно не поют. (Прим. А. С. Пушкина.)

Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
 Али ты, лучинушка, в печи не была? ¹
 — Я была в печи вчерашней ночью,
 Лихая свекровушка воду пролила,
 Воду пролила, меня залила. —
 Сестрицы, голубушки, ложитесь спать:
 Ложитесь спать, вам некого ждать!
 А мне, красной девице, всю ночь не спать —
 Кровать убирать, мила дружка ждать;
 Убравши кроватушку, сама лягу спать.
 Первый сон уснула — без миленького;
 Второй сон уснула — без сердечного;
 Третий сон уснула — зоря белый день.
 Из-под белой зорюшки мой милый идет,
 Собольею шубочкой пошумливает,
 Пуховою шляпочкой помахивает,
 Сафьянны сапожки поскрыпывают: ²
 «Что ж ты, добрый молодец, давно не пришел?»
 — Душа красна девица, позамешкался:
 С угрюмой женой побранка была,
 Журила, бранила тебя и меня.
 Тебя, мою душеньку, курвой назвала;
 А я ее бил, бил, чуть живу пустил. —
 «Не бей, не бей, молодец, угрюмой жены:
 С угрюмой женою тебе век вековать,
 Со мной, красной девицей, ночь ночевать».

12

Девушка крапивушку жала,
 Красная немножко нажала;
 Кажется, ни с кем не стояла,
 Только я с милым говорила:
 «Ах ты, мой сердечный, милый друг!
 Я слышала несчастье про тебя:
 Идешь в поход. Возьми меня с собой,
 Назови меня родной сестрой
 Или душенькой молодой женой».

¹ Прибавляется также: В печи не была, не высушена. (Прим. А. С. Пушкина.)

² В новейших песенниках:

Натуральной тросточкой постукивает.

И песня кончается этим стихом. Остальные же внесены в другую песню.

Сказали про молодца, будто без вести пропад,
 Сказали — удаленький в синем море утонул;
 А нонече молодец по улице прошел.
 Любимую песенку шибко-громко просвистал,
 Насвисточку свищет, голос в терем подает:
 Услышала б девица удалого молодца,
 Горела б у девицы воску ярого свеча,
 Ждала б красна девица удалого молодца.
 «А что ж, добрый молодец, давно не пришел?»
 — Душа красна девица... и проч. (Прим. А. С. Пушкина.)

— Нельзя, нельзя мне взять тебя с собой,
Что все в полку полковнички знают,
Что нет у меня родной сестры,
Ни душеньки молодой жены,
Что есть у меня одна матушка,
И та живет в деревне в печали¹.

13

П л я с о в а я

Как нѳнече куры
Поют петухами,
 Ах, люшеньки, ай люли! и т. д.
Как нѳнешни жены
Владеют мужьями.
Я возьму мужа за ручку,
Брошу на постелю:
Лежи, муже, тута,
Поколь схожу — кнѳта,
Поколь схожу — кнѳта.
Железного прѳта.

14

Теща про зятюшку сбѳбничала,
Сбѳбничала да пирожничала,
Испекла пирог в двенадцать рублѳв.
Сѳлоду, муки на четыре рубли,
Ягодов, изюму нѳ восемь рублей.
Теща по горенке похаживала,
Косо на зятюшку поглядывала:
 «Как тебя, зятюшку, не рѳзорвало?
 Как тебя, зятюшку, не пѳрервало?»

15

Бежит речушка слезовѳя,
На ней струюшка кровавѳя;
По бѳрежку растет част осинничек,
Во том осинничке куст рябинушки;
Она ѳленькими цветочками расцветала,
На цвету сидит кукушечка,
Горемычная куковала,
Жалобнѳхонько, горемычная, причитѳла,
Всем солдатушкам назблѳшку давала.
Не кукуй-то ты, кукушечка, жалобнѳнько,
Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам-то солдатушкам жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?

¹ Поется также: Да и та старенька. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Т. е. схожу *взять* кнута. (Прим. А. С. Пушкина.)

Туто жил-поживал господин Волконский князь,
У этого у князя жил Ванюша ключничек.

Ваня год живет, другой живет.

На третий год князь доведался;
Закричал князь Волконский своим громким голосом:
«Как есть ли у меня слуги верные при мне?
Вы подите-приведите вора Ваньку ключничка!»
Как ведут Ванюшу широким двором,
Как у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на нем изорвана,
Сафьяновые сапожки кровью принаполнены.
Закричал-та господин Волконский князь громким
голосом:

«Вы подите-ка,— вы выройте две ямы глубоких,
Вы поставьте-ка два столбика дубовых,
Положите перекладец сосновый,
Повесьте две петли шелковые:
Пускай Ваня покачается,
Молодая-то княгиня попечалится!»

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчесву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут ж плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всяkiem корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-псёсенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Всё Ракчеева бранят:
«Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дорóженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Березами усадил,
Бедных людей прослезил!»

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

К стр. 48—49.

Как последний луч, как последнее веяние ветра
Оживляет вечер прекрасного дня,
Так у подножия эшафота я еще пробую свою лиру.
(См. *Последние стихи Андре Шенье*). (франц.).
Авель, милый наперсник моих юных тайн
(Элегия I)

Фанни, одна из любовниц Ан. Шенье. (См. обращенные к ней оды) (франц.)

См. Юная пленница (М-ль де Куаньи).

См. его Ямбы.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера.— Известно, что король испрашивал у Собрания в письме, исполненном спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андресм Шенье. (*А. Де ла Туш*). (франц.)

В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их беседы и последнего их восторга был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену «Андромахи». (*А. Де ла Туш*). (франц.)

К стр. 69.

Все-таки у меня там кое-что было (франц.).

Когда на челе пирующего, на прекрасной груди Делии,
Ослепительная роза окончила свою жизнь...

Вдруг, отделяясь от родного стебля,
Как легкий вздох, ее нежная душа испаряется,
На Элизийских полях ее благоуханная тень
Очарует безжизненные берега Леты.

(франц.)

Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор: с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве. Буду отвечать на ваши вопросы чистосердечно. Гузлу я написал по двум мотивам, — во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827. Для объяснения второго мотива мне необходимо рассказать вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте, — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял собрание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов: выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. В итоге составилась томик, который я издал под большим секретом и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот мои источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Банялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки — настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы выставить напоказ свои знания (на самом деле, быть может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: *De costumi dei Morlachi* [О быте морлаков] из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест все еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший со стихотворного перевода аббата, еще более поэтизировав его в своей прозе, — прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: «Scto se

bieli u gorie zelenoi¹», Фортис перевел: «*Che mai biancheggia nel verde Bosco*»², Нодье перевел *Bosco* — *зеленящая равнина*; он промахнулся, потому что, как мне объясняли *gerie* означает: *гора*. Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался, и пр. (франц.).

Стр. 265—268.

Заметка об Иакинфе Маглановиче

Иакинф Магланович — единственный мне знакомый гусяр, который в то же время был бы поэтом; большинство гусяров повторяют старые песни или самое большое — сочиняют подражания, заимствуя стихов двадцать из одной баллады, столько же из другой и связывая все это при помощи скверных стихов собственного изделия.

Поэт наш родился в Звониграде, как он сам говорит об этом в балладе «Шиповник в Велико». Он был сын сапожника, и его родители, по-видимому, не сильно беспокоились о его образовании, ибо он не умеет ни читать, ни писать. В возрасте восьми лет он был похищен чинженегами, или цыганами. Эти люди увели его в Боснию, где и обучили своим штукам и без труда обратили его в магометанство, исповедуемое большинством среди них³. Один «айан», или старшина, в Ливно отобрал его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

Ему было пятнадцать лет, когда один католический монах обратил его в христианство, рискуя быть посаженным на кол в случае обнаружения этого, ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф недолго задумывался над тем, чтобы покинуть своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, уходя из его дома, он задумал отомстить за дурное обращение. Однажды ночью, в грозу, он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно, по его совету.

От Ливно до Сия, в Далмации, не больше, чем миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований айана. Здесь-то Магланович сочинил свою первую песню; он вопел свое бегство в балладе, которая привлекла внимание некоторых, и с нее-то началась его известность⁴.

Но он был без средств к существованию, а по природе своей не слишком был расположен к труду. Благодаря морлацкому го-
степриимству некоторое время он жил на подаяния сельских жителей, оплачивая им пением какой-нибудь заученной им старой песни. Вскоре он сам сочинил несколько новых песен на случай свадеб и погребений, и его присутствие стало настолько необходимым, что праздник был не в праздник, если на нем не было Маглановича с его гузлой.

¹ Что белее на горе зеленой (серб.).

² Что же белее в зеленой роще (итал.).

³ Все эти подробности были сообщены мне в 1817 г. самим Маглановичем.

⁴ Я тщетно разыскивал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.

Так он жил в окрестностях Синя, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему донныне осталась неизвестной, так как со дня похищения он ни разу не бывал в Звониграде.

Двадцати пяти лет это был красивый молодой человек. Сильный, ловкий, прекрасный охотник и сверх того знаменитый поэт и музыкант; его уважали все, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака, по имени Злариновича. Он легко добился взаимности и, по обычаю, похитил ее. У него был соперник по имени Ульян, нечто вроде местного сеньора, который заранее проведаль о похищении. Иллирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника; но этот Ульян решил ревновать и препятствовать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя слугами в ту минуту, когда Мария уже села на лошадь, чтобы следовать за возлюбленным. Ульян угрожающим голосом приказал остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустяков; но он был одинок, против него — готовая на месть вся семья убитого. Он быстро пришел к решению и скрылся с женой в горах, где присоединился к гайдукам¹.

Он долго жил с ними и даже был ранен в лицо при схватке с пандурами².— Наконец, заработав кое-какие деньги, как я полагаю, не особенно честным способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Каттаро с женой и детьми. Дом его около Смоковича, на берегу речонки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и фермой; он же вечно в разъездах; часто посещает он своих старинных друзей гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я встретил его в Заре впервые в 1816 г. В то время я свободен говорил по-иллирийски и сильно желал услышать какого-нибудь известного поэта. Мой друг, уважаемый воевода Николай***, встретил в Белграде — месте своего жительства — Иакинфа Маглановича, ему ранее известного, и, зная, что он направлялся в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю послушать гусляра, то должен сперва подпойть его; ибо вдохновение на него сходило лишь тогда, когда он бывал почти пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это — высокий человек, еще крепкий и сильный для своего возраста, широкоплечий, с необычайно толстой шеей; лицо его удивительно загорелое, глаза маленькие и слегка приподнятые по углам, орлиный нос, довольно красный от крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови, все это вместе дает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к тому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по почти всеобщему обычаю, и носил он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Войдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном

¹ Род разбойников.

² Полицейские солдаты.

довольно презрительного сомнения:— Так вы говорите по-иллирийски. Я отвечал немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, которые мне очень хвалили.— Ладно, ладно,—отвечал он,—но я хочу есть и пить; я буду петь, когда поем. Мы вместе пообедали. Мне показалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре, с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подливал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что когда этот необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость соблаговолит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Вдруг он встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз: я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне много баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно быть, голос его был прежде хорош, но тогда он был немного разбит. Когда он пел, играя на гузле, глаза его оживали, и лицо принимало выражение дикой красоты, которую художники охотно заносят на полотно.

Он со мною расстался довольно странным способом: пять дней жил он у меня и на шестой утром ушел, и я тщетно ждал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у меня в комнате. Я должен добавить, к его чести, что он мог равным образом унести и мой кошелек и золотые часы, которые были раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел дня два в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все деги и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое бы то ни было вознаграждение. (франц.)

ПРИМЕЧАНИЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1824 (Михайловское) — 1836

1824

Из письма к Вульффу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!»). Стихотворная часть письма от 20 сентября 1824 г.

Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — сын П. А. Осиповой, помещицы Тригорского — имения, находившегося рядом с Михайловским. А. Вульф учился в Дерптском университете вместе с Н. М. Языковым.

К Языкову («Издравле сладостный союз...»). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 16, 17 марта, с цензурными сокращениями: слово «самовластье» заменено словом «непогода», и послание обрывалось на словах «Я жду тебя». Написано 20 сентября 1824 г.

Н. М. Языков отвечал посланием «Не вовсе чужа бога света». В Михайловское он приехал только летом 1826 г.

Разговор книгопродавца с поэтом. Напечатано в форме предисловия при издании первой главы «Евгения Онегина» (1825). Написано 6 сентября 1824 г.

Стих «Пускай их юноша поет» в первом издании читался:
Пускай их Шаликов поэт.

Так же и в рукописи, но первоначально было:

Пускай их Батюшков поэт.

См. об этом письма Пушкина Вяземскому от 19 февраля и 25 мая 1825 г.

К морю. Напечатано в альманахе «Мнемозина», 1824 г., ч. IV (вышел в свет в октябре 1825).

В печати из строфы 13 печатались только начальные слова «Мир опустел...». Остальное заменялось точками. Однако по рукам разошлись полные списки стихотворения. Во избежание неприятных последствий для автора в «Мнемозине» было сделано примечание: «В сем месте автор поставил три с половиной строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено князем П. А. Вяземским в подлиннике и здесь напечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оно, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями».

«*Заветным умыслом томим!*» — Пушкин говорит о задуманном им, но не состоявшемся бегстве из Одессы за границу.

«*Другой властитель наших дум*» — Байрон. Он умер 19 апреля 1824 г.

Коварность. Напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., ч. VIII, № 6 (март). Написано 18 октября 1824 г.

Фонтану Бахчисарайского дворца. Напечатано в сборнике 1826 г. с датой «1820». Ср. «О дева-роза, я в оковах». В 1820 г. Пушкин не мог писать о Марии и Зареме, так как замысел поэмы «Бахчисарайский фонтан» относится к более позднему времени. Дата определяется положением черновика в тетрадах Пушкина.

Виноград. Напечатано в сборнике 1826 г. с неверной датой «1820», вызванной, вероятно, теми же соображениями, что и датировка стихотворения «О дева-роза, я в оковах».

«О дева-роза, я в оковах...». Напечатано в сборнике 1826 г. под названием «Подражание турецкой песне» и с датой «1820». Однако эта дата опровергается положением черновика среди стихотворений, писанных осенью 1824 г. в Михайловском. Точно так же не подтверждается и указание на подражание. Мотив соловья, влюбленного в розу, является общим местом восточной поэзии.

Поставленную Пушкиным дату «1820» следует понимать как указание на то, что стихи связаны с крымскими впечатлениями. Так же Пушкин поступил со стихотворениями, писанными в 1824 г., — «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Виноград» и «Чадаеву». Указание на подражание имело задачей скрыть автобиографическое значение стихотворения.

Ночной зефир. Напечатано в альманахе «Литературный музей» на 1827 год. Написано 13 ноября 1824 г.

«Ненастный день потух...». Напечатано в сборнике 1826 г. с датой «1823». Однако этой дате противоречит содержание стихотворения: северный пейзаж Михайловского противопоставлен южному одесскому пейзажу.

Подражания Корану. Напечатаны в сборнике 1826 г. Написаны в ноябре 1824 г. В этих подражаниях Пушкин пользовался русским переводом Корана М. Веревкина изд. 1790 г. Однако в своем переложении выбранных им отрывков он далеко отходил от оригинала и влагал в стихи смысл, часто отсутствующий в подлиннике. Поэтому подражания следует рассматривать как оригинальные стихи Пушкина, иногда наполненные автобиографическим содержанием и только стилизованные в духе Корана. Посвящение П. А. Осиповой объясняется тем, что подражания Корану писались преимущественно в ее имени Тригорском, где Пушкин проводил дни после ссоры с отцом, вызванной тем, что Сергей Львович принял на себя поручение полицейских властей следить за поведением сына.

I. «Клянись четой и нечетой...». Переложение главы (сур) XIII «Солнце восходящее». В текст Корана совершенно отсутствует указание на «гонение» и на «власть языка». Введенные

Пушкиным черты автобиографичны. Тема первого подражания позднее развита в «Пророке». Формулы клятв пополнены из других глав, например, из главы «Заря». «Чета и нечета» следует понимать как «сочетаемое и несочетаемое» (соединение и разделение).

II. «О жены чистые пророка...». В основу подражания положены два отрывка из гл. XXXIII «Артели, или Участки людей ратных». К этому же месту Корана относится черновой набросок:

Пророк мой вам того не скажет,
Он вежлив, скромн...

Но Пушкин отказался от переложения этих слов в стихи и перенес их в примечание ко второму подражанию.

III. «Смутясь, нахмурился пророк...». Переложение главы LXXX «Слепой».

IV. «С тобою древле, о всесильный!...». — Подражание отрывку из гл. II «Крава». В оригинале это место изложено как поучение Авраама «неверному царю», возомнившему себя равным богу. Ср. аналогичные мотивы в стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге».

V. «Земля недвижна; неба своды...». — Подражание отрывкам из разных мест Корана: гл. XXI «Пророк», XXIV «Сиянис», XXXI «Создатель» и V «Брашно».

VI. «Недаром вы приснились мне...». — Вольный и сокращенный пересказ главы XLVIII «Победа». При этом переложению придан такой характер, чтобы его можно было понять как изображение будущей победы единомышленников поэта. После стиха «Не шли, не веря дивным снам» в рукописи приписано четверостишие, не появившееся в печати:

Они твердили: пусть виденья
Толкует хитрый Магомет,
Они ума его творенья,
Его ль нам слушать — он поэт!..

VII. «Встань, боязливый...». Подражание началу гл. LXXIII «Робкий».

VIII. «Торгуя совестью пред бледной нищетою...». Подражание отрывку из гл. II «Крава», непосредственно следующему за тем, которым Пушкин воспользовался для IV подражания.

IX. «И путник усталый на бога роптал...». Совершенно свободное развитие нескольких слов из гл. II «Крава».

Примечания. В первом издании четвертое примечание читалось: «Из книги „Слепец“ (Тифля). Вот почему слово сие почитается у турков за жесточайшую брань». Примечание это исключено Пушкиным, вероятно, потому, что кто-нибудь разъяснил ему его ошибочность: слово «тифля» не турецкое, а греческое, а Коран писан не по-турецки, а по-арабски.

«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...». Напечатано в сборнике 1826 г. с пометой «Подражание Ан. Шенье».

Чаадаеву («К чему холодные сомненья?»). Напечатано в «Северных цветах» на 1826 год в составе «Отрывка из письма к Д.», а перед тем в «Северной пчеле». 1825 г., № 12, 27 января.

Пушкин печатал послание под 1820 г., изобразив в «Отрывке из письма к Д.» дело так, как будто бы написал эти стихи в Крыму на развалинах храма Дианы. Это опровергается положением черновика в тетрадах Пушкина и содержанием.

Холодные сомненья — мнение И. М. Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы находился не у мыса Георгиевского монастыря. Об этом он писал в своем «Путешествии по Тавриде» (1823 г.), которое Пушкин прочитал в 1824 г.

Провозвестница Тавриды — Ифигения. Стихотворение основано на мифе о бегстве Ифигении с братом Орестом, осужденным на принесение в жертву Диане.

«Святое дружбы торжество» — соревнование друзей Ореста и Пилада в самопожертвовании.

«Чедаев, помнишь ли былое?» — См. послание к Чаадаеву 1818 г. «Любви, надежды, тихой славы...» (т. 1, стр. 207).

Аквилон. Напечатано в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1837 г., № 1, 2 января, с датой «1824».

Стихотворение основано на сюжете известной басни Лафонтена «Дуб и тростник». Дата «1824» поставлена Пушкиным и на копии стихотворения, сделанной в 1830 г., но можно предполагать, что дата эта поставлена с целью скрыть намеки стихотворения. Возможно, что стихи писаны в 1825 г. по получении известия о смерти Александра I.

«Пускай увенчанный любовью красотой...». При жизни Пушкина не печаталось.

Второе послание цензору. Распространялось в списках (в первоначальной редакции, до окончательной обработки; ср. письмо Вяземскому от 25 января 1825 г.). Послание вызвано отставкой Голицына и назначением на должность министра народного просвещения, в ведение которого входила цензура, А. С. Шишкова. Так как Шишков известен был запиской против нелепых цензурных придинок («Он с нами сетовал»), то Пушкин возлагал надежды на смену министерства. Однако правление Шишкова ознаменовалось изданием в 1826 г. так называемого «чугунного» цензурного устава, дававшего цензуре все средства неограниченно произвола.

Тимковский И. О. — петербургский цензор до 1821 г.

Божественный, небесный. — Эти слова в применении к женской красоте запрещал цензор Красовский.

«Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою». — Послание к цензору 1821 г.

Святой отец — Голицын, министр народного просвещения и духовных дел.

Бантыш — Бантыш-Каменский В. Н., старший сын московского археографа, брат историка, известный своими пороками.

Магницкий М. Л. (1778—1855) — один из главных представителей официального мракобесия, участник разгрома Петербургского университета в 1821 г.

Кавелин Д. А. — прежде был членом «Арзамаса»; в качестве

директора Петербургского университета принял участие в реакционном разгроме университета в 1821 г.

Галич А. И. — бывший профессор Лицея; в 1821 г. был обвинен в том, что его книга «История философских систем» подобна «тлетворному яду». Галич письменно покаялся в «грехах юности и неведения», что вызвало восторг Кавелина, и Галичу было предложено в печати «торжественно описать свое обращение и отречение от мнимого просвещения, на лжеименном разуме основанного».

Клеопатра. При жизни Пушкина не печаталось. Написано в октябре 1824 г.

Стихотворение является первой редакцией в обработке замысла, к которому Пушкин не раз возвращался. Здесь в форме «исторической элегии» разработан сюжет, основанный на данных исторического сочинения «О знаменитых мужах», приписываемого Аврелию Виктору. Эта первая редакция переработана в 1828 г. Редакция 1828 г. обычно включается в текст «Египетских ночей» (см. т. V).

Позднее, вероятно, исходя из исторических данных Плутарха, Пушкин изменил план, введя в него подробности археологического порядка.

«Тимковский царствовал — и все твердили в слух...». Эпиграмма дошла до нас в копиях. *Тимковский, Красовский и Бируков* — петербургские цензоры.

Графу Олизару («Певец! издревле меж собою...»). Черновой набросок.

Граф Олизар Густав (1798—1865) — поляк, в 1823 г. сватался за Марию Раевскую, но получил отказ, писал стихи.

Из письма к Плетневу («Ты издал дядю моего...»). Из черновика письма Плетневу, написанного в октябре 1824 г.

«Как жениться задумал царский арап...». Черновой незаконченный набросок. Стихи написаны в духе народных песен; они основаны на преданиях об Абраме Ганнибале, легших позднее в основу сюжета «Арапа Петра Великого».

«Т — прав, когда так верно вас...». При жизни Пушкина не печаталось.

Т — вероятно, поэт В. И. Туманский. Впрочем, стихотворение его, где было бы сравнение с радугой, нам неизвестно, равно как неизвестно, к кому обращено данное стихотворение.

«Мне жаль великия жены...». Необработанный сатирический набросок о Екатерине II.

«*Мы Прагой ей одолжены*». — Прага — предместье Варшавы, взятое русскими войсками под командованием А. В. Суворова в 1794 году.

Делинь — австрийский дипломат, приезжавший в Россию.

«Пока супруг тебя, красавицу младую...». Необработанный отрывок неизвестного замысла Пушкина.

«Охотник до журнальной драки...». Налечатано в сборнике 1826 г. Эпиграмма направлена против Каченовского.

«Лихой товарищ наших дедов...». При жизни Пушкина не печаталось.

«Презрев и голос укоризны...». Черновой набросок. Стихотворение посвящено планам бегства из Михайловского, обсуждавшимся с братом.

К Сабурову («Сабуров, ты оклеветал...»). Черновой набросок.

Сабуров Я. И.— лейб-гусар, с которым Пушкин познакомился еще в Лицее и встречался в Кишиневе и Одессе. Ср. стихотворения «В альбом» («Пройдет любовь, умрут желанья...»; 1817), «Я сам в себе уверен...» (1813—1817).

Младенцу. Черновой набросок.

«Лизе страшно полюбить...». При жизни Пушкина не печаталось.

Из письма к Родзянке («Прости, украинский мудрец...»). См. письмо к А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 г.

Послание к Л. Пушкину («Что же? будет ли вино?»). Беловой текст этого послания до нас не дошел. Пять стихов Пушкин привел в примечании 25 к «Евгению Онегину». Остальное сохранилось в черновике.

«С перегородкою коморки...». Необработанный набросок.

Отрывки.

Как узник.— «Шильонский узник».

1825

Сожженное письмо. Напечатано среди элегий сборника 1826 г.

«Сказали раз царю, что наконец...». Эпиграмма распространялась в списках. Пушкин имеет в виду эпизод на обеде, данном в Тульчине 1 октября 1823 г. после смотра войск Александром I. Перед выходом к столу Александр получил письмо Шатобриана (в то время министра иностранных дел Франции) об аресте Риго. Об этом Александр сообщил присутствовавшим на обеде, Воронцов при этом сказал: «Какое счастливое известие, ваше величество». Присутствовавший на обеде Басаргин (декабрист) прибавляет: «Эта выходка так была неуместна, что ответом этим он много потерял тогда в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Риго, жестоко было радоваться этому известию». Риго был казнен 26 октября (7 ноября) в Мадриде.

Приятелям. Напечатано в «Московском телеграфе», 1825 г., № 3, под произвольным названием, данным стихотворению Вяземским: «Журнальным приятелям».

«Напрасно ахнула Европа...». При жизни Пушкина не печаталось. Альманах «Полярная звезда» на 1825 год, уже от-
12. А. С. Пушкин. т. 2.

печатанный, погиб во время петербургского наводнения 7 ноября 1824 г. Однако его отпечатали еще раз, и он вышел с опозданием, 21 марта 1825 г.

О да его сият. г.р. Д.м. И.в. Хвостову. Сохранилась в рукописи Пушкина. Написана, вероятно, в марте. Ода пародирует архаические стихи Хвостова, попутно задевая и тех, кто увлекся стилем старых од (Кюхельбекер и др.).

«Жив, жив Курилка!». При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма направлена против Каченовского.

Козлову («Певец! когда перед тобой...»). Напечатано в сборнике 1826 г. Написано 15 мая 1825 г.

И. И. Козлов приобрел известность поэта, после того как он ослеп. Его поэма «Чернец» вышла в свет в 1825 году.

Желание славы. Напечатано в «Соревнователе просвещения», 1825 г., № 6.

Ех ungue leonem. Напечатано в «Московском телеграфе», 1825 г., № 13.

По поводу стихотворения «Прятелям», напечатанного за подписью А. П., А. Е. Измайлов напечатал анонимную заметку в «Благонамеренном», где говорил: «Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти!» Этим и вызвана настоящая эпиграмма. См. письмо Вяземскому от начала июля 1825 г.

П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год. Вписано в альбом П. А. Осиповой с датой: «С. Михайловское. 25 июня 1825».

«Но и в дали, в краю чужом». — Намек на планы бегства.

«Храни меня, мой талисман...». При жизни Пушкина не печаталось.

Андрей Шенье. Напечатано с цензурными сокращениями в сборнике 1826 г.

Запрещенные цензурой стихи (от «Приветствую тебя, мое светило» до «И буря мрачная минет») распространились в 1826 г. в списках с произвольным заголовком «На 14 декабря». Стихи дошли до правительства, и началось длительное политическое дело, причем к допросу привлекли и Пушкина, разъяснившего, откуда эти стихи. Дело кончилось в Государственном совете в июле 1828 г. учреждением секретного полицейского надзора за Пушкиным.

Эпиграф — из стихотворения «Юная пленница» А. Шенье. Стихотворение это написано в тюрьме незадолго до смерти. Три первые строфы — обращение к Н. Н. Раевскому (см. письмо Плетневу от 19 июня 1825). В показании по делу об элегии «Андрей Шенье» Пушкин разъясняет, о каких исторических фактах говорится в монологе Шенье. При этом допущен анахронизм: перенесение тела Ж.-Ж. Руссо в Пантеон произошло после казни Шенье.

К Родзянке («Ты обещал о романтизме...»). При жизни Пушкина не печаталось. Стихи являются ответом Родзянке на

его письмо из Лубн от 10 мая 1825 г. с приписками А. П. Керн. В этом письме А. Г. Родзянко обещает писать о литературе, но основная тема — Анна Петровна Керн. Родзянко писал о ней: «Теперь вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем (мужем), снова пришло остывшее давно желание иметь законных детей, и я пропал». Ср. стихотворение 1824 г. «Прости, украинский мудрец».

Пирон (1689—1773) — французский поэт, драматург и сатирик, известный своими юношескими нескромными стихами.

К*** («Я помню чудное мгновенье...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1827 год.

Стихи были вручены Пушкиным Анне Петровне Керн 19 июля 1825 г. в день ее отъезда из Тригорского.

Керн А. П. (1800—1879) — племянница П. А. Осиповой; летом 1825 г. гостила в Тригорском и здесь постоянно встречалась с Пушкиным, а после отъезда была с ним в переписке. Впервые Пушкин встретился с ней в доме Олениных в 1819 г.

«Если жизнь тебя обманет...». Напечатано в «Московском телеграфе», 1825 г., № 17.

Стихотворение записано Пушкиным в альбом Евпраксии Вульф, дочери П. А. Осиповой.

Вакхическая песня. Напечатано в сборнике 1826 г.

Н. Н. («Примите «Невский альманах»...»). Напечатано в «Невском альманахе» на 1826 год.

В альманахе имена были частью обозначены иначе:

Вы тут найдете Полевого,
Василья Пушкина, ...кова
К... дальный ваш родня,

и т. д.

Эти зашифровки имен вызывали недоразумения. Так, Катерин под буквой «К» усмотрел свое имя.

Сафо. Напечатано в сборнике 1826 г.

Стихи не заимствованы из произведений Сафо. Пушкин имеет в виду любовь Сафо к Фаону.

«Цветы последние милей...». При жизни Пушкина не печаталось. Написано 16 октября 1825 г.

19 октября. Напечатано в «Северных цветах» на 1827 год, с заменой всех имен звездочками (см. письмо Бенкендорфу от 22 марта 1827 г.). Кроме того, по цензурным условиям пропущено восемь стихов, начиная с «Полней, полней! и, сердцем возгоря...».

В рукописи имеется несколько строф, отброшенных или замененных Пушкиным.

19 октября (1811 года) — день открытия Лицея. Эту годовщину лицеисты ежегодно справляли.

«Он не пришел, кудрявый наш певец». — Н. А. Корсаков. Он умер в Италии в 1820 г.

«*Чужих небес любовник беспокойный*».— Ф. Ф. Матюшкин (1799—1872), моряк. С 1817 по 1819 г. плавал к берегам Камчатки; с 1820 по 1824 г. принимал участие в экспедиции для описания берегов Ледовитого океана; в августе 1825 г. отправился в кругосветное плавание.

«*На долгую разлуку...*».— Цитата из прощальной песни Дельвига, сочиненной по случаю окончания Лицея:

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, съединила нас.

«*О Пушкин мой, ты первый посетил*».— Пушкин был в Михайловском у Пушкина 11 января 1825 г.

«*Ты, Горчаков...*» — А. М. Горчаков виделся с Пушкиным в сентябре 1825 г., когда проездом он останавливался у своего родственника в селе Лямонове, недалеко от Михайловского.

«*О Дельвиг мой...*».— А. Дельвиг гостил у Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г.

«*Скажи, Вильгельм...*».— В. Кюхельбекер. В 1821—1822 гг. он служил на Кавказе.

Совет. Напечатано в «Невском альманахе» на 1826 год.

Движение. Напечатано в альманахе «Урания» на 1826 год.

Мудрец брадатый — греческий философ Зенон.

«*Другой смолчал...*». — Диоген.

Соловей и кукушка. Напечатано вместе с предыдущим.

Дружба. Напечатано в альманахе «Урания» на 1826 год.

«*Всё в жертву памяти твоей...*». При жизни Пушкина не печаталось.

Сцена из Фауста. Напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 8. Эта сцена совершенно оригинальна и не имеет соответствия никакому отрывку из «Фауста» Гёте.

Модная болезнь.— По распространенному, хотя и неточному мнению, сифилис был завезен в Европу из Америки в 1493 г. Легенда о Фаусте относится ко второй половине XV в., то есть к тому же времени.

Зимний вечер. Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год.

Моя старушка — няня Пушкина Арина Родионовна.

«*В крови горит огонь желанья...*». Напечатано в «Московском вестнике», 1829 г., ч. 1. См. следующее стихотворение.

«*Вертоград моей сестры...*». Напечатано вместе с предыдущим под общим заголовком «Подражания». Пушкин не указал на источник из цензурных соображений. Оба стихотворения написаны на темы библейской «Песни песней». Первое — гл. I, ст. 1—2; второе — гл. IV, ст. 12—14.

Буря. Напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 2.

«*Люблю ваш сумрак неизвестный...*». Напечатано в «Московском телеграфе», 1826 г., № 1. Включено Пушкиным

в издание «Стихотворений» 1829 г., с датой «1822». Дата, поставленная Пушкиным, объясняется тем, что стихотворение представляет собой переработку отрывка из «Тавриды» 1822 г. Однако, переработав эти стихи, Пушкин придал им новый смысл, характерный для его настроения 1825, а не 1822 г.

Прозанк и поэт. Напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 4.

«Хотя стишки на именины...». При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи обращены к Анне Н. Вульф, дочери П. А. Осиповой. Анна по-еврейски значит «благодать».

«Что с тобой, скажи мне, братец...». Черновой набросок.

С португальского («Там звезда зари взошла...»). При жизни Пушкина не печаталось. Вольный перевод стихотворения «Воспоминания». Его автор — Т. А. Гонзага (1744—1807), бразильский поэт, автор любовных стихов, в которых он воспевал Марилью (М. Ж. Сейшаш).

Начало I песни «Девственницы». При жизни Пушкина не печаталось.

Довольно близкий перевод начальных стихов «Девственницы» Вольтера.

«О ты, певец сей чудотворной девы» — Шаплен, автор поэмы об Иоанне д'Арк, осмеянный в сатирах Буало.

«Твое соседство нам опасно...». Черновой набросок.
«Опасный сосед» — поэма В. Л. Пушкина.

«Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...». При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма направлена против поэта Федора Глинки, писавшего стихотворные «Псалмы».

Кутейкин — из «Недоросля» Фонвизина. Глинка был гвардейским полковником.

Ижица — последняя буква старого алфавита.

«Quand au front du convive, au beau sein de Délie...» Черновой набросок. Ср. следующее стихотворение.

«Лишь розы увядают...». Черновой набросок. Стихи на ту же тему, что и предыдущие французские.

Наброски к замыслу о Фаусте. Черновые наброски неосуществленного замысла драмы о Фаусте в аду.

«Я был свидетелем златой твоей весны...». Черновой набросок.

«Семейственной любви и нежной дружбы ради...». Из приписки в письме брату от 7 апреля 1825 г., адресованной О. С. Пушкиной.

«Блестит луна, недвижно море спит...». Черновой набросок какого-то замысла восточной сказки. Имя Меззур встречается в сказках «Тысяча и одной ночи» в качестве имени

начальника евнухов во дворце калифа Гарун-аль-Рашида (см. «Историю трех календеров»).

«Заступники кнута и плети...». Черновой, едва разборчивый набросок. Связан с той «опекой», которую проявили друзья поэта Плетнев, Вяземский и Жуковский, узнавшие о попытке Пушкина бежать из Михайловского и помешавшие осуществлению его замысла. Пушкин иронически благодарит друзей за те истязания, которым он может подвергнуться со стороны царской политической полиции, во власти которой он благодаря друзьям остался.

«Словесность русская больна...». Черновой набросок.

«На небесах печальная луна...». Черновой набросок.

Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любознатель...»). Приписка к письму от сентября 1825 г. В письме примечание: «Variante: Василий Львович тонкий, острый».

Ср. «Элегию на смерть Анны Львовны».

Из письма к Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной...»). Из письма, датированного около 7 ноября 1825 г.

Пушкин отвечал на письмо Вяземского от 16 октября, начинавшееся стихами:

Ты сам Хвостова подражатель,
Красот его любостыжатель,
Вот мой, его, твой, наш навоз...

«Отца зубастых голубей». — В «притче» (басне) «Два голубя» Хвостова имеется стих:

Кой-как разгрыз зубами узелки.

Эта басня часто подвергалась осмеянию.

«Брови царь нахмуря...». Стихи, сообщенные Пушкиным Дельвигу в письме от октября — ноября 1825 г., как «приращение к куплетам Эристова». Что такое эти куплеты, в точности неизвестно.

«От многоречия отрекшись добровольно...». Стихи написаны Пушкиным на полях так называемой Тетради Всеволожского (рукописи собрания стихотворений Пушкина, изготовленной в 1819 году и оставленной Всеволожскому), полученной Пушкиным в Михайловском в 1825 г. и обрабатывавшейся для сборника 1826 г.

Из Вольтера («Короче дни, а ночи доле...»). Черновые наброски отрывков из сказки Вольтера «Что нравится женщинам».

«Под каким созвездием...». Отрывок неоконченного стихотворения.

Анне Н. Вульф («Увы! напрасно деве гордой...»). По свидетельству А. П. Керн, эти стихи были написаны для альбома А. Вульф, причем Пушкин «два последние стиха означил точками».

Отрывки.

«Играй, прелестное дитя...», «Смеетесь вы...», «Он вежлив был...», «Скажи мне, ночь...», Кюхельбекеру — наброски в черновых тетрадах.

«Как широко...» — См. письмо А. Н. Вульффу от конца августа и 10 октября 1825 г.

«В пещере тайной, в день гоненья...» — Ср. набросок 1824 г. «Приют любви, он вечно полн».

1826

К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей...»). Напечатано в «Московском вестнике», 1829 г., ч. 1.

Чухоночка — поэма Баратынского «Эда».

Твой воил — Булгарин, напечатавший в «Северной пчеле» (1826 г., № 20, 16 февраля) рецензию, в которой находил поэму «прозанческой и вялой», а стихи «не отличными».

К Зине («Вот, Зина, вам совет: играйте...»). При жизни Пушкина не печаталось. Вписано в альбом Евпраксии Н. Вульф, дочери П. А. Осиповой, 1 июля 1826 г.

Из Аристово «Orlando Furioso». При жизни Пушкина не печаталось. Свободное переложение итальянского оригинала, без соблюдения его стихотворной формы (октава).

«Под небом голубым страны своей родной...». Напечатано в «Северных цветах» на 1828 год. В издании «Стихотворений» 1829 г. датировано 1825 годом. В рукописи имеет дату «29 июля 1826». Под стихотворением в рукописи — сокращенные записи о смерти Ризнич, а также о смерти декабристов (см. т. IX. «Дневники»).

Стихи вызваны известием о смерти Амалии Ризнич (1803—1825), итальянке, жене триестского коммерсанта, умершей во Флоренции, куда она уехала из Одессы в мае 1824 г.

К Вяземскому («Так море, древний душегубец...»). Сообщено Пушкиным Вяземскому в письме от 14 августа 1826 г. в ответ на его стихотворение «Море». Ср. письмо А. И. Тургеневу от 16 января 1837 г.

Стихи вызваны слухами о том, что Николай Ив. Тургенев, обвиненный по делу декабристов, арестован в Лондоне и привезен на корабле в Петербург. Слух этот оказался неверным.

К Языкову («Языков, кто тебе внушил...»). Напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 9. Написано 28 августа 1826.

Ответ на послание Н. М. Языкова «О ты, чья дружба мне дороже».

Песни о Стеньке Разине. При жизни Пушкина не печатались, так как были запрещены цензурой.

Признание. При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи обращены к А. И. Осиповой — падчерице П. А. Осиповой.

Пророк. Напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 3. Написано 8 сентября 1826. Взяв в основу стихотворения отдельные мотивы VI главы библейской книги пророка Исаии, Пушкин далеко уходит от библейского сюжета, изображая индифферентно пророческое назначение поэта. Имеются сведения, что «Пророк» входил в цикл стихотворений политического характера, но остальные стихотворения этого цикла до нас не дошли.

К. А. Тимашевой. Напечатано в альманахе «Радуга» на 1830 год. Писано в Москве 20 октября 1826.

Стихотворение написано в альбом московской поэтессы Екат. Ал. Тимашевой (1798—1881).

Запретная роза — прозвище, данное племяннице Тимашевой — Е. П. Лобановой-Ростовской. *Соперницей* Тимашева названа потому, что ее судьба походила на судьбу ее племянницы. Браки обеих были неудачны.

И. И. Пушкину («Мой первый друг, мой друг бесценный!»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 13 декабря 1826, во Пскове.

Стихотворение было переслано Пушкину в Сибирь на каторгу вместе с посланием декабристам «Во глубине сибирских руд».

Для первой строфы этого стихотворения Пушкин взял без изменений 5 первых стихов неоконченного послания Пушкину, писанного еще в 1825 г.

Стансы («В надежде славы и добра...»). Напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 1.

Пушкин рассматривал это стихотворение как план прогрессивной политики, которую должен был, по его мнению, проводить Николай I. В последнем стихе выражалось пожелание о возвращении декабристов из Сибири. Однако в близких Пушкину кругах эти стансы были поняты как измена прежним убеждениям и форма лести. Такое понимание стихов заставило его написать стихотворение «Друзьям» (1828).

Долгорукий — князь Я. Ф. Долгоруков (1640—1730), видный деятель петровского времени. Пушкин имеет в виду предание о том, будто Я. Ф. Долгоруков в присутствии сенаторов разорвал несправедливый, по его мнению, указ Петра I, а тот на другой день публично признал его правоту.

Ответ Ф. Т*** («Нет, не черкешенка она...»). Напечатано в первой части «Стихотворений», 1829 г.

В стихотворении Пушкин пишет о С. Ф. Пушкиной (1806—1862). Пушкин за нее сватался, но получил отказ.

К кому обращено стихотворение, не установлено (может быть, к Ф. Толстому).

Зимняя дорога. Напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 4.

«В еврейской хижине лампада...». При жизни Пушкина не печаталось. Стихи не окончательно обработаны. Это начало неосуществленного замысла, о котором писал в своем дневнике Ф. Малевский. На вечере у Ксенофонта Полевого 19 февраля 1827 г. Пушкин говорил о своем замысле на тему «Вечного жида»: «В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек

говорит матери: "Не плачь. Не смерть, а жизнь ужасна. Я странствующий жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался". При нем умирает стодвадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение Римской империи».

К** («Ты богоматерь, нет сомненья...»). При жизни Пушкина не печаталось.

Из письма к Великопольскому («С тобой мне вновь считаться довелось...»). Из письма от 3 июня 1826 г.

«Едва уста красноречивы...». Текст стихотворения сохранился не полностью. При жизни Пушкина не печаталось. Возможно, что стихи вызваны приездом Языкова к Пушкину в Михайловское.

«Будь подобен полной чаше...». Черновые куплеты, вероятно, предназначавшиеся для какой-нибудь пьесы.

Няне («Подруга дней моих суровых...»). Неоконченный отрывок. Стихи обращены к Арине Родионовне.

Из письма к Соболевскому. Из письма от 9 ноября 1826 г. Пушкин описывает путь от Москвы до Новгорода.

Отрывки.

«Восстань, восстань, пророк России...». — По свидетельству Погодина, стихотворение «Пророк» было одним из цикла стихотворений, но остальные стихотворения цикла были резко политического содержания. По памяти Погодин сообщил одно четверостишие из недошедших текстов, обозначив в последнем стихе два слова одними первыми буквами: «у. г.». Слова эти расшифровываются по догадке.

«И я бы мог, как шут...» — строка над рисунком повешенных декабристов.

*Стихотворения, точная дата которых
не установлена*

1824—1826

«Там на берегу, где дремлет лес священный...». Отрывок, в котором говорится об оливковой роще («священный лес») на берегу моря, по-видимому, в Гурзуфе.

На трагедию гр. Хвостова. Стихи сообщены Вяземским А. И. Тургеневу 15 сентября 1824 г. в качестве «одесского гостинца». Эти слова можно понимать только как указание на принадлежность стихов Пушкину, находившемуся до 31 июля 1824 г. в Одессе. Трагедия Хвостова — его перевод «Андромахи» Расина. Портрет Колосовой в роли Гермионы приложен к изданию 1821 г.

«Нет ни в чем вам благодати...». Напечатано в альманахе «Уrania» на 1826 год и включено в издание «Стихотворений» 1829 г. без даты.

«О муза пламенной сатиры!». Стихотворение сохранилось в списках, из которых самый ранний датирован 1 августа 1825 г. С. Соболевский писал, сообщая эти стихи: «Пушкин хотел издать особую книжку эпиграмм и приготовил для оной сообщаемое ныне предисловие».

На Александра I («Воспитанный под барабаном...»). Сохранилось в списках.

«Что-то грезит Баратынский...». Отрывок, сообщенный П. В. Анненковым со следующим примечанием: «Н. Ф. Щербина помнит, что Лев Пушкин прочел ему раз за столом стихи на С. Пере и Шамбертеня очень милые и обращение к друзьям, где находилось двоестишие: Что-то грезит и т. д.».

1827

«Во глубине сибирских руд...». Стихотворение распространено в списках. Пушкин передал его А. Г. Муравьевой, отъезжавшей из Москвы к мужу на каторгу в начале января 1827 г.

Известен стихотворный ответ А. Одоевского на послание Пушкина:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей.
И радостно вздохнут народы.

Соловей и роза. Напечатано в альманахе «Литературный музей» на 1827 год.

Эпиграмма. (Из антологии) («Лук звенит, стрела трещет...»). Напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 6.

Эпиграмма вызвана тем, что А. Н. Муравьев, писатель и посредственный поэт, однажды на вечере у Зинаиды Волконской отломал руку у гипсовой статуи Аполлона и здесь же написал на статуе стихи, где, между прочим, уверял, что «хотел померяться» с Аполлоном.

«Есть роза дивная: она...». При жизни Пушкина не печаталось. В рукописи помечено: «1 апреля 1827, Москва».

Ек. Н. Ушаковой («Когда, бывало, в старину...»). При

жизни Пушкина не печаталось. Написано в альбом Ушаковой 3 апреля 1827 г.

Ек. Ник. Ушакова (1809—1872) — знакомая Пушкина. Дом Ушаковых в Москве Пушкин часто посещал в 1827 году.

Княгине Э. А. Волконской («Среди рассеянной Москвы...»). Напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 10. Написано 6 мая 1827 г.

Двойной венок.— Э. Волконская была поэтессой и певицей.

Каталани Анджелика — знаменитая итальянская певица; в один из приездов в Россию она с большим интересом слушала пение цыган.

Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас...»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 16 мая 1827 г., перед отъездом Пушкина из Москвы в Петербург.

Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной...»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 18 июня 1827 г. в Петербурге.

Арион. Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 43, 30 июля, без подписи. Написано 16 июля 1827 г.

Пушкин далеко отступил от традиционной формы мифа об Арионе, чудесно спасенном дельфином. Имя Ариона понадобилось ему, чтобы прикрыть истинный смысл стихотворения, рисуя судьбу друзей-декабристов и самого поэта.

Мордвинову («Под хладом старости угрюмо угасал...»). При жизни Пушкина не печаталось. По положению в рукописи датируется июлем 1827 г. В рукописи заглавия не имеет.

Мординов Николай Семенович (1754—1845) — государственный деятель, с 1810 г. член Государственного совета. Мординов выступал по разным вопросам со своими «мнениями», свидетельствами о независимости его мыслей. Эти «мнения» создали популярность Мординову в передовых кругах, и декабристы намечали его, в случае удачного переворота, в члены временного правительства наряду со Сперанским и Ермоловым. Обратило на себя внимание и твердое поведение Мординова во время процесса декабристов. В записке, поданной Николаю I 22 декабря 1825 г., он, повторяя заявления, сделанные им ранее, настаивал на отмене смертной казни государственным преступникам, хотя о декабристах в названной записке он сказать прямо не решился. Под смертным приговором декабристам Мординов не подписался.

«Петров тебя любил».— В 1796 г. В. Петров (1736—1799) написал оду Н. С. Мордвинову. Там говорилось:

Природный разум твой, твой нрав, твои науки,
Твоя к отечеству любовь,
Мординов! по тебе суть верные поруки,
Что вся твоя нам жертва кровь.

Ангел.— Напечатано в «Северных цветах» на 1828 год.

«Какая ночь! Мороз трескучий...». Неоконченное стихотворение об опричнике («кромешнике») и массовых казнях

при Иване IV периода опричнины, описанных в «Истории» Карамзина.

Кипренскому («Любимец моды легкокрылой...»). При жизни Пушкина не печаталось. О. А. Кипренский написал в 1827 году известный портрет Пушкина и хотел взять этот портрет с собою за границу, где устраивал выставку своих произведений.

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной. При жизни Пушкина не печаталось. Написано в альбом Е. Н. Карамзиной, дочери историка, 14 ноября 1827 г. В черновой рукописи дата: «31 июля, Михайловское».

Акафист — хвалебное песнопение в честь какого-нибудь святого.

Поэт («Пока не требует поэта...»). Напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 23. Написано 15 августа 1827 г. в Михайловском.

«Близ мест, где царствует Венеция златая...». Напечатано в «Невском альманахе» на 1828 год. Написано 17 сентября 1827 года.

Перевод стихотворения Андре Шенье, опубликованного в 1827 г.

Веспер — вечерняя звезда, Венера.

Ринальд, Годфред, Эрминия — герои «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо; октавы этой поэмы пели венецианские гондольеры еще в XVIII в., в народной переложке.

Из *Alfieri* («Сомнение, страх, порочную надежду...»). При жизни Пушкина не печаталось. Перевод начального монолога Изабеллы в первой сцене первого действия трагедии Альфиери «Филипп» (1781).

Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1828 год, под заглавием «Череп». Написано в июле 1827 г.

Будущий — попутчик, которого вписывали в «подорожную» (документ для проезда в почтовом экипаже) без указания имени, с тем, что приобретающий подорожную подыщет его позднее.

«*Певцу Корсара подражай*». — Байрон написал стихотворение «Надпись на кубке из черепа».

«*Или как Гамлет-Баратынский*». — Стихотворение Баратынского «Череп».

«Всем красны боярские конюшни...». Неоконченное стихотворение, не окончательно обработанное. Один из первых опытов в народном духе.

Сюжет этого стихотворения Пушкин сообщил поэту крестьянину Слепушкину, и тот написал стихотворение «Конь и домовой».

«Блажен в златом кругу вельмож...». Недоработанный отрывок.

«В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера...». Недоработанный отрывок. Описание пещеры очень близко к стихам Овидия в «Метаморфозах», где излагается

миф о Диане и Актеоне. Однако Пушкин перенес действие из Гаргафии в Карию, с которой связан миф об Эндимионе, любовнике Дианы.

19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...»). Напечатано в «Славянине», 1830 г., № 13.

Последний стих обращен к декабристам, товарищам по Лицью, отбывавшим наказание в Сибири на каторге (Пушкин) и в Динабургской крепости (Кюхельбекер).

Талисман. Напечатано в «Альбоме северных муз» на 1828 год. Написано 6 ноября 1827 г., ночью.

Ср. стихотворение «Храни меня, мой талисман».

В альбом Павлу Вяземскому. При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи написаны в детский альбом Павла Вяземского, семилетнего сына П. А. Вяземского.

«Весна, весна, пора любви...». Черновой набросок. Позднее Пушкин переработал его в строфу «Евгения Онегина» (гл. VII, строфа 2).

«О ты, который сочетал...». Необработанный набросок. Предполагали, что стихи относятся к П. А. Вяземскому; более вероятно предположение, что Пушкин имел в виду Е. А. Баратынского.

«Я знаю край: там на берега...». Неоконченный отрывок.

«Сводня грустно за столом...». Черновое стихотворение, не предназначавшееся к печати.

Репутация г-на Беранжера. Стихотворение, не предназначавшееся к печати.

Стихи направлены против бонапартистской песни, которую Пушкин приписывал Беранже, но которая в действительности принадлежит поэту Дебро.

«Символы верности любя...». Отрывочные строки неизвестного стихотворения.

1828

Друзьям («Нет, я не льстец...»). См. выше примечание к стихотворению «Стансы» («В надежде славы и добра...»). «Хвалы» Николаю I, высказанные в первых пяти строфах стихотворения, носят скрыто иронический характер: ближайшие друзья Пушкина не могли не знать, что в первые же месяцы после его возвращения из ссылки царь «почтил вдохновенье» поэта тем, что запретил «Песни о Стеньке Разине» и трагедию «Борис Годунов», посоветовав автору переделать ее «в историческую повесть или роман, наподобие Вальтера Скотта»; в то же время было начато следствие по делу о «возмутительном» стихотворении «Андрей Шенья», закончившееся установлением над Пушкиным негласного надзора полиции, который должен был дополнять и усиливать ранее уч-

режденную царем жандармскую слежку за всем поведением поэта. В последних трех строфах Пушкин почти открыто обвиняет царя в том, что он окружил себя рабами и льстецами, восхваляющими его антинародную политику расправ и подавления просвещения. Николай I печатать стихотворение запретил.

Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатир на игроков» («Так элегическую лиру...»). Напечатано в «Северной пчеле», 1828 г., № 30, 10 марта.

В сатире И. Е. Великопольского «К Эрасту» (вышла в свет в феврале 1828 г.) изображался Арист, который в одну ночь проиграл все свое состояние, погубил честь и лишился рассудка. Между тем сам Великопольский любил крупную игру; так, играя с Пушкиным, он проиграл ему большую сумму.

В ответ на данное стихотворение Великопольский написал сатирическое послание Пушкину, вспоминая проигрыши поэта. В частности, он писал:

Глава «Онегина» вторая
Съезжала скромно на тузе.

Послание это не было напечатано, так как Пушкин возражал против его опубликования, что послужило причиной размолвки Пушкина и Великопольского. См. письмо Великопольскому от конца марта 1828 г.

«Сто лет минуло, как тевтон...». Напечатано в «Московском вестнике», 1829 г., ч. I, под заглавием «Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод». Написано в марте 1828 г.

Поэма Мицкевича вышла в свет (на польском языке) в Петербурге в 1828 г.

«Кто знает край, где небо блещет...». При жизни Пушкина не печаталось.

По свидетельству П. В. Анненкова, речь идет о Марии Александровне Мусиной-Пушкиной (1801—1853). Вернувшись из поездки в Италию, она «капризничала и раз спросила себе клюквы в большом собрании. Пушкин хотел написать стихи на эту прихоть и начал списанием Италии «Кто знает край». Но клюква, как противоположность, была или забыта, или брошена». Описание Италии из давнего стихотворения перенесено в стихотворение «Когда порой воспоминанье», где Италии противопоставлена картина севера.

Первый эпиграф — из песенки Миньоны (в романе «Вильгельм Мейстер» Гете).

В. С. Филимонову. При получении поэмы его «Дурацкий колпак». При жизни Пушкина не печаталось.

Вл. С. Филимонов (1787—1858) издал в 1828 г. две части шуточной поэмы «Дурацкий колпак» и прислал их Пушкину со следующей посвянительной надписью:

А. С. Пушкину

Вы в мире славою гремите;
Поэт! в лавровом вы венке.

Певцу безвестному простите:
Я к вам являюсь — в колпаке.

СПб. Марта 22, 1828

Ответом на это посвящение и является послание Пушкина. «И в откровенном разговоре». — Поэма Филимонова состоит из шести главок, в которых даны картинки быта, перемежаемые скептическими замечаниями.

To Dawe, es q' («Зачем твой дивный карандаш...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год. Написано 9 мая 1828 г. на пароходе при поездке в Кронштадт.

Доу Дж. — художник, автор портретов галереи 1812 г. в Зимнем дворце. В 1828 г. он ехал в Англию и встретился с Пушкиным на пароходе, шедшем до Кронштадта. Нарисованный им портрет Пушкина неизвестен.

Оленина. — См. «Ты и вы».

Воспоминание. Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год. Написано 19 мая 1828 г. В черновой рукописи имеется продолжение, оставшееся недоработанным:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносит холодный свет
Неотразимые обиды.
Я слышу вокруг меня жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шопот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака молодые,
Две тени милые, — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

В безумстве гибельной свободы — речь идет о порывах своеволия, в которых поэт забывал о своем высоком предназначении и которые потом были ему тяжелы, «как смутное похмелье» (см. стихотворение Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»)).

Две тени милые — кто здесь имеется в виду, не установлено.

Ты и вы. Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год. Написано 23 мая 1828 г.

В 1828 г. Пушкин увлекался дочерью президента Академии художеств Анной Алексеевной Олениной (1808—1888) и даже сватался за нее, но затем сам отказался от брака. О поводе к стихотворению говорит запись самой Олениной: «Анна Алексеевна

Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье он привез эти стихи».

«Дар напрасный, дар случайный...». Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год.

26 мая — день рождения Пушкина. См. стихотворение «В часы забав иль праздной скуки».

И. В. Слёнину («Я не люблю альбомов модных...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год.

Слёнин — петербургский издатель и книгопродавец.

«Еще дуют холодные ветры...». При жизни Пушкина не печаталось. Черновой необработанный набросок.

«Кобылица молодая...». Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год под заглавием «Подражание Анакреону». Является подражанием оде «К фракийской кобылице».

Ее глаза. Без разрешения Пушкина напечатано в альманахе «Северная звезда» на 1829 год, что вызвало протест поэта (см. т. VI, «О публикации Бестужева-Волина...»). В печати имя Олениной заменено условным именем Элодии.

Стихи являются ответом на стихотворение Вяземского «Черные очи», где воспевались глаза А. О. Россет. Здесь Пушкин пишет о глазах Анны Олениной. Список в альбоме Олениной даст первоначальное чтение второго стиха «Твоя Россети егоза».

«Не пой, красавица, при мне...». Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год. Написано 12 июня 1828 г.

Поводом к созданию стихотворения послужила случайно услышанная Пушкиным грузинская мелодия, которую Грибоедов сообщил Глинке. В рукописи после первой строфы было:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.

В этих стихах Пушкин вспоминал о своем пребывании летом 1820 года вместе с семейством Н. Н. Раевского на Северном Кавказе. Некоторые исследователи полагают, что образ «далекой, бедной девы» навеян личностью и судьбой М. Н. Раевской, вышедшей в 1824 году замуж за декабриста С. Г. Волконского и последовавшей за ним в Сибирь на каторгу.

К Языкову («К тебе собирался я давно...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год. Написано 14 июня 1828 г.

Немецкий град — Дерпт, ныне Тарту.

Киселев. — См. «Н. Д. Киселеву».

Портрет. Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год.

В стихотворении дана характеристика гр. А. Ф. Закревской. См. следующее стихотворение.

Наперсник. Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год. Писано 12 августа 1828 г. В рукописи имеет продолжение (см. «Счастлив, кто избран своенравно...»).

Предполагают, что Пушкин имел в виду Аграфену Фед. Закревскую (1799—1879), жену А. А. Закревского, финляндского генерал-губернатора, а с 1828 г. министра внутренних дел. А. Закревская отличалась свободным поведением и бурным темпераментом.

«Счастлив, кто избран своенравно...». При жизни Пушкина не печаталось. Возможно, что Пушкин написал данное стихотворение в качестве продолжения стихотворения «Наперсник».

Предчувствие. Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год.

Стихотворение написано в связи с делом о распространении стихов из «Андрея Шенье» и допросами о принадлежности Пушкину «Гавриилиады».

Утопленник. Напечатано в «Московском вестнике», 1829 г., № 1, с подзаголовком «Простонародная песня» (в оглавлении «Простонародная сказка»).

«Рифма, звучная подруга...». При жизни Пушкина не печаталось. На подобную же тему Пушкин в 1830 г. написал стихотворение «Рифма». По-видимому, мысль переделать стихотворение в гекзаметры возникла у Пушкина еще в 1828 г. К этому году относится запись среди черновиков: «Грустен бродил Аполлон с Олимпа...» (стих недописан).

«Ворон к ворону летит...». Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год. В издании «Стихотворений» 1829 г. в оглавлении имеет название «Шотландская песня».

Пушкин взял балладу из французского перевода (1826 г.) сборника шотландских баллад В. Скотта, но переложил только первую половину.

«Город пышный, город бедный...». Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год.

В стихотворении дана характеристика Петербурга. Последние строки относятся к А. А. Олениной.

19 октября 1828 («Усердно помолившись богу...»). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи вписаны в протокол празднования лицейской годовщины 1828 г. После празднования, в ночь на 20 октября, Пушкин выехал из Петербурга в Малинники (имение Вульф в Старицком уезде Тверской губернии).

«В прохладе сладостной фонтанов...». При жизни Пушкина не печаталось.

Стихотворение, по-видимому, обращено к Мицкевичу. Крымские сонеты Мицкевича, появившиеся в конце 1826 г. и переведенные на русский язык (прозой) Вяземским, привлекли общее внимание. Как о поэте Крыма Пушкин и говорит здесь о Мицкевиче. В последних стихах следует видеть указание на воспетую Мицкевичем Литву.

Анчар. Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год. Написано 9 ноября 1828 г. в Малинниках.

по настоянию Вяземского и Дельвига. См. письма Пушкина Дельвигу от середины ноября и от 26 ноября 1828 г.

Цветок. Напечатано в журнале «Галатея», 1829 г., № 2.

Поэт и толпа. Напечатано под названием «Чернь» в «Московском вестнике», 1829 г., ч. 1. Настоящее название стихотворению дано Пушкиным в 1836 г. при подготовке нового издания стихотворений, не вышедшего в свет.

Эпиграф — восклицание жреца из 6-й песни «Энеиды» Вергилия.

Стихотворение является ответом на требования дидактического морализма, какие предъявлялись Пушкину. В кругах, близких к правительству, было заметно стремление «направить» перо поэта для служения практическим целям и интересам, далеким от тех идеалов, какие ставил себе Пушкин в своем творчестве. Было бы ошибочно видеть в этом стихотворении проповедь так называемого «искусства для искусства». Этому противоречит все творчество Пушкина, взятое в целом.

«Каков я прежде был, таков и ныне я...». Напечатано в третьей части «Стихотворений» Пушкина 1832 г. с датой «1828». В оглавлении названо «Отрывок из Андрея Шенье». Однако из Андре Шенье взят только эпиграф, довольно точно повторенный в первом стихе; в остальном стихотворение Пушкина не имеет ничего общего с элегией Шенье.

Эпитафия младенцу. При жизни Пушкина не печаталось. Об этой эпитафии сообщает Мария Ник. Волконская: «В Чите я получила известие о смерти моего бедного Николая, моего первенца, оставленного в Петербурге. Пушкин прислал мне эпитафию, написанную на него». Николай, сын декабриста Волконского, родился в январе 1826 г. и при отъезде М. Волконской в Сибирь был оставлен у родителей ее, Раевских. Он умер двух лет в феврале 1828 г. М. Волконская узнала об этом только в начале 1829 г. В письме отцу от 11 мая 1829 г. она писала: «Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию на моего дорогого ангела, написанную для меня. Она прекрасна, сжата, но полна мыслей, за которыми слышится так много. Как же я должна быть благодарна автору!..»

Эпитафия высечена на камне над могилой Н. Волконского на кладбище Александро-Невской лавры.

«Увы! Язык любви болтливый...». Черновой набросок. Написан 9 мая 1828 г. одновременно со стихотворением «Зачем твой дивный карандаш».

Н. Д. Киселеву («Ищу в чужом краю здоровья и свободы...»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 14 июня 1828 г. Вписано Пушкиным в записную книжку Киселева. Там же Пушкин нарисовал свой портрет.

Ник. Дмитр. Киселев (1802—1869) — учился в Дерптском университете вместе с Языковым. В 1828 г. Киселев направлялся с дипломатическими поручениями в Вену и по дороге должен был остановиться в Карлсбаде.

Кирджали («В степях зеленых Буджака...»). Необработанное черновое начало неосуществленного замысла.

«Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...». При жизни Пушкина не печаталось.

Федоров Борис — мелкий журналист и поэт.

Альбомные стихи А. П. Керн. Шуточные записи Пушкина.

Рассказывая об одном из посещений Пушкина, А. П. Керн писала: «Пушкин много шутил. Во время этих шуток ему попался под руку мой альбом, совершенный слепок с того уездной барышни альбома, который описал Пушкин в «Онегине», и он стал в нем переводить французские стихи на русский язык и русские на французский.

«*Не смею вам стихи Баркова...*» — Приписка к стихам, вписанным в альбом Д. Н. Барковым, известным театралом того времени, бывшим в 1819 г. членом «Зеленой лампы». В приписке — намек на другого Баркова — поэта и переводчика XVIII в., известного своими фривольными стихами.

«*Когда стройна и светлоока...*» — Первые два стиха — начало стихотворения А. Подолинского «Портрет». По свидетельству П. Каратыгина, Пушкин пародировал Подолинского, применяя его стихи к А. Керн.

Последние две стиховорные шутки сохранились в одной из книг библиотеки Пушкина. Они написаны на свободном листке, и под ними рукой А. П. Керн приписано: «А. К. 19 октября 1828, С.-Петербург».

«Уродился я, бедный недоносок...» Неоконченный отрывок — обработка народной песни.

«Брадатый староста Авдей...». Неоконченный отрывок, возможно, на популярный сюжет об ученом попугае стихотворной сказки Грессе «Вернер», но применительно к русскому быту.

«За Netty сердцем я легаю...». Шуточное четверостишие, обращенное к Анне Ивановне Вульф, племяннице П. А. Осиповой. R и O — вероятно, Россет и Оленина. N W — Нетти Вульф.

«Как быстро в поле, вкруг открытом...». Необработанный набросок.

«Лищинский окошел — отечеству беда!». Рукописная эпиграмма Пушкина, смысл которой неясен.

«Покойник, автор сухошавый...». Набросок эпиграммы.

Отрывки.

«Но вы во мне почтили годы...» — Строка, связанная с неосуществленным замыслом, от которого сохранился черновой план:

Юноша. Председатель пира, тебе и первая чара etc.

Старый поэт. Благодарю за живость — вы почитаете во мне старость, а не гений — он угас.

Юноша. Мы почитаем в тебе твою славу.

Старый поэт. Что слава? Я ею наслаждался, но она прошла.

Другие времена, другие вдохновенья, другой поэт.

Первый. Спой нам что-нибудь.
Старый поэт. Что я вам буду петь?

Возможно, что к этому замыслу относится и запись «Пир пэтов».

1829

Е. Л. Ушаковой («Вы избалованы природой...»). Напечатано в журнале «Галатея», 1829 г., № 5. Написано в январе 1829 г.

Стихи обращены к Елизавете Ник. Ушаковой (1810—1872); сестре Екатерины Николаевны.

Пресненское поле.— Дом Ушаковых находился на Пресне, тогда еще не застроенной.

Е. П. Полторацкой («Когда помилует нас бог...»). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи обращены к младшей сестре А. П. Керн. В своих воспоминаниях Керн писала: «Он раз пришел ко мне и, застав меня за письмом к меньшей сестре моей в Малороссию, приписал в нем: Когда помилует нас бог и т. д.»

«Подъезжая под Ижоры...». Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год, с датой «1828». Однако в списке стихотворений, составленном Пушкиным, эти стихи отнесены к 1829 г.

Стихотворение обращено к Ек. Вас. Вельяшевой, двоюродной сестре А. Н. Вульфа. Пушкин виделся с ней в Малинниках осенью 1828 г.

Приметы. Напечатано в альманахе «Подснежник» в апреле 1829 г.

Рассказывая Е. П. Полторацкой об этом стихотворении, А. П. Керн пишет: «Несколько дней спустя он приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), нагисал на какой-то записке: Я ехал к вам и т. д. Писавши эти стихи и напевая их своим звучным голосом, он при стихе:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло,

заметил, смеясь:— Разумеется, с левой, потому что ехал обратно».

Литературное известие. Напечатано в альманахе «Подснежник» 1829 г. Звездочки, по числу слогов, означают: «Михайло Каченовский».

В эпиграмме высмеивается «Вестник Европы», журнал М. Каченовского, за его отсталые мнения и отсталый тон. Действие перенесено в царство мертвых (*Элизий*).

Поповский Н. Н. (1730—1760)—ученик Ломоносова, первый редактор «Московских ведомостей».

Елагин И. П. (1725—1794)—известен архаическим слогом своих переводов.

Курганов Н. Г. (1725—1796)—профессор математики и навигации, наименован Письмовником по названию самого популярного его произведения, представлявшего собой хрестоматию разнообразного содержания.

Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко...») Напечатано в «Московском вестнике», 1829 г., № 7.

Эпиграмма вызвана обстоятельствами, изложенными в статье Пушкина «Отрывок из литературных летописей» (см. т. VI).

«Поэт-игрок, о Беверлей-Горацый...». При жизни Пушкина не печаталось.

Эпиграмма вызвана ответом Великопольского на послание к нему Пушкина (см. примечание к этому стихотворению).

Беверлей — игрок, главное действующее лицо драмы Сорена «Беверлей».

Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский...»). Напечатано в «Московском телеграфе», 1829 г., № 8. В том же номере указана «опечатка», а именно, в 3-й строке снизу надо читать вместо «Вестник» — «Веник». Это указание сделано с целью усиления сатирического смысла эпиграммы.

Древний Кочерговский — Тредиаковский как переводчик «Истории» Роллена.

Вестник — «Вестник Европы», журнал, издававшийся Каченовским.

Прыскал ижицу... — В «Вестнике Европы» применялась своеобразная орфография слов греческого происхождения с употреблением буквы «ижица» и другими особенностями, вызвавшими насмешки.

«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?». Напечатано в альманахе «Царское Село» на 1830 год.

Стихотворение содержит характеристику творчества Дельвига.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Напечатано в «Северных цветах» на 1831 год. Написано в мае 1829 г., во время путешествия в Арзрум. В первоначальной редакции помечено 15 мая.

Калмычке. Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 38, 5 июля, с пометой: «22 мая 1829. Кап-Кой». *Кап-Кой* — старое название Владикавказа.

О поводе к созданию стихотворения см. «Путешествие в Арзрум» и примеч. к нему (т. VII).

Сен-Мар — роман А. де Виньи.

Ma dov'è — ария из итальянской оперы «Покинутая Дидона».

«Жил на свете рыцарь бедный...» При жизни Пушкина не печаталось. Под названием «Легенда» было послано Пушкиным Дельвигу для напечатания в «Северных цветах» под псевдонимом «А. Заборский», но не появилось там по цензурным причинам. В переделанном виде вошло в «Сцены из рыцарских времен».

Из Гафиза. («Не пленяйся бранной славой...»). Напечатано в альманахе «Царское Село» на 1830 год, с датой: «5 июля 1829. Лагерь при Евфрате». В рукописи имеет название: «Шеер I. Фаргат-Беку». «Шеер» по-татарски — полк. Очевидно, имеется в виду конный мусульманский полк в русской армии. Фаргат-Бек, по-видимому, служил в этом полку. Его портрет, кем-то зарисо-

ванный и подписанный Пушкиным, сохранился в альбоме Ел. Н. Ушаковой.

Ссылка из Гафиза, вероятно, не соответствует действительности, и стихотворение Пушкина является оригинальным, хотя и написано в духе персидского поэта Гафиза (XIV в.).

О л е г о в щ и т. Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год.

Стихотворение написано по поводу Адрианопольского мира 2 сентября 1829 г., закончившего русско-турецкую войну, когда русская армия подошла к самому Константинополю.

Воинственный варяг — Олег; о его походе на Византию в 907 году в летописи сказано: «повесил щит свой на воротах в знак победы и ушел от Царьграда».

«Как сатирой безымянной...». Напечатано в «Московском телеграфе», 1829 г., № 18.

В «Вестнике Европы», 1829 г., № 8, появилась статья о «Полтаве», подписанная «С Патриарших прудов». Статья была написана Н. Надеждиным. В ней говорилось о Пушкине: «Он ударился в язвительные стишонки и ругательства». Имелись в виду эпиграммы: «Журналами обиженный жестоко...» и «Там, где древний Кочерговский...». Настоящая эпиграмма является ответом на статью Надеждина.

«Счастливы ты в прелестных дурах...». Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год, под заглавием «К N. N.». *Saint-Priest* (Сен-При) — любитель карикатурист.

Нелединский-Мелецкий Ю. А. (1752—1829) — поэт сентиментального направления.

С а п о ж н и к. Напечатано в «Современнике», 1836, том 3. Стихотворение направлено против Н. Надеждина.

В рукописи эпитафия:

Но видно по всему, что он семинарист.

Дмитриев.

Это слегка измененный (у Дмитриева: «видно по стихам») стих из сцены, переведенной Дмитриевым из «Ученых женщин» Мольера.

В основу эпитафии положен рассказ Плиния Старшего в его книге «Естественная история» о греческом живописце Апеллесе.

Д о н. Напечатано в «Литературных прибавлениях к "Русско-му инвалиду"», 1831 г., № 83, 17 октября. См. примеч. к стихотворению «На холмах Грузии лежит ночная мгла».

Арпачай — пограничная река, разделявшая Россию и Турцию. Речь идет о возвращении на родину войск, принимавших участие в турецкой кампании 1829 г.

Д о р о ж н ы е ж а л о б ы. Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год. Написано 4 октября 1829 г.

«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...». Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год. Написано 2 ноября 1829 г. в имении П. И. Вульф, с. Павловском Тверской губернии, рядом с Малинниками.

З и м н е е у т р о. Напечатано в альманахе «Царское Село» на 1830 год. Написано 3 ноября 1829 г. в с. Павловском.

Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год, за подписью «Арз», то есть «арзамасец».

Свистов — Д. И. Хвостов.

Собеседник — член «Беседы любителей русского слова».

Эпиграмму принял на свой счет М. А. Бестужев-Рюмин (см. т. VI. «Альманашик» и примеч. к нему), напечатавший в «Северном Меркурии» за подписью «Ар. Э.» (т. е. Аристарх Заветный — псевдоним Бестужева-Рюмина) ответную эпиграмму, где говорится:

В нескладных ты своих стихах
Меня зовешь вторым Свистовым.

Однако более вероятно, что эпиграмма направлена против Надеждина, который с 1828 г. печатал в «Вестнике Европы» свои стихи. Их устарелый стиль и неуклюжие обороты заставили Пушкина счесть автора прямым наследником Д. И. Хвостова (Свистов).

Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год.

Эпиграмма направлена против Н. Надеждина. В первой части пересказывается переводная эпиграмма В. Л. Пушкина «Какой-то стихотвор».

«Я вас любил: любовь еще, быть может...». Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год.

«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...». Напечатано в «Московском вестнике», 1830 г., № 11, с датой: «23 декабря 1829».

Стихотворение связано с предполагавшейся поездкой за границу (см. письмо Бенкендорфу от 7 января 1830 г.). В конце говорится о Н. Н. Гончаровой; на сватовство Пушкина в 1829 г. был дан уклончивый ответ.

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 2, 6 января. Написано 26 декабря 1829 г.

Кавказ. Напечатано в «Литературной газете», 1831 г., № 1. Написано 20 сентября 1829 г.

В недошедшей до нас черновой рукописи было необработанное продолжение:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

Эти стихи не включены в окончательный текст вероятнее всего по цензурным соображениям.

Обвал. Напечатано в «Северных цветах» на 1831 год. Написано 29—30 октября 1829 г.

Ср. первую главу «Путешествия в Арзрум» (т. VII).

Делибаш. Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год. В рукописи помечено: «Саган-Лу». На горах Саган-Лу Пушкин был 13 июня 1829 г. Обработано стихотворение 7 сентября 1830 г.

Делибаш по-турецки буквально — отчаянная голова.

Монастырь на Казбеке. Напечатано в «Северных цветах» на 1831 год. В рукописи помечено «20 сентября».

О монастыре (старинная церковь Цминда Самеба) писал Пушкин в пятой главе «Путешествия в Арзрум» (т. VII).

Собрание насекомых. Напечатано в альманахе «Подснежник» в апреле 1830 г. и затем с примечанием (см. т. VI, «Собрание насекомых») перепечатано в «Литературной газете».

По-видимому, Пушкин рассчитывал на то, что можно подставить много имен под каждое имя, означенное звездочками. Во всяком случае, загадочность стихотворения входила в намерения Пушкина.

Два последних стиха в разных списках относились к Рюмину (Бестужеву-Рюмину), Тютчеву, «Борьке» (Федорову) и др. В печати с обидчивыми отзывами о стихотворении выступили Олин и Бестужев-Рюмин. В «Вестнике Европы» появилась пародия, в которой на место звездочек подставлены названия произведений Пушкина. В «Московском телеграфе» пародия за подписью «Обезьянин» метила во всех сотрудников «Литературной газеты» (ср. т. VI, «Опровержение на критики, раздел «Сам съешь»).

«Когда твои молодые лета...». Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 13, 1 марта. Предположение, что Пушкин имел в виду А. Ф. Закревскую, хотя и является общепринятым, вряд ли правильно: по понятиям того времени тридцатилетняя Закревская была уже не в «молодых летах», а репутация ее в 1829 году не подвергалась большим нападкам, чем прежде.

К бюсту завоевателя. При жизни Пушкина не печаталось. В рукописи дата «21 сентября».

Это стихотворение ставят в связь с заметкой «Торвальдсен, делаю бюст известного человека...» (см. т. VI) и полагают, что здесь говорится о бюсте Александра I. Бюст Александра I Торвальдсен изваял в Варшаве в 1820 году.

«Благословен твой подвиг новый...». Черновой необработанный набросок, датированный: «Душет, 27 мая». Стихи вызваны встречей Пушкина с персидским поэтом Фазиль-Ханом; см. вторую главу «Путешествия в Арзрум» (т. VII).

«Критон, роскошный гражданин...». Набросок неосуществленного замысла. Датирован 16 июля 1829 г.

На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе». В «Невском альманахе» на 1829 год было помещено шесть гравюр по рисункам А. Нотбека к «Евгению Онегину». По рассказу М. И. Пущина, Пушкин на Кавказских минеральных водах осенью 1829 г. записал стихи к этим гравюрам ему в экземпляр «Невского альманаха». Вторая надпись состояла из 12 стихов, но первых четырех Пущин не запомнил. По другому рассказу, Пушкин послал эти стихи Аладьину, издателю альманаха.

«Опять увенчаны мы славой...». Необработанный набросок стихотворения, посвященного Адрианопольскому миру, заключенному 2 сентября 1829 г. По этому мирному договору Россия приобретала острова в устье Дуная и ряд городов на Чер-

номорском побережье Кавказа. Греция получала независимость. Стихотворение это долгое время печаталось ошибочно как два самостоятельных наброска. По ошибочной догадке редакторы переставляли отдельные строфы, придавая им не тот смысл, какой они имеют.

Эдырне — турецкое название Адрианополя.

«*Восстань, о Греция...*» — Слово «восстань» здесь означает «подымись», «воспрянь». Весь стих — цитата из революционного гимна Ригаса.

«*Олимп и Пинд и Фермопилы...*» — Пушкин перечисляет те места, где велась освободительная война греков с турками, но не имеет в виду территории, отошедшие к Греции. По договору 1829 г. Олимп и Пинд оставались на территории Турции.

Тиртей — греческий поэт VII века до нашей эры, автор патристических военных элегий.

Рига — Ригас Константин (1757—1798), греческий патриот, автор гимнов, воспевавших свободу Греции. Один из наиболее популярных его гимнов переведен Байроном, а на русский язык Н. Гнедичем («*Воспряньте, Греции народы*»).

«*Под сенью ветхой их вершин...*» — Афинский Акрополь, расположенный на крутой скале, поднимающейся высоко над городом.

«*Зорю бьют... из рук моих...*». Необработанный отрывок.

«*Надеясь на мое презренье...*». Эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась. Написана по поводу бранных статей Надеждина, напечатанных в «Вестнике Европы» Каченовского («*Седой зоил*»).

«*Я эпиграммой отвечал...*» — Имеется в виду эпиграмма «Как сатирой безымянной», напечатанная в октябре 1829 г. Следовательно, данная эпиграмма писана в конце года или в 1830 г., когда продолжали появляться бранные статьи Надеждина.

«*Был и я среди донцов...*». Необработанный отрывок.

«*В журнал совсем не европейский...*». Неоконченная эпиграмма на статьи Надеждина в «Вестнике Европы». *Старый журналист* — Каченовский.

«*Зачем, Елена, так пугливо...*». Неоконченный черновой набросок.

«*Стрекотунья белобочка...*». Недоработанный набросок.

Воспоминания в Царском Селе («*Воспоминаньями смущенный...*»). Необработанное черновое стихотворение. Написано 14 декабря 1829 г. в форме «Воспоминаний в Царском Селе» 1814 г.

«*Еще одной высокой, важной песни...*». Необработанный черновик. Перевод начала «Гимна к пенатам» Р. Саути.

«*Меж горных стен несется Терек...*». Необработанный отрывок.

Стихотворение является описанием обвала, перегородившего течение Терека. Ср. первую главу «Путешествия в Арзрум» (т. VII).

«Страшно и скучно...». Неоконченный черновой набросок.

Отрывки. Первый отрывок — из цикла стихотворений, писанных во время путешествия в Арзрум; второй — запись в альбоме Ек. Н. Ушаковой под ее портретом, рисованным Пушкиным. По словам племянника Ушаковой, эта строка — начало несохранившегося стихотворения Пушкина.

1830

Циклоп («Язык и ум теряя разом...»). Стихотворение написано для костюмированного бала в Аничковом дворце 4 января 1830 г. по поводу заключения Адрианопольского мира. Участники бала наряжены были древнегреческими мифологическими существами, причем женщины рядились богами, а мужчины — богинями. Дочь Е. М. Хитрово, Ек. Фед. Тизенгаузен, нарядилась циклопом. Участники бала должны были декламировать соответствующие костюму стихи. Пушкин и написал стихи для этого случая. Стихотворение было напечатано вместе с другими, прочтенными на том же вечере, в особой брошюре. Ср. письмо к Тизенгаузен от 1 января 1830 г.

«Что в имени тебе моем?». Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 20, 6 апреля. Включено в издание 1832 г. с датой: 1829. Записано в альбом К. Собаньской 5 января 1830 г.

Ответ («Я вас узнал, о мой оракул»). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 3, 11 января, за подписью «Крс». Стихотворение обращено к Екатерине Ушаковой. См. стихотворения «Когда, бывало, в старину...» и «В отдалении от вас».

«Ни муз, ни Пресни, ни харит». — Ушаковы жили на Средней Пресне, на Замореновой улице.

«В часы забав иль праздной скуки...». Напечатано в «Литературной газете», 1830 г. № 12, 25 февраля, с пометой: «19 января 1830, СПб».

Вызвано стихами митрополита Филарета по поводу стихотворения Пушкина «Дар напрасный, дар случайный». Стихи Филарета начинались:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога мне дана,
Не без воли бога тайной
И на казнь осуждена...

Стихи Пушкина писаны по просьбе Е. М. Хитрово, знакомой Пушкина, почитательницы Филарета. См. письмо ей от первой половины января 1830 г.

Сонет («Суровый Дант не презирал сонета...»). Напечатано в «Московском вестнике», 1830 г., № 8.

Эпиграф взят из сонета Вордсворта на ту же тему.

«Под сенью гор...» — Речь идет о крымских сонетах Мицкевича.

Эпиграмма («Не то беда, что ты поляк...»). Эпиграмма, направленная против Булгарина и ходившая в рукописи. Напечатана Булгариным в «Сыне отечества», 1830 г., № 17, с заменой имени вместо «Видок Фиглярин» — «Фаддей Булгарин» при следующей заметке: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда для раздачи любопытствующим эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажений при переписке, напечатать оно». В ответ на выходку Булгарина Дельвиг хотел напечатать в «Литературной газете» подлинный текст эпиграммы, но цензура этого не разрешила.

К в е л ь м о ж е. Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 30, 26 мая, под названием: «Послание к К. Н. Б. Ю***» (т. е. князю Николаю Борисовичу Юсупову). Написано 23 апреля 1830 г.

Юсупов (1750—1831) — вельможа екатерининского времени; жил последние годы в подмосковном имении Архангельском, где Пушкин и посещал его. При Екатерине Юсупов с дипломатическими поручениями объездил Европу. Затем он заведовал театрами и Эрмитажем. Послание вызвало нападки на Пушкина со стороны Н. Полевого на страницах «Московского телеграфа», обвинявшего Пушкина в низкой лести перед вельможами. Полевой совершенно замолчал основную тему послания: переворот в историческом облике Европы в связи с событиями Французской революции.

Алябьева А. В. (1812—1891) — московская красавица.
Гончарова Н. Н. — невеста Пушкина.

Новоселье. Напечатано в альманахе «Сиротка» на 1831 год. Стихотворение обращено, вероятно, к М. П. Погодину.

«Когда в объятия мои...». При жизни Пушкина не печаталось.

Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1831 год. Написано 7 июля 1830 г. Ср. стихотворение «Поэт и толпа».

М а д о н н а. Напечатано в альманахе «Сиротка» на 1831 год. Написано 8 июля 1830 г.

Ср. письмо Н. Гончаровой от 30 июля 1830 г. В стихотворении и в письме говорится об одной и той же картине.

Б е с ы. Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год. Написано 7 сентября 1830 г. в Болдине.

Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»). Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834 г., т. VI. Написано 8 сентября 1830 г.

Ответ анониму. Напечатано в «Северных цветах» на 1831 г. Написано 26 сентября 1830 г.

Пушкиным было получено неподписанное стихотворное послание, касавшееся предстоящей его женитьбы. Автором его был И. А. Гулянов, ученый-египтолог. В послании говорилось о музах, встревоженных слухами о женитьбе поэта. В конце автор обращался к музам:

Уймите дух ваш сокрушенный.
О музы! друг ваш вожденный.
Небесным пламенем горит.
Источник новых откровений
Залогом будет вдохновений —
И снова гений воспарит.

Царскосельская статуя. Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год. См. стихотворение «Труд» и примеч. к нему. Написано 1 октября 1830 г.

Стихотворение написано на статую работы Соколова, изображающую Перетту (из басни Лафонтена). Статуя изображает девушку над разбитым кувшином; из черепка непрерывно льется вода.

Отрок. Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год. См. «Труд». Написано 10 октября 1830 г.

Отрок-рыбак — М. В. Ломоносов.

Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня...»). Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год. См. «Труд». Написано 10 октября 1830 г. Ср. стихотворение 1828 г. на ту же тему «Рифма, звучная подруга».

На перевод Илиады («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...»). Напечатано в альманахе «Альциона» на 1832 год. Написано 8 ноября 1830 г.

Стихи посвящены выходу в свет перевода «Илиады», сделанного Н. И. Гнедичем.

Труд. Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год под общим названием «Анфологические эпиграммы» вместе со стихотворениями «Царскосельская статуя», «Отрок» и «Рифма».

Стихотворение, по-видимому, связано с окончанием «Евгения Онегина».

«Глухой глухого звал к суду судьи глухого...». При жизни Пушкина не печаталось. Пушкин приводит эти стихи в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» в качестве «старинной эпиграммы (см. т. VI). Это вольная переделка эпиграммы П. Пелиссона «Трое глухих».

На полях автографа записан другой вариант двух последних стихов:

Судья решил: «Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».

Прощанье («В последний раз твой образ милый...»). Напечатано с нотами А. Есаулова отдельным изданием. Написано 7 октября 1830 г. в Болдине.

Паж, или Пятнадцатый год. При жизни Пушкина не печаталось. Написано 7 октября 1830 г. в Болдине.

Эпиграф имеет в виду Керубино — пажа из комедии Бомарше «Свадьба Фигаро». В конце стихотворения вместо «севильскую» первоначально было написано «варшавскую».

«Румяный критик мой, насмешник толстопузый...». При жизни Пушкина не печаталось. Написано 10 октября 1830 г.

«Я здесь, Инезилья...». Было издано в 1834 году отдельно как романс с музыкой М. Глинки. Написано 9 октября 1830 г.

Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин...»). Напечатано без подписи в альманахе «Денница» на 1831 год. Написано вероятно, 16 октября 1830 г.

Эпиграмма дополняет другую — «Не то беда, что ты поляк». *Скучный роман* — «Дмитрий самозванец» Булгарина.

Заклинание. При жизни Пушкина не печаталось. Написано 17 октября 1830 г.

«Стамбул гяуры нынче славят...». В другой, переработанной редакции вошло в «Путешествие в Арзрум». Написано 17 октября 1830 г.

«Мы рождены, мой брат названный...». При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение не окончательно отделано. Судя по содержанию, оно обращено к Дельвигу. В период издания «Литературной газеты» (1830) Пушкин и Дельвиг в равной степени подвергались нападкам со стороны Булгарина в «Северной пчеле», Полевого в «Московском телеграфе» и Бестужева-Рюмина в «Северном Меркурии». Печатались пародии на их стихи и пасквили, в которых под прозрачными псевдонимами их изображали в частной жизни, причем любимой темой пасквильянтов было обличение их в пьянстве.

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы. При жизни Пушкина не печаталось. Написано в октябре 1830 г. в Болдине.

Герой. Напечатано без подписи в «Телескопе», 1831 г., № 1, куда было отдано М. П. Погодиным; см. письмо к нему Пушкина от начала ноября 1830 г. Дата под стихами означает день приезда Николая I в холерную Москву и не имеет отношения к времени написания стихотворения.

Пришлец сей бранный — Наполеон.

«Одров я вижу длинный строй». — Здесь описывается посещение Бонапартом чумного госпиталя в Яффе в 1799 г. По преданию, Наполеон, чтобы ободрить больных, пожал руку чумному.

Историк строгий. — Пушкин ссылается на «Мемуары», которые появились в 1829—1830 гг. и автором которых значился Бурьен. В действительности они были составлены журналистом Вильмаре. В этих мемуарах утверждалось, что Наполеон не прикасался к чумным.

«В начале жизни школу помню я...». При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение, возможно, сохранилось не полностью.

«То были двух бесов изображенья». — Статуи Аполлона и, вероятно, Диониса.

К переводу Илиады («Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера...»). При жизни Пушкина не печаталось и в самой рукописи тщательно зачеркнуто.

Перевод «Илиады» вышел в свет в начале 1830 г.

«Для берегов отчизны дальной...». При жизни Пушкина не печаталось. Написано 27 ноября 1830 г. Ср. стихотворение 1826 года «Под небом голубым страны своей родной».

В рукописи начальные стихи первоначально читались:

Для берегов чужбины дальной
Ты покидала край родной.

Это заставляет предполагать, что стихотворение обращено к русской, уезжавшей за границу, а не к иностранке, возвращавшейся на родину, как обычно предполагают.

Последние стихи в рукописи первоначально читались:

Но сладкий поцелуй свиданья...
Его я жду; он за тобой...

Но затем Пушкин переделал эти стихи, допустив при этом ошибку:

А с ним и поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой.

В тексте дано последнее чтение, с устранением ошибки Пушкина.

Из *Waggy Cornwall* («Пью за здравие Мери...»). Напечатано в альманахе «Денница» на 1831 год.

Эпиграф взят из стихотворения английского поэта Барри Корнуола.

Медок. При жизни Пушкина не печаталось. Написано, судя по положению в тетради, в 1830 г. Черновой набросок начала поэмы английского поэта Саути «Медок» (1805). Медок — уэльский принц XII века, который якобы с небольшим флотом плывал в Америку. Уаллы — Уэльс, графство в Великобритании.

«Пред испанкой благородной...». При жизни Пушкина не печаталось.

В рукописи необработанное и незаконченное продолжение:

Одного люблю, конечно,
Отвечает им она,
. . . . но тайну вечно
Я хранить от вас должна.

Моя родословная. При жизни Пушкина не печаталось. Написано 3 декабря 1830 г.

Обстоятельства, вызвавшие это стихотворение, изложены Пушкиным в письме Бенкендорфу от 24 ноября 1831 г.

В рукописи имеется эпиграф, заимствованный из песни Беранже «Le Vilain»:

Je suis vilain et très vilain,
Je suis vilain, vilain, vilain.

*Béranger*¹.

¹ Я простолюдин, совсем простолюдин,
Я простолюдин, простолюдин, простолюдин.
Беранже (франц.)

В третьей строфе стихотворения перечисляется ряд русских дворянских родов недавнего происхождения: *торговал блинами* А. Д. Меншиков; *ваксил царские сапоги* камердинер Павла I граф И. П. Кутайсов; *пел с придворными дьячками* А. Г. Разумовский; *князь из хохлов* — И. А. Безбородко.

«С Петром мой пращур не поладил...».— Федор Пушкин, казненный в 1697 г. за участие в заговоре Циклера.

«Мой дед, когда мятеж поднялся...».— Лев Александрович Пушкин; был посажен в крепость после переворота 1762 г.

Post scriptum.— Эту тему Пушкин хотел изложить в эпиграмме, но набросал только отрывочные строки:

Говоришь: за бочку рома;
Не завидное добро.
Ты дороже, сидя дома,
Продаешь свое перо.

«...он в Мещанской дворянин...».— Мещанская улица — район притонов. Стихи вызваны фактами биографии жены Булгарина, которая до свадьбы была связана с притонами Мещанской.

Цыганы. Напечатано в альманахе «Денница» на 1831 год. Пушкин помечал это стихотворение как перевод с английского, но ничего подобного в английской поэзии не найдено. Самое содержание стихотворения связано с фактами жизни Пушкина: в Бессарабии Пушкин провел некоторое время с цыганским табором.

«Шумит кустарник... на утес...». Необработанный черновик.

«Полю буйтесь же вы, дети...». Стихотворная шутка Пушкина, при его жизни в печати не появлявшаяся.

Длинный Фирс — С. Г. Голицын. По рассказу М. Н. Лонгинова, С. Голицын, играя с человеком, уже задолжавшим ему, на его вопрос: «На какие деньги играешь, на эти или на те? (разумея под «теми» долг), отвечал: «Это всё равно: и на эти и на те и на те, те, те».

Россети — А. О. Россет, впоследствии Смирнова.

«Два чувства дивно близки нам...». Черновой набросок.

«Когда порой воспоминашь...». Необработанное и неоконченное стихотворение. Десять стихов, начиная с «Не в светлый край, где небо блещет», взяты с некоторыми изменениями из стихотворения 1828 г. «Кто знает, край, где небо блещет».

Отрывок («Не розу пафосскую...»). Неоконченное стихотворение. Название «Отрывок» принадлежит самому Пушкину.

«Одни стихи ему читала...». При жизни Пушкина не печаталось. Стихи представляют собой вольное переложение эпизода из романа Ж. Жанена «Исповедь» (1830).

Отрывки. Черновые неоконченные наброски.

«Перед гробницею святой...». Первые 18 стихов напечатаны Пушкиным в «Современнике», 1836 г., т. 4, в «Объяснении» по поводу стихотворения «Полководец». Написано в июне 1831 г., когда неясен был исход Польского восстания. См. письмо Пушкина Елизавете Хитрово (сентябрь 1831 г.).

Святая гробница — место погребения М. И. Кутузова в Казанском соборе в Петербурге.

Клеветникам России. Напечатано в брошюре «На взятие Варшавы», содержащей три стихотворения Пушкина и Жуковского (сентябрь 1831 г.). Написано 16 августа 1831 г., т. е. до взятия Варшавы (26 августа).

В рукописи эпиграф: *Vox et graeterea nihil*¹.

Поводом к стихотворению послужили речи во Французской палате депутатов (Лафайета, Могена и других), призывавшие к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия.

В стихотворении отразились те же настроения, которые Пушкин выразил в письме Вяземскому от 1 июня 1831 г.

Бородинская годовщина. Напечатано вместе со стихотворением «Клеветникам России». Написано 5 сентября 1831 г., после получения известия о взятии Варшавы.

День взятия Варшавы (26 августа) совпал с годовщиной Бородинского сражения.

«Куда отвиним строй твердынь?» — Польские деятели восстания требовали восстановления границы России и Польши там, где она проходила до Андрусовского мира 1667 г. (т. е. присоединения к Польше Украины до Днепра, включая Киев).

«Могучий мститель злых обид...» — Паскевич, руководивший взятием Варшавы; он был контужен 26 августа.

«Суворов видит плен Варшавы...» — Пушкин вспоминает взятие Варшавы Суворовым 24 октября 1794 г. (судьба города была решена взятием Праги, предместья Варшавы на правом берегу Вислы). Донесение о взятии Варшавы Паскевич послал с внуком Суворова.

Эхо. Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год.

«Чем чаще празднует Лицей...». При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение написано для лицейской годовщины 19 октября 1831 г.

«Шесть мест упраздненных стоят...». — К этому времени умерло шесть лицейстов первого выпуска. Ржевский (ум. в 1817 г.), Корсаков (1820), Костенский (1830), Саврасов (1830), Есаков (1831) и Дельвиг (1831).

Из письма к Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер...»). Стихотворное начало письма от 14 августа 1831 г.

Вяземский 5 августа получил звание камергера. Первой строкой Пушкин повторяет послание В. Л. Пушкина Приклонскому (1812 г.):

¹ Голос и больше ничего (лат.).

Любезный родственник, поэт и камергер.

Знак камергерского звания — ключ носили сзади на придворном мундире.

Из записки к А. О. Россет («От вас узнал я плен Варшавы...»). С этой запиской, в которой недостает второго стиха, Пушкин послал А. О. Россет брошюру «На взятие Варшавы».

Отрывки.

«Так старый хрыч...» — четверостишие, приписанное к стихотворению Дениса Давыдова «Люблю тебя как сабли лоск».

«Ну, послушайте, дети...» — отрывок неосуществленного замысла. Пушкин сперва начал:

Жил-был в прежни времена
Живописец беспримерный

1832

«И дале мы пошли — и страх обнял меня...». При жизни Пушкина не печаталось. Этот и следующий за ним второй отрывок («Тогда я демонов увидел черный рой») представляют собой шутовское подражание эпизодам из «Ада» Данте.

Мальчику (Из Катуллы). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 18 февраля 1832 г.

Эпиграф — начальные слова XXVII стихотворения Катуллы, перевод которого и представляют собой данные стихи.

«В тревоге пестрой и бесплодной...». При жизни Пушкина не печаталось. В рукописи датировано 18 марта 1832 г.

Стихотворение написано на первой странице альбома, подаренного Пушкиным Смирновой (Россет) для того, чтобы она записывала туда свои наблюдения. Самый альбом был озаглавлен Пушкиным «Исторические записки А. О. С***». Стихотворение написано от лица самой Смирновой.

В альбом кнж. А. Д. Абамелек («Когда-то (помню с умиленьем)...»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 9 апреля 1832 г.

Абамелек Анна Давыдовна (1814—1889) была с детства знакома Пушкину. Она была поэтессой-переводчицей, считалась одной из первых красавиц Петербурга. В 1832 г. была назначена фрейлиной.

Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один...»). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение является ответом на послание Н. Гнедича «А. С. Пушкину по прочтении сказки его о царь Салтане и проч.» (1831). В стихотворении характеризуются разные стороны деятельности Гнедича: как переводчика «Илиады» Гомера, переводчика Оссиана, театрального деятеля.

Первой строкой стихотворения Пушкин напоминал Гнедичу об адресованном ему в 1821 г. послании Рылеева, где имеется стих: «С Гомером отвечай всегда беседой новой».

В 1832 г. всякое прямое упоминание имени Рылеева было воспрещено.

Красавица («Всё в ней гармония, всё диво...»). Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1835 г., кн. 5. Написано, вероятно, в мае 1832 г. и внесено в альбом Ел. Мих. Завадовской (1807—1874), жены знакомого Пушкина графа Завадовского.

К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 5 октября 1832 г.

Стихотворение обращено, вероятно, к Над. Льв. Соллогуб (ок. 1815—1903), петербургской знакомой Пушкина.

В альбом («Гонимый рока самовластьем...»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 27 октября 1832 г.

В альбом («Долго сих листов заветных...»). При жизни Пушкина не печаталось.

Предполагают, что стихотворение обращено к лицейскому товарищу Пушкина Михаилу Яковлеву.

«Желал я душу освежить...». Черновой отрывок, говорящий о поездке Пушкина в 1829 г. в Закавказскую армию, где он встретил друзей-декабристов.

1833

Подражания древним. Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834 г., т. V.

Оба стихотворения взяты из книги Лefевра, в которой находится французский перевод греческого сборника «Пир мудрецов», составленного Афением в III веке. Автор первого стихотворения — Ксенофан из Колофона жил в VI веке до нашей эры. Второе стихотворение написано поэтом Гедилом (III век до нашей эры).

«Бог веселый винограда...». При жизни Пушкина не печаталось.

Стихотворение взято из той же книги Лefевра, что и два предыдущих.

«Юноша! Скромно пируй, и шумную вакхову в лагу...». При жизни Пушкина не печаталось. Написано 2 января 1833 г.

Вино (Ион Хиосский). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 2 января 1833 г.

Стихотворение переведено из той же книги Лefевра, из которой взяты стихотворения «Чистый лоснится пол...» и др.

Гусар. Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834 г., т. I. Написано 18 апреля 1833 г.

«Сват Иван, как пить мы станем...». При жизни Пушкина не печаталось.

Будрыс и его сыновья. Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834 г., т. II, кн. 3. Написано 28 октября 1833 г. в Болдине.

Баллада является переводом из Мицкевича «Три Будрыса».

Воевода. Напечатано вместе с предыдущим стихотворением. Написано 28 октября 1833 г. в Болдине.

Вольное подражание балладе Мицкевича «Дозор».

«Когда б не смутное влеченье...». При жизни Пушкина не печаталось. В рукописи помечено: «1833, дорога, сентябрь».

Осень. При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграф из стихотворения Державина «Евгению. Жизнь Званская».

«Не дай мне бог сойти с ума...». При жизни Пушкина не печаталось.

«Царей потомок, Меценат...». Неоконченный и необработанный отрывок. Перевод из Горация (кн. I, ода 1).

«Царь увидел пред собою...». Незаконченный отрывок сказки. Относится ко времени работы над «Сказкой о золотом петушке». В первой части имеет сходство с одним эпизодом из «Легенды об арабском звездочете» В. Ирвинга (солдатики являются магическим изображением вражеских войск, и их истребление вызывало поражение неприятеля). Вторая часть не имеет соответствия в «Легенде».

«Французских рифмачей суровый судия...». Начало ненаписанной сатиры.

«В своем отечестве престал ты быть пророком...». — Борьба французских романтиков против строгих правил классицизма, основанных преимущественно на авторитете Буало-Депрео.

Жуков — петербургский табачный фабрикант.

«В поле чистом серебрится...». Неоконченное черновое стихотворение.

«Чу, пушки грянули! крылатых кораблей...». Необработанный отрывок. Описание спуска нового корабля.

«Колокольчики звенят...». Стихотворение написано по просьбе М. Ю. Внелгорского для его оперы «Цыганы», оставшейся незаконченной. Возможно, что отрывок вызван впечатлением от рассказа Сервантеса «Цыганочка». Этот рассказ Пушкин читал в то время, изучая испанский язык.

Мера за меру. Необработанное начало перевода трагедии Шекспира «Мера за меру». Ср. «Анджело» (т. III).

Отрывки. Неоконченные наброски. Первый — начало сказки об Илье Муромце. Второй набросок написан при просмотре старой записной тетради 1822 г. и датирован 9 августа 1833 г.

1834

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...». Необработанный отрывок. В рукописи имеется план продолжения:

«Юность не имеет нужды в at home, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он домой».

О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть».

Написано, вероятно, в июне 1834 г., когда Пушкин пытался выйти в отставку и поселиться в деревне.

«Он между нами жил...». При жизни Пушкина не печаталось. Написано 10 августа 1834 г.

Стихотворение вызвано выходом в свет сборника стихов Мицкевича, в котором помещены его политические сатиры, направленные против России, и, в частности, его стихотворение «Прятелям москалям».

Мицкевич жил в России с 1824 до 1829 г. В Петербурге сблизился с декабристскими кругами. С Пушкиным познакомился в 1826 г. Уехал за границу в 1829 г. и после польской революции стал политическим эмигрантом; активно выступал против русского правительства.

«Я возмужал среди печальных бурь...». Начало неоконченного стихотворения.

«Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя...». Начало стихотворения.

Написано по поводу картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Картина была выставлена в 1834 г. в Петербурге. Сохранился рядом с этим стихотворением рисунок Пушкина, изображающий центральные фигуры картины Брюллова.

В статье о «Фракийских элегиях» Теплякова (черновой текст) Пушкин так описал картину Брюллова: «...шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице, чудно освещенной вулканом».

«Стою печален на кладбище...». Неоконченное и неотределанное стихотворение. Первоначальные наброски:

Последнее мирское пепелище,
Таинственный, приветливый приют,
Поклон тебе, печальное кладбище,
Где тихие

Неогражденное кладбище,
Ночлег усопших поселян,
.
Святое смерти пепелище.

Песни западных славян. Напечатаны в «Библиотеке для чтения», 1835 г., кн. 15, кроме последнего стихотворения, напечатанного в предыдущей, 14-й книге того же журнала.

Предисловие и примечания появились в «Стихотворениях» Пушкина, ч. IV, 1835 г., где «Песни» были перепечатаны полностью.

Из шестнадцати «Песен» одиннадцать являются подражаниями песням, напечатанным в книге Мериме. Две песни переведены из сборника сербских песен Вука Караджича («Соловей» и «Сестра и братья»). Три песни сочинены самим Пушкиным («Песня о Георгии Черном», «Воевода Милош» и «Яныш королевич»).

«Что блеется на горе зеленой»). Необработанное и неоконченное стихотворение.

Перевод сербской песни, текст которой приведен в книге Фортиса «Путешествие по Далмации» (сербский текст и итальянский перевод).

«Менко Вуич грамоту пишет...». Неоконченный черновой набросок, по форме и по теме близкий к «Песням западных славян».

1835

(Из Анакреона) («Узнают коней ретивых...»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 6 января 1835 г.

Перевод оды LV Анакреона.

Ода LV I. (Из Анакреона) («Поредели, побелели...»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 6 января 1835 г. В рукописи имеется другой вариант последнего четверостишия:

Страшен хлад подземна свода,
Вход в него для всех открыт,
Из него же нет исхода...
Всяк сойдет — и там забыт.

Ода введена Пушкиным в неоконченную повесть о смерти Петрония («Повесть из римской жизни», т. V).

Ода LVII («Что же сухо в чаше дно»). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 6 января 1835 г.

Перевод из Анакреона.

«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...». При жизни Пушкина не печаталось.

Полководец. Напечатано в «Современнике», 1836 г., т. III. Написано 7 апреля 1835 г.

В рукописи вместо стиха «Там, устарелый вождь...» и следующих за ним читается:

Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Искал ты умереть средь сечи боевой,
Вотще! Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. А ты, непризнанный, забытый
Винovníк торжества, почил — и в смертный час
С презреньем, может быть, вспоминал о нас!

Стихотворение посвящено характеристике Барклая де Толли. Оно начинается с описания галереи 1812 года в Зимнем дворце, где собраны портреты деятелей Отечественной войны, писанные художником Доу. Стихотворение вызвало «Критическую заметку на стихотворение Пушкина „Полководец“» Л. Голенищева-Кутузова. На брошюру эту Пушкин отвечал в «Современнике» «Объяснением» (см. т. VI).

Туча. Напечатано в «Московском наблюдателе», 1835 г., май. Написано 13 апреля 1835 г.

Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью...»). Напечатано в «Современнике», 1836 г., т. I.

Перевод стихотворения А. Шенье «Ceta, mont ennobli...»¹. Пушкин начал этот перевод в 1825 г., но перевел только 6 стихов. Через десять лет он снова вернулся к этому стихотворению и закончил свой перевод 20 апреля 1835 г.

Родрик («На Испанию родную...»). При жизни Пушкина не печаталось.

Источником стихотворения являются предания испанских хроник и народные легенды о последнем готском короле Родерике. Его противник граф Юлиан заключил союз с маврами, и в битве при Гуадалете (711 г.) готское войско Родерика было разбито, а сам Родерик убит. Причиной мести Юлиана хроникеры считают то, что Родерик якобы соблазнил Флоринду (или Каву), дочь Юлиана. По легенде Родерик не погиб в сражении, но скрылся. Разные версии сведены воедино в поэме Саути «Родерик, последний из готов».

«Кто из богов мне возвратил...». При жизни Пушкина не печаталось.

Вольный перевод оды Горация «К Помпею Вару» (кн. II, ода VII).

Странник. При жизни Пушкина не печаталось. На автографе дата: «26 ию 835» (неясно, относится ли дата к июню или июлю).

В основу стихотворения положен сюжет книги Джона Беньяна «Pilgrim's progress»², но Пушкин далеко отступил от подлинника.

«...Вновь я посетил...». При жизни Пушкина не печаталось. Написано 26 сентября 1835 г. В Михайловском Пушкин жил сентябрь и половину октября 1835 г.

«Уже старушки нет...» — Няня Пушкина, Арина Родионовна, умерла в 1828 г.

«Я думал, сердце позабыло...». При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение не отделано.

На выздоровление Лукулла. Напечатано в «Московском наблюдателе», 1835 г., сентябрь.

Стихотворение является сатирой на С. С. Уварова, который был наследником богача графа Шереметева, как муж его двоюродной сестры. Когда Шереметев заболел, Уваров поспешил принять меры к охране имущества, надеясь вскоре им завладеть. Однако Шереметев выздоровел.

По поводу этого стихотворения Пушкину пришлось давать объяснения.

Пир Петра Первого. Напечатано в «Современнике», 1836 г., т. I. Этим стихотворением открывается первая книга журнала.

Стихотворение основано на словах Ломоносова о милосердии Петра: «Против он многих знатных особ за тяжкие преступления,

¹ «Эта облагороженная гора» (франц.).

² «Странствие паломника» (англ.).

объявил свою сердечную радость принятием их к столу своему и пушечной пальбою». В данном стихотворении Пушкин имел задачей указать на необходимость примирения с декабристами, т. е. на возвращение их из Сибири.

Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный...»). При жизни Пушкина не печаталось.

В Академии наук. Эпиграмма ходила в списках. Она направлена против вице-президента Академии наук М. А. Дондукова-Корсакова, у которого не было никаких научных трудов и который был обязан своим местом покровительству С. С. Уварова. Стихотворение намекает на порок, связывавший Уварова с Дондуковым-Корсаковым. Ср. запись в *Дневнике* Пушкина от февраля 1835 г. (т. IX). Благодаря эпиграмме Пушкина имя «Дундук» стало нарицательным.

В тексте принята смягченная редакция последнего стиха.

«К кастрату раз пришел скрыпач...». Не предназначавшаяся к печати стихотворная шутка Пушкина. В рукописи она датирована 10—11 сентября (1835), Михайловское.

«В мои осенние досуги...». Черновой набросок, написанный в ответ на предложение Плестнева продолжать «Евгения Онегина».

«О бедности затвердил я наконец...». Черновое начало перевода из драмы Барри Корнуола «Сокол» (монолог Федерико).

«Если ехать вам случится...». Черновой набросок.

«Когда владыка ассирийский...». Черновое неоконченное стихотворение. Написано 9 ноября 1835 г.

Отрывок является переложением начала библейской книги Юдифь.

«На это скажут мне с улыбкою неверной...». Неоконченный набросок.

«— Не видала ль девица...». Необработанный отрывок в духе народных песен. Сюжет заимствован из сербских песен В. Караджича.

Отрывки. Из черновых тетрадей. Отрывок «То было вскоре после боя...» — перевод начальных стихов «Мазепы» Байрона, послуживших эпиграфом к «Полтаве». Здесь же в черновике частичный прозаический перевод: «Власть и Слава изменили подобно людям, их суетным поклонникам, перешли на сторону торжествующего царя». Отрывок «Как редко плату получает...» — перевод из стихотворения Кольриджа «Жалоба».

1836

Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою!»). При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 18 января 1836 г., при посылке вышедшей из печати «Истории Пугачевского бунта». Первый стих — перевод строки из стихотворения Арно, обращенного к Давыдову. См. т. VI. «Французская академия».

Художнику. При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 25 марта 1836 г.

В стихотворении говорится о посещении мастерской скульптора Б. И. Орловского, автора памятников Кутузову и Барклаю де Толли, поставленных позднее у Казанского собора.

Мирская власть. При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 5 июня 1836 г. В автографе помечено цифрой «IV». Эта цифра свидетельствует, что стихотворение входило в цикл, состав которого (не полный) явствует из подобных обозначений на других автографах того же времени: II. Отцы пустыньники и жены непорочны. III. Подражание итальянскому. VI. Из Пиндемонти. Стихотворения под номерами I и V до нас не дошли.

(Подражание итальянскому) («Как с древа сорвался предатель ученик...»). Было подготовлено к печати вместе с другими (в автографе — номер III; см. примеч. к стихотворению «Мирская власть»), но при жизни Пушкина не было напечатано. Написано 22 июня 1836 г.

Вольное подражание итальянскому сонету об Иуде Фр. Джанни, по французскому переводу Антони Дешана.

«Напрасно я бегу к сионским высотам...». Необработанный набросок. За вторым стихом первоначально следовало:

Так, ревом яростным пустыню оглашая,
По ребрам бя хвостом и гриву потрясая...

(Из Пиндемонти) («Не дорого ценю я громкие права...»). Было подготовлено Пушкиным к печати вместе с другими не изданными тогда стихотворениями (см. примеч. к стихотворению «Мирская власть»), но напечатано не было. Написано 5 июля 1836 г.

Ссылка на Пиндемонти — мистификация из цензурных соображений. В рукописи имеется и другой подзаголовок: «Из Alfred Musset». Орфография «Пиндемонти» вместо правильного «Пиндемонте» свидетельствует о том, что Пушкин не имел перед глазами сочинений этого поэта, а знал его по цитатам в книге Сисмонди «О литературе Южной Европы», где его имя напечатано так же; это подтверждается и тем, что предполагавшийся эпиграф к «Кавказскому пленнику» (см. т. III, примечания) является точным воспроизведением цитаты из книги Сисмонди.

Стих «Зависеть от царя, зависеть от народа» еще в черновике был изменен: «Зависеть от властей, зависеть от народа». Но эта переделка противоречит всему смыслу стихотворения, в котором нет противопоставления властей народу, а сопоставлены две системы управления — самодержавная и парламентская. Поэтому следует считать, что поправка вызвана цензурными соображениями.

«Отцы пустыньники и жены непорочны...». Подготовлено к печати вместе с предыдущим; см. примеч. к стихотворению «Мирская власть». Написано 22 июля 1836 г.

Стихотворение перелагает великопостную молитву Ефрема Сирина.

«Когда за городом, задумчив, я брожу...». При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 14 августа 1836 г., на Каменном острове в Петербурге.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 21 августа 1836 г., на Каменном острове в Петербурге.

Эпиграф взят из Горация (кн. III, ода XXX).

«И милость к падшим призывал...». — В своих стихах Пушкин неоднократно писал о необходимости вернуть декабристов из Сибири.

В рукописи четвертая строфа имела такой вид:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

В окончательный текст не включено по цензурным соображениям.

«Была пора: наш праздник молодой...». Неоконченное стихотворение к годовщине Лицея 19 октября 1836 г. Пушкин не успел дописать стихи к празднику и читал их на вечере в неоконченном виде.

Для данного стихотворения Пушкин воспользовался формой своего стихотворения на 19 октября 1825 г.

1. На статую играющего в свайку. 2. На статую играющего в бабки. Напечатано в «Художественной газете», 1836 г., № 9—10, декабрь.

Написано на статуи работы скульптора А. В. Логановского (играющий в свайку) и работы Н. С. Пименова (играющий в бабки). Обе статуи были на выставке в Академии художеств. Впоследствии они были поставлены в Царском Селе перед Александровским дворцом.

«От меня ввечер Леила...». При жизни Пушкина не было напечатано.

Подражание арабской песне, помещенной во французском переводе в книге Агуба «Из восточной и французской поэзии».

«От западных морей до самых врат восточных х...». Черновое начало перевода из Ювенала (сатира X).

«Ценитель умственных творений испанских и х...». Черновое начало послания П. Б. Козловскому, любителю римской литературы; он настойчиво предлагал Пушкину заняться переводами десятой сатиры Ювенала. По этому поводу Пушкин и пишет данное послание.

«Альфонс садится на коня...». Начало незавершенного замысла. Некоторые детали сближают данное стихотворение с эпизодами из французского романа Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе». («Десять дней жизни Альфонса Ван-Вордена»).

«Забы и рошу и свободу...». Незаконченный отрывок.

Стихотворения,
точная дата которых не установлена
1827—1836

Русскому Геснеру. Напечатано в сборнике «Опыт русской анфологии», 1828 г. Под названием «Идиллику» стихотворение впервые упоминается в списке Пушкина, относящемся к 1827 г.

В делах III Отделения это стихотворение находится среди сведений на ноябрь 1827 г. с пометой: «На Федорова».

Русский Геснер (Саломон Геснер) — известный швейцарский поэт, автор популярных идиллий. Среди русских поэтов наиболее известным идилликом был В. Панаев, почему и считалось, что стихотворение направлено против него. Однако помета на копии в III Отделении, может быть, дает истинное истолкование эпиграммы, если принять во внимание, что Пушкин называл Бориса Федорова «переписчиком стихов господина Панаева».

Золото и булат. Напечатано в «Московском вестнике», 1827 г., № 2.

Перевод анонимной французской эпиграммы.

«Не знаю где, но не у нас...». Напечатано в «Северных цветах» на 1828 г. в составе «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». Направлено против гр. М. С. Воронцова.

«Твои догадки сущий вздор...». Эпиграмма написана по адресу лица, ошибочно принявшего на свой счет стихи из послания к Чаадаеву 1821 г., в действительности направленные против Ф. Толстого: «Отвыкнул от вина и стал картежный вор».

«Когда Потемкину в потемках...». Четверостишие, сохранившееся в рукописи Пушкина, относится к Е. П. Потемкиной, сестре декабриста Трубецкого, жившей в Москве на Пречистенке. Смысл этой шутки Пушкина неясен, и обстоятельства, ее вызвавшие, неизвестны.

«Зачем я ею очарован?». Необработанный отрывок.

«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...». При жизни Пушкина не было напечатано. Автограф не сохранился. Опубликовано в 1858 г. с датой «1830»; однако эта дата сомнительна: судя по копиям, на автографе была помета: «19 января, СПб.» — без указания года. В копии, принадлежавшей вдове Пушкина, стояла дата «1831». В некоторых списках имеет заголовок «К жене» и датируется не ранее 1832 г.

«Ты просвещением свой разум осветил...». Автограф стихотворения утрачен, и оно известно по весьма несовершенной копии, из которой местами только по догадке можно извлечь неполные строки.

Как показывает содержание, стихотворение могло быть написано не ранее конца 1831 г.

«О нет, мне жизнь не надоела...». Незаконченный набросок.

Отрывки. Из черновых рукописей, не поддающихся точной датировке.

Первый отрывок — опыт подражания народной песне. Второй, по мнению Анненкова, относится к «Альбому Онегина», который Пушкин предполагал включить в седьмую главу «Евгения Онегина». Однако это предположение ничем не подтверждается. *Бьевриана* — собрание каламбуров маркиза Бьевра, известного остряка XVIII века. Третий отрывок — запись на закладке одной из книг библиотеки Пушкина. Четвертый, как предполагают, — начало стихотворения на сюжет о венецианском доже Марино Фальеро (XIV век). *Бучентавр* — большое украшенное судно, на котором совершались торжества в Венеции, в частности обряд венчания дожа с морем. Пятый отрывок — воспроизведение надписи на крымском фонтане (вероятно, на Гурзуфском). Шестой отрывок считали связанным с образом Вольтера, что, впрочем, нельзя считать достаточно очевидным.

Prologue. План вступительной части стихотворения, относящийся к 1835 или 1836 г.

Grey (Грей) — упоминается, по-видимому, в связи с его элегией «Сельское кладбище».

Коллективное

Элегия на смерть Анны Львовны. Сообщено Пушкиным Вяземскому в письме от апреля 1825 г. с пометой: «Я да Дельвиг». В письме ему же от сентября он по поводу того же стихотворения пишет: «Дело в том, что, конечно, Дельвиг более виноват, нежели я». Таким образом, стихи написаны во время пребывания Дельвига в Михайловском, в апреле 1825 г.

Анна Львовна — Пушкина, тетка А. С. Пушкина; умерла 14 октября 1824 г.

Елизавета Львовна — Солнцева, сестра Анны Львовны.

Матвей Михайлович — Солнцев, муж Елизаветы Львовны.

Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич — сестра и брат Пушкина.

Василий Львович — Пушкин; он напечатал в «Полярной звезде» на 1825 год стихотворение «К ней»: «Где ты, мой друг, моя родная», — посвященное памяти Анны Львовны.

Красовский — цензор, сын протоиерея.

Нравоучительные четверостишия. Напечатаны в «Невском альманахе» на 1827 г., без подписи. По свидетельству А. Н. Вульфа, писаны летом 1826 г. в Тригорском Языковым совместно с Пушкиным. Однако можно думать, что степень участия Пушкина в этом цикле не велика. Стихотворение 2 («Удел гения»), по-видимому, принадлежит полностью Языкову.

Четверостишия являются пародией на переводные аполлоги И. И. Дмитриева, напечатанные в 1825 г. Вот для образца первый аполлог Дмитриева:

Равновесие

Сын Севера! суров и хладен твой климат;
Ужасны льды твои, но счастлив ты stokрат:
В тебе и бодрый дух и богатырска сила.
В Сицилии ж вулкан; чума на бреге Нила.

В. Л. Пушкину («Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!»). Коллективное послание В. Л. Пушкину, писанное летом 1828 г. Вяземским (первый стих), Жуковским (стихи 2-й, 4-й и 7-й) и другими. А. С. Пушкину принадлежит третий стих.

«Надо помянуть...». Шутка, писанная Пушкиным совместно с Вяземским и адресованная Жуковскому. Написано 26 марта 1833 г. Шутка представляет собой набор самых разнообразных имен.

«Коль ты к Смирдину войдешь...». Стихотворная шутка, получившая распространение в разных редакциях. По рассказу В. А. Соллогуба, это — экспромт, в котором первые четыре стиха принадлежат Соллогубу, а последний — Пушкину.

Канон в честь М. И. Глинки. Написано на обеде, данном 13 декабря 1836 г. по поводу первого представления оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). Первая строфа писана М. Ю. Виельгорским, вторая — Вяземским, третья — Жуковским, четвертая — Пушкиным. С нотами (музыки В. Ф. Одоевского и М. Ю. Виельгорского) «Канон» был издан в том же месяце (декабрь) 1836 г.

Приписываемое Пушкину

Разговор Фотия с гр. Орловой.— Гр. Орловой-Чесменской.— На Фотия. Все три эпиграммы распространялись в списках под именем Пушкина.

Фотий (1792—1838) — один из представителей церковного мракобесия; с января 1822 г. архимандрит, деятельный сторонник Аракчеева.

Орлова-Чесменская — Анна Ал., дочь Алексея Орлова, камер-фрейлина, фанатическая поклонница и покровительница Фотия.

«Накажи, святой угодник...». Эпиграмма известна по спискам.

Из письма к Вигелю. Сообщено Ф. Ф. Вигелем в статье «Письмо к приятелю в Симбирск». Говоря о себе в третьем лице, Вигель пишет: «В Кишиневе жила одна гречанка Калипсо, коей блистательные очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившегося тогда в ссылке. В 1824 году один хороший знакомый его из Кишинева писал к нему в Одессу и именем этой Калипсо умолял его посетить место его жительства, в шутку называя его странствователем Телемаком. В ответ вот что между прочим сказал он ему стихами: Скучной ролью Телемака и т. д.»

Однако нарушение размера в последнем стихе заставляет подозревать, что Вигель неверно передал стихи Пушкина.

«Расходились по поганскому граду...». Запись Пушкина на обороте черновика «Я помню чудное мгновенье». Неизвестно, является ли это опытом в духе народных песен или простой записью народной песни.

Кнж. С. А. Урусовой («Не веровал я троице донне...»). В списках приписывается Пушкину. Вяземский отрицал принадлежность стихотворения Пушкину. Мадригал адресован фрейлине Софье Александровне Урусовой (в 1833 г. вышла замуж за гр. Радзивилла), с которой Пушкин познакомился в 1827 г. Мадригал является переводом стихов Вольтера, обращенных к женевской даме, проповедовавшей Вольтеру о троице.

СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА, ВЫШЕДШИЕ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ

Еще во время своего пребывания в Лицее Пушкин задумал выпуск в свет собрания своих стихотворений. К 1816 году относится сохранившийся список стихотворений, предназначавшийся к включению в этот сборник. Он был задуман в двух разделах. Первый раздел составляли «Послания» (в числе 22), второй раздел озаглавлен «Лирические». В него входило около 12 крупных стихотворений, цикл элегий (15) и стихотворные мелочи. Сборник не был осуществлен.

В конце 1818 г. Пушкин твердо решил выпустить в свет свои стихотворения и даже организовал на них подписку (10 рублей за два тома). Для этого издания он подверг существенной переработке лицейские стихи, и к началу 1820 г. рукопись этого собрания была готова. Ссылка на Юг помешала Пушкину самому издать этот сборник, и он на известных условиях передал тетрадь с переписанными стихами Никите Всеволожскому. Но к изданию Н. Всеволожский не приступил.

Во время своего пребывания на Юге Пушкин неоднократно получал предложения об издании его стихотворений (от кн. А. Лобанова в 1822 г. и от П. А. Муханова в апреле 1824 г.), но, считая себя связанным с Н. Всеволожским, Пушкин откладывал издание. Принялся он за него уже в Михайловском в марте 1825 г. Пушкин получил обратно свою тетрадь 1820 г. и начал составлять новый сборник. Первоначально этот сборник был задуман в трех разделах: элегии, послания, смесь. К сентябрю сборник был при помощи Плетнева и Жуковского вполне подготовлен к печати и состоял из следующих разделов: элегии, разные стихотворения (отдел, соответствующий прежнему названию «смесь»), эпиграммы и надписи, подражания древним, послания, подражания Корану. При всех стихотворениях, кроме входящих в раздел «Эпиграммы и надписи», поставлены даты. Сборник вышел в свет 30 декабря 1825 г. с датой на титуле 1826 г. Сборник назывался «Стихотворения Александра Пушкина». На титуле — эпитафия: *Aetas prima sanat veneres extrema tumultus. Propertius II, 8.* Сборник предварен предисловием, написанным по указанию Пушкина (см. его письмо брату от 27 марта 1825 г.) и просмотренным им. Вот это предисловие:

Собранные здесь стихотворения не составляют полного издания всех сочинений А. С. Пушкина. Его поэмы помещены будут со временем в особенной книжке. Мы теперь предлагаем только то, что не могло войти в собрание собственно называемых поэм.

В короткое время автор наш успел соединить голоса читателей в пользу своих поэтических дарований. Мы считаем себя вправе ожидать особенного внимания и снисхождения публики к нашему изданию его стихотворений. Любопытно, даже поучительно будет для занимающегося словесностию сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором Руслана и Людмилы и других поэм. Мы желаем, чтобы на собрание наше смотрели, как на историю поэтических его досугов в первое десятилетие авторской жизни.

Многие из сих стихотворений напечатаны были прежде в периодических изданиях. Иные, может быть, нами и пропущены. При всем том это первое в некотором порядке собрание небольших стихотворений такого автора, которого все читают с удовольствием. Как издатели, мы перед ним и пред публикою извиняемся особенно в том, что по недоразумению корректора остались в нашей книжке значительные типографические ошибки. Для предварительной поправки выписываем замеченные нами...

Вторым изданием стихотворения Пушкина вышли в 1829 г. в двух частях. Стихи здесь напечатаны в хронологическом порядке. Первая часть содержала стихотворения с 1815 по 1824 г., вторая часть — с 1825 по 1829. В 1832 г. вышла третья часть, содержащая стихи с 1829 по 1831 г. В этот сборник включены, кроме того, драматические произведения — «Пир во время чумы» и «Моцарт и Сальери», а также «Сказка о царе Салтане». Последняя, четвертая часть вышла в 1835 г. Здесь хронологический порядок уже не соблюдался. В эту часть вошло восемь стихотворений, три сказки («О мертвой царевне», «О золотом петушке» и «О рыбаке и рыбке») и цикл «Песни западных славян».

В 1836 г. Пушкин готовил новое издание стихотворений в одном томе. Издание осталось неосуществленным. О его плане свидетельствуют сохранившиеся обложки, писанные рукой Пушкина, соответствующие разделам сборника: Стихотворения лирические; Послания; Эпиграммы, надписи и проч.; Баллады и песни; Сонеты; Стихи, сочиненные во время путешествия (1829); Песни западных славян; Вольные подражания восточным стихотворениям; Простонародные сказки; Подражание древним; Разные стихотворения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ И ЗАПИСАННЫЕ ПУШКИНЫМ

Пушкин собрал и записал много песен и сказок, из которых не все дошло до нас. Записыванием произведений народного творчества он занимался главным образом в Михайловском за годы 1824—1826. Песни 1—9 сохранились в тетрадах Пушкина и на

отдельных листках. В песнях 1 и 2 Пушкин внес изменения в записанный им текст, чтобы восстановить первоначальный вид песни. Стихи 7—8 первой песни первоначально были записаны:

Он штабным офицерам не кланяется,
К губернатору под суд нейдет.

Затем Пушкин везде слово «губернатор» заменил на «воевода».

Из первых девяти песен 5—9 записаны Пушкиным в Болдино в 1833 году.

Остальные 49 песен были переданы Пушкиным П. И. Киреевскому и сохранились только в копиях. П. Киреевский, показывая тетрадку записей Пушкина Буслаеву, говорил: «Вот эту пачку дал мне сам Пушкин и при этом сказал: — Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам.— И сколько ни старался я разгадать эту загадку, никак не мог сладить». Многие из этих песен до нашего времени поются в окрестностях Михайловского.

Из свадебных песен 15, 16 и 17 Пушкин внес отдельные стихи в «Русалку». Из необрядовых песен четвертой Пушкин воспользовался в собственных подражаниях народной песне; см. 1828 г., стихотворение «Уродился я бедный недоносок».

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1824 (Михайловское) — 1836

1824

Из письма к Вульффу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!»)	5
К Языкову («Издревле сладостный союз»)	5
Разговор книгопродавца с поэтом	7
К морю	12
Коварность	14
Фонтану Бахчисарайского дворца	15
Виноград	16
«О дева-роза, я в оковах»	16
«Ночной зефир»	16
«Ненастный день потух»	17
Подражания Корану	
I. Клянись четой и нечетой	18
II. О, жены чистые пророка	18
III. Смутясь, нахмурился пророк	19
IV. С тобою древле, о всесильный	20
V. Земля недвижна; неба своды	20
VI. Недаром вы приснились мне	20
VII. Восстань боязливый	21
VIII. Торгуя совестью пред бледной нищетою	21
IX. И путник усталый на бога роптал	22
Примечания	23
«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя съедает»	23
Чаадаеву («К чему холодные сомненья?»)	24
Аквилон	24

«Пускай увенчанный любовью красоты»	25
Второе послание цензору	25
Клеопатра	27
«Тимковский царствовал — и все твердили вслух»	29
Графу Олизару («Певец! издревле меж собою»)	29
* Из письма к Плетневу («Ты издал дядю моего») ¹	30
«Как жениться задумал царский арап»	31
«Т — прав, когда так верно вас»	31
«Мне жаль великия жены»	31
«Пока супруг тебя, красавицу младую»	32
«Охотник до журнальной драки»	32
«Лихой товарищ наших дедов»	33
«Презрев и голос укоризны»	33
К Сабурову («Сабуров, ты оклеветал»)	34
Младенцу	34
«Лизе страшно полюбить»	34
* Из письма к Родзянке («Прости, украинский мудрец»)	35
Послание к Л. Пушкину («Что же? будет ли вино?»)	35
«С перегородкою каморки»	36
* Отрывки	
«Он улыбался равнодушно»	36
«Как узник, Байроном воспетый»	36
«Слаб и робок человек»	36
«Иван-Царевич по лесам»	36

1825

Сожженное письмо	37
«Сказали раз царю, что наконец»	37
Приателям	38
«Напрасно ахнула Европа»	38
Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову	38
Жив, жив курилка!	40
Козлову («Певец, когда перед тобой»)	41
Желание славы	41

¹ Здесь и ниже звездочкой помечены стихотворения, озаглавленные редакторами, то есть у Пушкина названий не имеющие.

Ex ungue leonem	42
П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне»)	42
«Храни меня, мой талисман»	43
Андрей Шенье	44
* К Родзянке («Ты обещал о романтизме»)	49
К*** («Я помню чудное мгновенье»)	50
«Если жизнь тебя обманет»	51
Ваххическая песня	51
Н. Н. («Примите «Невский альманах»)	51
Сафо	52
«Цветы последние милей»	52
19 октября	52
Совет	56
Движение	57
Соловей и кукушка	57
Дружба	57
«Всё в жертву памяти твоей»	57
Сцена из Фауста	58
Зимний вечер	62
«В крови горит огонь желанья»	63
«Вертоград моей сестры»	63
Буря	63
«Люблю ваш сумрак неизвестный»	64
Прозаик и поэт	65
«Хотя стишки на именины»	65
«Что с тобой, скажи мне, братец»	65
С португальского («Там звезда зари взошла»)	66
Начало I песни «Девственницы»	67
«Твое соседство нам опасно»	68
«Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах»	68
«Quand au front du convive, au beau sein de Délie»	69
«Лишь розы увядают»	69
Наброски к замыслу о Фаусте	69
«Я был свидетелем золотой твоей весны»	71
«Семейственной любви и нежной дружбы ради»	72
«Блестит луна, недвижно море спит»	72

«Заступники кнута и плети»	73
«Словесность русская больна»	73
«На небесах печальная луна»	73
* Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любовный»)	73
* Из письма к Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной»)	74
«Брови царь нахмуря»	74
«От многоречия отречься добровольно»	75
* Из Вольтера («Короче дни, а ночи доле»)	75
«Под каким созвездием»	76
Анне Н. Вульф («Увы! напрасно дева гордой»)	76
* Отрывки	
«Играй прелестное дитя»	76
«Смеетесь вы, что девой бойкой»	77
«Он вежлив был в иных прихожих»	77
«Скажи мне, ночь, зачем»	77
Кюхельбекеру	77
«Как широко»	77
«В пещере тайной, в день гоненья»	77

1826

К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей»)	78
К Зине («Вот, Зина, вам совет: играйте»)	78
Из Ариостова «Orlando Furioso»	78
«Под небом голубым страны своей родной»	82
* К Вяземскому («Так море, древний душегубец»)	82
К Языкову («Языков, кто тебе внушил»)	83
Песни о Стеньке Разине	83
Признание : :	85
Пророк	86
К. А. Тимашевой	87
* И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!»)	88
Стансы («В надежде славы и добра»)	88
Ответ Ф. Т.*** («Нет, не черкешенка она»)	89
Зимняя дорога	89
«В еврейской хижине лампада»	90

К** («Ты богоматерь, нет сомненья»)	91
* Из письма к Великопольскому («С тобой мне вновь считаться довелось»)	91
«Едва уста красноречивы»	91
«Будь подобен полной чаше»	92
Няне («Подруга дней моих суровых»)	93
* Из письма к Соболевскому	93
* Отрывки	
«Восстань, восстань, пророк России»	94
«И я бы мог»	94
«На разность утренних одежд»	94
«Пока в нас сердце замирает»	94

*Стихотворения,
точная дата которых не установлена
1824—1826*

«Там на берегу, где дремлет лес священный»	95
На трагедию гр. Хвостова	95
«Нет ни в чем вам благодати»	95
«О муза пламенной сатиры!»	95
* На Александра I («Воспитанный под барабаном»)	96
«Что-то грезит Баратынский»	96

1827

«Во глубине сибирских руд»	97
Соловей и роза	97
Эпиграмма. Из антологии («Лук звенит, стрела трепещет»)	98
«Есть роза дивная: она»	98
* Ек. Н. Ушаковой («Когда, бывало, в старину»)	98
Княгине Э. А. Волконской, при посылке ей поэмы «Цыганы»	99
* Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас»)	99
Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной»)	100
Арион	100
* Мордвинову («Под хладом старости угрюмо угасал»)	100
Ангел	101
«Какая ночь! Мороз трескучий»	102

* Кипренскому («Любимец моды легкокрылой»)	103
Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной	103
Поэт («Пока не требует поэта»)	104
«Близ мест, где царствует Венеция златая»	104
Из Alfieri («Сомненье, страх, порочную надежду»)	105
Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он») . .	106
«Всем красны боярские конюшни»	110
«Блажен в золотом кругу вельмож»	110
«В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера» . .	111
19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои»)	111
Талисман :	111
* В альбом Павлу Вяземскому	112
«Весна, весна, пора любви»	113
«О ты, который сочетал»	113
«Я знаю край: там на берега»	113
«Сводня грустно за столом»	113
Рефугация г-на Беранжера	115
«Символы верности любя»	117

1828

Друзьям («Нет, я не льстец»)	118
Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игро- ков» («Так элегическую лиру»)	119
«Сто лет минуло, как тевтон»	120
«Кто знает край, где небо блещет»	121
В. С. Филимонову. При получении поэмы его «Дурацкий колпак»	123
То Dawe, esq ^r («Зачем твой дивный карандаш»)	124
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день»)	124
Ты и вы	124
«Дар напрасный, дар случайный»	125
И. В. Слёнину («Я не люблю альбомов модных»)	125
«Еще дуют холодные ветры»	126
«Кобылица молодая»	126
Ее глаза (В ответ на стихи князя Вяземского)	127

«Не пой, красавица, при мне»	127
К Языкову («К тебе собирался я давно»)	128
Портрет («С своей пылающей душой»)	129
Наперсник : . . . :	129
«Счастлив, кто избран своенравно»	129
Предчувствие	130
Утопленник. Простонародная сказка	130
«Рифма, звучная подруга»	133
«Ворон к ворону летит»	134
«Город пышный, город бедный»	134
* 19 октября 1828 («Усердно помолвившись богу»)	135
«В прохладе сладостной фснтавов»	135
Анчар :	136
Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт»)	137
Ответ А. И. Готовцовой	138
Цветок :	138
Поэт и толпа	139
«Каков я прежде был, таков и ныне я»	140
* Эпитафия младенцу	141
«Увы! Язык любви болтливый»	141
* Н. Д. Киселеву («Ищи в чужом краю здоровья и свободы»)	141
Кирджали («В степях зеленых Буджака»)	142
«Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи»	142
* Альбомные стихи А. П. Керн	142
«Если в жизни поднебесной»	142
«Атoug, exil»	142
«Не смю вам стихи Баркова»	143
«Когда, стройна и светлоока»	143
«Вези, вези, не жалей»	143
«Уродился я, бедный недоносок»	143
«Брадатый староста Авдей»	143
«За Netty сердцем я летаю»	144
«Как быстро в поле, вокруг открытом»	144
«Лищинский окошел — отечеству беда!»	144
«Покойник, автор сухощавый»	144

* Отрывки

«Но ты забудь меня, мой друг»	145
«Но вы во мне почтили годы»	145
«Волнением жизни утомленный»	145
«Проснулся я — последний сон»	145
В рюмке светлой предо мною»	145

1829

Ел. Н. Ушаковой. В альбом («Вы избалованы природой») .	146
* Е. П. Полторацкой («Когда помилует нас бог»)	146
«Подъезжая под Ижоры»	147
Приметы	147
Литературное известие	148
Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»)	148
«Поэт-игрок, о Беверлей-Горацій»	148
Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский»)	149
«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?» . .	149
«На холмах Грузии лежит ночная мгла»	149
Калмычке : :	149
«Жил на свете рыцарь бедный»	150
Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой»)	152
Олегов щит	152
«Как сатирой безымянной»	153
«Счастливы ты в прелестных дурах»	153
Сапожник (Притча) : : : :	153
Дон	154
Дорожные жалобы	154
«Зима. Что делать нам в деревне?»	155
Зимнее утро	157
Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой») .	157
Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес»)	158
«Я вас любил: любовь еще, быть может»	158
«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья»	158
«Брожу ли я вдоль улиц шумных»	159
Кавказ	160
Обвал	161
Делибаш	161

Монастырь на Казбеке	162
Собрание насекомых	162
«Когда твои молодые лета»	163
К бюсту завоевателя	164
«Благословен твой подвиг новый»	164
«Критон, роскошный гражданин»	164
* На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе»	165
«Опять увенчаны мы славой»	165
«Зорю бьют... из рук моих»	166
«Надеясь на мое презренье»	166
«Был и я среди донцов»	167
«В журнал совсем не европейский»	167
«Зачем, Елена, так пугливо»	167
«Стрекотунья белобока»	167
Воспоминания в Царском Селе	168
«Еще одной высокой, важной песни»	169
«Меж горных стен несется Терек»	170
«Страшно и скучно»	171
* Отрывки	
«И вот ущелье мрачных скал»	171
«Трудясь над образом прелестной Ушаковой»	171
«О, сколько нам открытий чудных»	171

1830

* Циклоп («Язык и ум теряя разом»)	172
«Что в имени тебе моем?»	172
Ответ («Я вас узнал, о мой оракул»)	173
«В часы забав иль праздной скуки»	173
Сонет («Суровый Дант не презирал сонета»)	174
Эпиграмма («Не то беда, что ты поляк»)	174
К вельможе	175
Новоселье	177
«Когда в объятия мои»	178
Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной»)	178
Мадонна	179

Бесы	179
Элегия («Безумных лет угасшее веселье»)	181
Ответ анониму	181
Царскосельская статуя	182
Отрок	182
Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня»)	182
На перевод Илиады («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи»)	183
Труд	183
«Глухой глухого звал к суду судьи глухого»	183
Прощанье («В последний раз твой образ милый»)	183
Паж, или Пятнадцатый год	184
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый»	185
«Я здесь, Инсилья»	186
Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин»)	186
Заклинание	187
«Стамбул гяуры нынче славят»	187
«Мы рождены, мой брат названный»	189
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	189
Герой	190
«В начале жизни школу помню я»	192
К переводу Илиады («Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера»)	194
«Для берегов отчизны дальной»	194
Из Ваггу Согнвалл («Пью за здравие Мери»)	195
Мёдок (Мёдок в Уаллах)	195
«Пред испанкой благородной»	196
Моя родословная	196
Цыганы («Над лесистыми берегами»)	199
«Шумит кустарник... На утес»	199
«Полюбуйтесь же вы, дети»	200
«Два чувства дивно близки нам»	200
«Когда порой воспоминанье»	201
Отрывок («Не розу пафосскую»)	202
«Одни стихи ему читала»	202

* Отрывки	
«...В пустыне пробился ключ»	202
«Тому одно, одно мгновение»	202
«...строгий свет»	203
«Надо мной в лазури ясной»	203

1831

«Перед гробницею святой»	204
Клеветникам России	205
Бородинская годовщина	206
Эхо	208
«Чем чаще празднует Лицей»	209
* Из письма к Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер»)	210
* Из записки к А. О. Россет («От вас узнал я плен Вар- шавы»)	210
* Отрывки	
«Так старый хрыч, цыган Илья»	210
«Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы»	210

1832

«И дале мы пошли — и страх обнял меня»	211
Мальчику (Из Катулла)	212
«В тревоге пестрой и бесплодной»	213
* В альбом кнж. А. Д. Абамелек («Когда-то...»)	213
* Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один»)	213
Красавица («Всё в ней гармония, всё диво»)	214
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»)	215
* В альбом («Гонимый рока самовластьем»)	215
* В альбом («Долго сих листов заветных»)	215
«Желал я душу освежить»	216
«Я ехал в дальные края»	216

1833

Подражания древним.

1. «Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают»	217
2. «Славная флейта, Феон, здесь лежит...»	217

«Бог веселый винограда»	218
«Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу»	218
Вино (Ион Хиосский)	218
Гусар	218
«Сват Иван, как пить мы станем»	222
Будрыс и его сыновья	223
Воевода	224
«Когда б не смутное влеченье»	226
Осень (Отрывок)	226
«Не дай мне бог сойти с ума»	229
«Царей потомок, Меценат»	230
«Царь увидел пред собою»	231
«Французских рифмачей суровый судия»	231
«В поле чистом серебрится»	232
«Чу, пушки грянули! крылатых кораблей»	233
«Колокольчики звенят»	233
Мера за меру	234
* Отрывки	
«В славной в Муромской земле»	235
«Толпа глухая»	235

1834

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит»	236
«Он между нами жил»	236
«Я возмужал среди печальных бурь»	237
«Везувий зев открыл — дым хлынул клубом»	237
«Стою печален на кладбище»	237

Песни западных славян

Предисловие	238
1. Видение короля	240
2. Янко Марнавич	242
3. Битва у Зеницы-Великой	244
4. Феодор и Елена	245
5. Влах в Венеции	247
6. Гайдук Хризнич	248
7. Похоронная песня Иакинфа Маглановича	249

8. Марко Якубович	250
9. Бонапарт и черногорцы	253
10. Соловей	254
11. Песня о Георгии Черном	255
12. Воевода Милош	256
13. Вурдалак	257
14. Сестра и братья	257
15. Яныш королевич	260
16. Конь	263
Примечания	264
«Что белеется на горе зеленой?»	268
«Менко Вуич грамоту пишет»	269

1835

(Из Анакреона). Отрывок («Узнают коней ретивых»)	270
Ода LVI. (Из Анакреона) («Поредели, побелели»)	270
Ода LVII. («Что же сухо в чаше дно?»)	271
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила»	271
Полководец	271
Туча	273
Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью»)	273
* Родрик	274
«Кто из богов мне возвратил»	277
Странник	278
«...Вновь я посетил»	280
«Я думал, сердце позабыло»	282
На выздоровление Лукулла	282
Пир Петра Первого	284
Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный»)	285
«В Академии наук»	285
«К кастрату раз пришел скрыпач»	286
«В мои осенние досуги»	286
«О бедность! затвердил я наконец»	287
«Если ехать вам случится»	287
«Когда владыка ассирийский»	288
«На это скажут мне с улыбкою неверной»	289

«— Не видала ль, девица»	289
* Отрывки	
«То было вскоре после боя»	289
«Как редко плату получает»	290
«Развратник радуясь клеветает»	290
«Не вижу я твоих очей»	290

1836

Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою!»)	291
Художнику	291
Мирская власть	292
(Подражание итальянскому) («Как с дерева сорвался предатель ученик»)	292
«Напрасно я бегу к сионским высотам»	293
(Из Пиндемонти) («Не дорого ценю я громкие права»)	293
«Отцы пустынноики и жены непорочны»	294
«Когда за городом, задумчив, я брожу»	294
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»	295
«Была пора: наш праздник молодой»	296
1. «На статую играющего в свайку»	297
2. «На статую играющего в бабки»	298
«От меня вечер Леила»	298
«От западных морей до самых врат восточных»	298
«Ценитель умственных творений исполинских»	299
«Альфонс садится на коня»	299
«Забыв и рошу и свободу»	300

*Стихотворения,
точная дата которых не установлена
1827—1836*

Русскому Геснеру	301
Золото и булат	301
«Не знаю где, но не у нас»	301
«Твои догадки — сущий вздор»	302
«Когда Потемкину в потемках»	302
«Зачем я ею очарован?»	302
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»	303

«Ты просвещением свой разум осветил»	303
«О нет, мне жизнь не надоела»	304
* Отрывки	
«Друг сердечный мне наемни говорил»	304
«Конечно, презирать не трудно»	304
«Воды глубокие»	305
«Ночь тиха, в небесном поле»	305
«Сей белокаменный фонтан»	305
«Еще в ребячестве бессмысленно лукавом»	306
«Когда так нежно, так сердечно»	306
Prologue	306

Коллективное

Элегия на смерть Анны Львовны	307
Нравоучительные четверостишия	307
В. Л. Пушкину («Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!»)	310
«Надо помянуть, непременно помянуть надо»	310
«Коль ты к Смирдину войдешь»	312
Канон в честь М. И. Глинки («Пой в восторге, рус- ский хор»)	312

Приписываемое Пушкину

Разговор Фотия с гр. Орловой	313
Гр. Орловой-Чесменской	313
* На Фотия («Полу-фанатик, полу-плут»)	313
«Накажи, святой угодник»	313
* Из письма к Вигелю	314
«Расходились по поганскому граду»	314
Кнж. С. А. Урусовой («Не веровал, я тронце доньне»)	314

ПРИЛОЖЕНИЕ

Записи народных песен	317
Записи песен, сохранившиеся в копиях в собрании песен	
П. В. Киреевского	321
Переводы иноязычных текстов	343
Примечания	348

А. С. ПУШКИН

Собрание сочинений
в десяти томах

Том II

Редактор тома

Е. А. Ромашкина

Оформление художника

Е. А. Ганнушкина

Технический редактор

А. И. Шагарина

Сдано в набор 12.05.81. Подписано к печати 01.09.81.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.

Гарнитура «Академическая». Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,26. Уч.-изд. л. 21,03. Тираж 600 000 экз.

Изд. № 2270. Заказ № 724. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 70684

